НОВАЯ ПОЛЬША

№11 (179) 2015

ГЛАВНЫЕ ЦЕННОСТИ ПОЛЯКОВ

ЮЗЕФ ЛОБОДОВСКИЙ О РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

«ЯКУБОВЫ КНИГИ» ОЛЬГИ ТОКАРЧУК

КИБЕРДОКТОР СПАСАЕТ ЖИЗНЬ

СТИХИ ЮЛИАНА КОРНХАУЗЕРА

ПОЛЬСКИЕ ССЫЛЬНЫЕ В КАЗАХСТАНЕ

НАТАН ЭЙДЕЛЬМАН МЫ ЗНАЛИ И МОЛЧАЛИ

ВАРШАВА

ISSN 1508-5589

**Вы можете подписаться на «Новую Польшу»,
перечислив деньги на наш счет и отправив нам по почте,
факсу или электронной почте копию подтверждения оплаты
с пометкой: *prenumerata.***

Деньги просим перечислять на счет издателя «Новой Польши»:
Instytut Książki
ul. Z. Wróblewskiego 6
31-148 Kraków

Подписка в Польше:
Название банка: BANK GOSPODARSTWA KRAJOWEGO
Номер счета: PL
81 1130 1150 0012 1269 2720 0001
Цена 1 экз. — 8 зл.
Цена годовой подписки — 96 зл.

Подписка за границей:
Название банка: BANK GOSPODARSTWA KRAJOWEGO
Номер счета: PL
81 1130 1150 0012 1269 2720 0001
SWIFT CODE: GOSKPLPW
Цена годовой подписки — 70 евро или 100 долларов

Информация о подписке за границей:
Тел. +48 22 608-27-95
Факс: +48 22 608-25-05
e-mail: nowpol@instytutksiazki.pl

Информация о подписке в Польше:
Тел./факс: 22 608-24-88, 22 608-23-74
e-mail: czaspatron@instytutksiazki.pl

Журнал «Новая Польша»
допущен к распространению на территории Российской Федерации
Решением Министерства Российской Федерации по делам печати,
телерадиовещания и средств массовых коммуникаций
(Свидетельство регистрации средства массовой информации ПИ №77-1063 от 3 ноября 1999 года)
Приглашаем всех читателей посетить интернет-сайт «Новой Польши»:www.novpol.ru

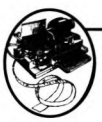
НОВАЯ ПОЛЬША

№ 11 (179)
2015
ноябрь

ISSN 1508-5589

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЕЖЕМЕСЯЧНИК

ГЛАВНОЕ ДЛЯ ПОЛЯКОВ — ЗДОРОВЬЕ И СЕМЬЯ, А ЛИШЬ ПОТОМ ДЕНЬГИ 3
Беседа с социальным психологом Янушем Чапинским



Виктор Кулерский 8
ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ

Войцех Мазярский 20
НОВЫЙ ОБЛИК ЕВРОПЕЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ

Кшиштоф Катка 22
СУДОВЕРФИ В «РУИНАХ». РАЗВЕ?

Радослав Омахель 25
КАК ПРОДАТЬ ГРАФЕН

Павел Валевский 29
КИБЕРДОКТОР
Телелечение по желанию

Лешек Шаруга 33
ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ

Ольга Токарчук 36
ЯКУБОВЫ КНИГИ
(отрывки из книги)

Юзеф Лободовский 47
НЕОКОНЧЕННАЯ ПОЭМА

Антоний Вжосек 58
ВОСПОМИНАНИЕ О КАЕ

Лешек Шаруга 60
ИЗЛУЧЕНИЕ ФОНА

Юлиан Корнхаузер 67
ЕВРЕЙСКАЯ ПЕСНЯ

Эльжбета Савицкая 72
КУЛЬТУРНАЯ ХРОНИКА

Дмитрий Легкий 76
ПОЛЯКИ В ССЫЛКЕ

Элиза Вольская 79
МОЛОДЕЖЬ ПЕРЕД ЛИЦОМ ИСТОРИИ

ИЗ-ПОД СПУДА

МЫ ЗНАЛИ И МОЛЧАЛИ 81
Беседа с Натаном Эйдельманом

Переводчики: И. Белов, Е. Гендель, С. Морейно, В. Окунь, О. Лободзинская, Д. Пелихов, С. Политыко, Е. Шиманская

© Фото: Archiwum (стр. 58, 84), East News (стр. 3), Danuta Wegiel/FOTONOVA (стр. 60)

Редакционный совет
Стефан Братковский
Генрик Возняковский
Ежи Клочовский
Кароль Модзелевский
Януш Тазбир
Станислав Цёсек

Ежи Помяновский
(главный редактор)

Редколлегия
Элиза Вольская
Галина Дубик
Никита Кузнецов
Виктор Кулерский
Ирина Лаппо
Петр Мицнер ***(зам. гл. редактора)***
Евангелина Скалинская
(секретариат)
Гжегож Пшебинда
Ежи Редлих
(зам. гл. редактора, секретарь редакции)
Эльжбета Савицкая
Лешек Шаруга
Дмитрий Шевионков-Кисмелов
(главный художник)

Графика и макет
Дмитрий Шевионков-Кисмелов

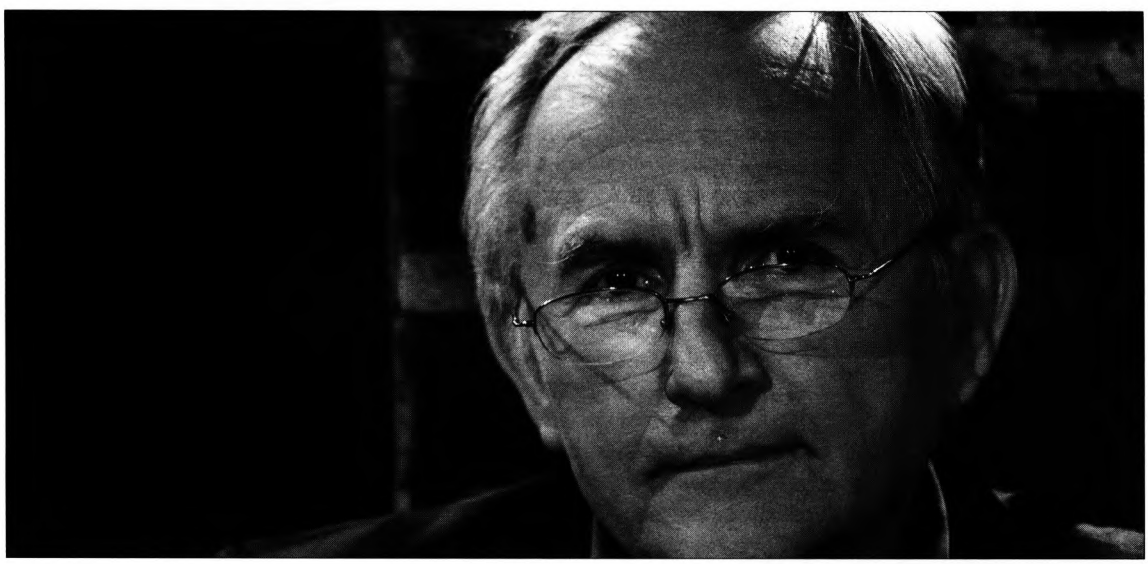
Техническая редакция
Паулина Зеленая

Адрес редакции
INSTYTUT KSIĄŻKI
al. Niepodległości 213
02-086 Warszawa
Ал. Неподлеглости, 213
02-086 Варшава
тел: **(22) 608 27 95; 608 25 65**
факс: **(22) 608 25 05; 608 27 96**
e-mail: **nowpol@instytutksiazki.pl**
Информация о журнале для стран СНГ
Издательство МИК, Москва,
ул. Большая Переяславская, д.15, кв.49
тел: **621-41-42**
e-mail: **mic@inbox.ru**

Журнал издается по поручению Министра Культуры и Национального Наследия Республики Польша
WYDAWCA:
Instytut Książki, ul. Z. Wróblewskiego 6, 31-148 Kraków
DZIAŁ WYDAWNICTW:
al. Niepodległości 213, 02-086 Warszawa
tel/fax (22) 608 24 88
Тираж 2700 экз.

ГЛАВНОЕ ДЛЯ ПОЛЯКОВ — ЗДОРОВЬЕ И СЕМЬЯ, А ЛИШЬ ПОТОМ ДЕНЬГИ

С социальным психологом Янушем Чапинским беседует Анита Чупрын



Подавляющее большинство поляков все жизненные успехи приписывают себе, а не кому-то другому и уж точно не власти. С властью поляки ни в коем случае успехами не делятся.

— Не могу удержаться, чтобы не спросить — вы счастливый человек?

— Состоявшийся.

— Последние опросы «Социального диагноза» свидетельствуют, что поляки чувствуют себя счастливее, чем год назад, или же эти показатели означают, что за последний год увеличилось число счастливых и довольных своей жизнью поляков?

— И то и другое. Потому что мы в «Социальном диагнозе» проводим панельные исследования, то есть возвращаемся со своим опросом к значительной части тех же людей, которых опрашивали ранее, и видно, что у них этот индикатор счастья тоже вырос. Но, вне зависимости от этого, всякий раз мы проводим исследование по дополнительной выборке, и можно сказать, что во всех этих исследованиях 2013 и 2015 годов заметен несомненный рост процента счастливых людей.

— Чем объясняется такое улучшение самочувствия поляков?

— Здесь мы можем лишь выдвигать гипотезы. По моему мнению, оно объясняется тем, что поляки обрели уверенность в себе. Тот, кто уверен, что добьется успеха в различных условиях и во всяких ситуациях, воспринимает трудности как вызовы, не очень-то их боится, в результате, если, конечно, он активен и не сидит сложа руки, у него растут доходы, он лучше заботится о своем здоровье, у него удачно складываются социальные отношения как с ближайшим, так и с дальним окружением. Иными словами, все эти положительные эффекты, если можно так сказать, являются в данном конкретном моменте результатом состояния духа.

— Тогда копнем глубже — почему же поляки чувствуют себя увереннее?

— Во-первых, это связано с некой суммой разного рода жизненных успехов. Это работает в какой-то степени по принципу самоисполняющегося предсказания. Если прошедший год был для меня удачным, мое психическое состояние улучшается, я смелее смотрю вперед, сосредотачиваясь не на угрозах, а на вызовах. В следующем году я справляюсь еще лучше. Ну и если собрать все эти успехи поляков, начиная с середины 90-х годов, то не удивительно, что мы имеем дело с обществом, члены которого, правда, пока еще не способны к сотрудничеству друг с другом, зато поодиночке добиваются всё бóльших успехов. Поляки — это по-прежнему множество монад, но таких монад, которые всё лучше обеспечены ресурсами разного рода, позволяющими им двигаться вперед. Этому, конечно, способствует структура экономики, так как она не требует никакого сотрудничества. Приходит инвестор и нанимает людей вворачивать шурупы. На конвейере никто ни с кем не сотрудничает. Но этот прекрасный золотой век может и закончиться: когда, например, вырастут заработки, иначе говоря, стоимость рабочей силы, инвесторы не столь охотно повезут к нам свои сборочные конвейеры, как это было до сих пор. Тогда окажется, что неспособность сотрудничать — это черная дыра, в которую все мы можем провалиться, когда закончится, к примеру, нынешняя финансовая перспектива Европейского союза, и к нам перестанут бурным потоком литься деньги, которые тоже позволяют раскручивать различные инвестиции, скажем, в инфраструктуру. Строительство нескольких десятков километров автострады — это привлечение, как минимум, нескольких тысяч работников. Колесо фортуны для Польши пока крутится с неплохой скоростью, мы поодиночке находим свое место в этой полосе удач и пользуемся моментом. Одним словом, все хорошо, но прогнозы меня не радуют.

— Показывает ли «Социальный диагноз» также то, что для нас важно? Насколько важны деньги, работа, семейные и дружеские отношения?

— Несомненно, самое важное — это здоровье, оно далеко опережает все остальные ценности. Следующие места занимают брак, дети, затем работа, а уже потом деньги.

— Это интересно, ведь последние тенденции показывают, что молодежь не хочет заключать браков, живет в партнерских союзах, да и детей не хочет.

— Дело в том, что мы можем высоко ценить удачный брак, но при этом бояться брака, считая, что он может быть неудачным. Есть разные причины, по которым именно эти, высшие ценности, не всегда реализуются в жизни.

— Интересно сопоставить ваши данные, из которых следует, что поляки довольны своей жизнью, с тем, что говорят политики. Например, вопреки рассказам политиков, «Диагноз» показывает, что в Польше нет голодных детей. Есть недоедающие, которых не более 85 тысяч, и их число уменьшается. Так откуда политики берут свои истории?

— Видимо, из очень устаревших данных, потому что процент крайне бедных семей действительно вырос в 2013 году и удерживался на относительно высоком уровне в 2014. Но с того времени многое изменилось. В связи с ростом благосостояния польских семей, а у бедных оно росло быстрее, чем у богатых, огромному количеству этих, в прошлом крайне бедных, людей удалось отбиться от дна, перевести дыхание и, по крайней мере, обеспечивать семью питанием. Оказывается, благодаря такому росту доходов, у поляков не только стало больше денег на еду, но появилось настолько много средств, что растет группа домашних хозяйств, которые в состоянии откладывать часть денег, а не проедать все, тратя на текущие расходы. Это заметно по разным индикаторам, но совокупный показатель — признание домохозяйств, что постоянных доходов достаточно на удовлетворение текущих потребностей. 22 года тому назад таких домохозяйств было всего 26%, а теперь их 81%.

— Но 19% заявляют, что их доходы не позволяют удовлетворять текущие потребности.

— Всего 19%. Но ведь нельзя делать вывод, что целых 19% домохозяйств испытывают какую-то крайнюю нужду или им не хватает на еду. В общем и целом — и это мой призыв к политикам — пожалуйста, не надо говорить о голоде в Польше. В Польше нет голода.

*«Песа» — польский концерн по производству и модернизации рельсового транспорта. «Солярис» — польская компания по производству автобусов, троллейбусов, трамваев. «Новый стиль» — польская компания по производству офисных кресел и стульев — Прим. пер.

— Диагноз звучит оптимистически, ведь и национальный доход на душу населения вырос на 10%. Как Вы уже упомянули, разрыв между самыми богатыми и самыми бедными постоянно сокращается. Но если всё так хорошо, то почему всё так плохо, почему люди задумываются об экономической эмиграции?

— Семь процентов заявляют, что в течение двух ближайших лет собираются эмигрировать ради заработка, однако, по нашим расчетам на основании данных предыдущих опросов, это намерение реализуют от силы 3%. А если мыслить реалистически, таких будет не более 2%. Неправда, что вся Польша перебирается в Германию или другие богатые страны Евросоюза. Конечно, выезжает всё больше тех, кто должен быть для нас наиболее ценен, то есть высококвалифицированные, очень целеустремленные, предприимчивые молодые люди. Но ведь именно они и не могут найти себе здесь, в нашей подражательной экономике и занимающейся монтажом промышленности, достойного места работы. Они ищут, но где же такой институт, в котором они могли бы дружной командой разработать какую-то новую модель мотоцикла, трамвая или чего-либо еще? Таких мест в Польше кот наплакал. Мы можем, конечно, похвалиться такими компаниями, как «Песа», «Солярис», «Новый стиль»* и т.д., но и это не самый пик современной технологии. Мы завоевали мир стульями, а Apple завоевал мир компьютерами и сотовыми телефонами, и прибыль у них, конечно, больше, чем у польской фирмы «Новый стиль».

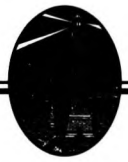
— Согласна, но из исследований следует, что эмигранты — это по большей части мужчины со средним специальным образованием. Для них тоже нет места в Польше.

— Это правда, но я говорю, что среди тех, кто заявляет о желании уехать из Польши, увеличивается группа людей с высшим образованием. Кстати, для образованных в Польше тоже есть рабочие места. Безработица, на самом деле, очень уменьшилась. Из зарегистрированных безработных в трудоустройстве заинтересованы около 6%. Этот показатель не слишком отличается от среднестатистического по Евросоюзу. Напротив, мы находимся в группе стран с низкой безработицей. Но если каждый может найти работу, это еще не означает, что каждый примет ту работу, которую нашел или которую ему предлагают. Конечно, скажем, магистр экономики или психологии, если нужда заставит, пойдет кассиром в супермаркет, но постоянно будет думать о том, что надо попытаться найти место, соответствующее хотя бы его образованию, а также профессиональным амбициям. Если он не может его найти, то думает: «Надо уезжать». Уезжающие со средним специальным образованием обычно имеют в руках какую-нибудь профессию, которая ценится на Западе. Их охотно возьмут на работу, поскольку они не слишком требовательны в смысле размеров заработной платы. Это каменщики, плотники, слесари, это пресловутый польский сантехник в Париже. Они знают, что в некотором смысле, западные рынки труда ждут их. Потому что за те деньги, на которые они согласятся, местные работать не будут. А они будут. Вот объяснение, почему постоянно так велика группа эмигрантов-мужчин со средним специальным образованием. Они просто видят шанс зарабатывать за границей в три-четыре раза больше, чем в Польше, несмотря на то, что получают вдвое меньше, чем местные.

— Произошли изменения и в выборе места эмиграции. Когда-то, в 80-е, мы мечтали об Америке.

— Это очень тесно связано с датой, когда для нас открылся европейский рынок труда. Мы перестали мечтать об Америке в момент вступления в Евросоюз. В Америку нет рейсов дешевых авиакомпаний, а в большинство городов Европы можно дешево долететь из Польши, так что в любой момент можно навестить семью или закончить дома какие-то незавершенные дела. В то же время, факт, что Великобритания одной из первых открыла рынок труда, определил направление основного потока экономической эмиграции именно на Британские острова. Так было, пока Германия не открыла свой рынок труда, после чего пропорции радикально изменились. Теперь не только огромное количество поляков собирается эмигрировать, но и подавляющее большинство тех, кто уже упаковал багаж и сел в самолет дешевой авиакомпании, летит в Германию, а не в Великобританию. Почти 40% выбирают Германию. Как и беженцы, которые тоже предпочитают оказаться в Германии. Люди знают, где лучше.

— Вернемся к данным, показывающим, что поляки довольны своей жизнью — ведь так считают 80%, и мы видим, что на европейской арене опережаем в этом венгров, испанцев и португальцев. Так чем же довольны поляки?



— У каждого могут быть собственные причины, но, в общем, поляки довольны тем, что у них неплохие перспективы на будущее, кроме того, их радует факт, что они многого достигли. И они считают это своей заслугой. Подавляющее большинство поляков все жизненные успехи приписывают себе, а не кому-то другому и уж точно не власти. С властью поляки ни в коем случае делиться успехами не хотят. Они даже поражениями перестали с ней делиться. Власть перестали обвинять даже в том, что подвернули ногу.

— Это тоже интересно — то, что политика оказывается настолько маловажной для личного жизненного пути гражданина, а мы чувствуем себя кузнецами своих судеб. С другой стороны, достаточно взглянуть на всевозможные марши протеста или демонстрации, на которых как раз политиков обвиняют в том, что кто-то плохо живет.

— Нет, с помощью таких манифестаций и протестов у политиков пытаются что-то вырвать. Но поляки не ожидают, что очередные правовые нормы, очередные законы или решения правительства могут как-то радикально нарушить или же исправить сценарий их жизни. Иными словами, поляки относятся к политикам так же, как политики относятся к полякам.

— Беспокоит наша тяга к спиртному. Из диагноза следует, что поляки выпивают все чаще, и все больше: сегодня около 7% поляков злоупотребляет алкоголем…

— …признаются 7%, а злоупотребляющих, определенно, больше.

— Увеличивается и количество людей, принимающих наркотики.

— Здесь как раз ничего не меняется за последние, как минимум, четыре или шесть лет — мы на том же уровне, то есть примерно 1-1,3% для возрастной группы 16 и более лет. Это, конечно, значительно хуже, чем в начале 90-х, ведь рост четырехкратный, но это еще не социальная эпидемия. А вот показатель злоупотребления алкоголем беспокоит, это уже возвращение к последним годам ПНР и началу трансформации.

— Почему поляки злоупотребляют алкоголем?

— Уровень употребления алкоголя престал снижаться, а вот курить люди по-прежнему бросают. Возможно, решили, что никотин вредит здоровью, а алкоголь — нет.

— Еще одна плохая новость, вы об этом уже упоминали, — мы перестали доверять друг другу. Я как-то читала статью, автор которой утверждал, что доверие — это звено, утраченное после 1989 года.

— Оно не было утрачено, потому что этого звена в Польше никогда не было, с сарматских времен. Здесь просто ничего не изменилось.

— Как же? А «Солидарность» с ее 10 миллионами членов, объединенных стремлением к свободе?

— Не шутите, пожалуйста. Вы бы еще Монте-Кассино вспомнили и прочие порывы поляков в момент, когда перед ними был общий враг. Так сложилось, что в 1980 году у подавляющего большинства поляков, по меньшей мере, у 10 миллионов, записавшихся в «Солидарность», был общий враг. Вот они вместе и поднялись на борьбу с этим врагом. Речь идет не о борьбе, а о созидании. Речь идет о сообществе, создающем что-то новое. Такого сообщества у нас никогда не было.

— Не радуют данные, касающиеся нашей социальной активности, которая вместо того, чтобы расти — падает. А ведь росту должны способствовать и органы самоуправления, и неправительственные организации, и многочисленные фонды, которые понимают, что такое активная гражданская позиция.

— Значительная часть этих неправительственных организаций находится в состоянии спячки. Они просто зарегистрировались и все. Действующие же организации такого рода не всегда работают во имя широко понимаемого общего блага, часто все ограничивается проведением акции по сбору денег для больного ребенка.

— Если здоровье — важнейшая ценность нашей жизни, то здесь ничего не изменилось: поляки по-прежнему жалуются на здравоохранение.

— Изменилось, потому что люди решили эту проблему «по-своему». Те, кто может себе это позволить, сокращают срок ожидания визита к специалистам при помощи взяток. Поэтому почти на

60% выросло число тех, кто дает взятки медикам, а размер взятки реально вырос на 36%. Вот такое решение проблемы. Как с беженцами — когда закрыли границу с Венгрией, они пошли в Хорватию. Раз системе не удалось ликвидировать очереди к специалистам, поляки нашли другой способ. Конечно, несправедливый для тех, у кого-либо нет денег или же слишком строгие моральные принципы, чтобы давать взятки, поэтому их постоянно отодвигают в конец очереди. А те, кому деньги и мораль позволяют, кладут в конверт немного деньжат и идут вперед бедолаг, терпеливо ожидающих приема по полгода.

— Тем временем, это тоже опубликовано в «Социальном диагнозе», лучше всего зарабатывающая профессиональная группа в Польше — врачи.

— Финансовая ситуация врачей постепенно поправлялась в течение довольно длительного времени. Именно потому, что для поляков здоровье — самое главное. Юристы обеднели, так как юридические профессии стали более доступными, выросла конкуренция. Профессию врача массовой не сделаешь.

— Изменилось ли что-то в нашем менталитете, например, перестали ли мы жаловаться? Наша любовь пожаловаться стала просто легендарной — когда встречаются два поляка, то в ответ на вопрос «как дела?» они перечисляют самые страшные вещи, болезни, нагрянувшую тещу и т.п.

— Думаю, что в частных беседах этих жалоб уже не слышно, но поляки, конечно, жалуются на недостатки, касающиеся функционирования государства. Недостатки, сильно гиперболизированные увеличительным стеклом СМИ. Поляки сами относительно гладко решают свои проблемы, но из СМИ льются жалобы, что здесь обижают, там творится несправедливость, этого обманули, там вынесли несправедливый приговор, еще у кого-то судебный исполнитель, хоть и не имел права, забрал трактор. Если наше сознание, по крайней мере, у тех, кто следит за СМИ, переполнено информацией почти исключительно о несчастьях и проблемах, то ничего удивительного, что мы можем перед сном подвести итог дня: да я в рубашке родился — ведь меня никто не обокрал, не обманул, напротив, мне повысили зарплату, хорошо, но, Матерь Божья, что в этой Польше творится?!

— Откуда же это рекордное количество самоубийств за последнее время?

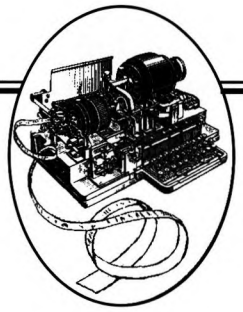
— Самоубийства никак не связаны со всеобщим ощущением счастья. Они никак не связаны с благосостоянием. Самый большой процент самоубийств отмечается в очень богатых и счастливых странах, в Швеции, например. Здесь, на самом деле, одно имеет мало общего с другим. Можно сказать, что условия жизни — это экзамен на силу духа. Большинство этот экзамен сдает, но когда условия немного осложняются, а значит, социальная и экономическая жизнь в Польше тоже осложняется, то те, кто не в состоянии выдержать этот экзамен, кто недостаточно закален, решаются на этот шаг. Но нельзя из роста числа самоубийств делать вывод об ухудшении ситуации в стране. Такой вывод неправомерен.

— Указывает ли «Социальный диагноз» направление, в котором следует двигаться дальше, подсказывает ли, что стоит исправить в своей жизни?

— Все-таки нужно меньше пить. А еще поляки должны научиться сотрудничать друг с другом, но это пустой лозунг, ведь что значит — должны? Это сильно укоренившийся в нас культурный фактор. Отсутствие доверия и нежелание сотрудничать видны на каждом шагу. Когда поляки начинают спорить, то каждый из них до самого конца дискуссии, если только они не подерутся, будет стоять на своем. Потому что какая-либо золотая середина означала бы так называемый гнилой компромисс. Нигде в мире, ни в одной развитой стране, нет такого понятия, как гнилой компромисс (смех). В основном, нам не хватает этого. Не хватает социального капитала, но жаловаться бесполезно. Нужно бы изменить различные институты, главным образом, систему просвещения, чтобы поощрять желание молодых поляков сотрудничать со своими ровесниками. Вот этого нам, без сомнения, не хватает, и это может стать глыбой, которая вскоре рухнет и задавит весь этот рост и развитие, сведя наше ощущение счастья к уровню 90-х годов или еще ниже, как, например, в Греции, где жизнью довольно всего 43%, наполовину меньше, чем в сегодняшней Польше.

POLSKA THE TIMES

Януш Чапинский — профессор, сотрудничающий с Варшавским университетом, член Комитета по психологии Польской академии наук. Социальный психолог, преподаватель нескольких высших учебных заведений, автор научных публикаций, посвященных психологии. Многие годы руководит панельными исследованиями «Социальный диагноз», проектом, в рамках которого с 2000 г. анализируются условия и качество жизни поляков.



Виктор Кулерский

ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ

» **Государственная избирательная комиссия объявила официальные итоги выборов в парламент. Сейм: «Право и справедливость» — 37,6% (235 мандатов), «Гражданская платформа» — 24,1% (138 мандатов), «Кукиз-15» — 8,8% (42 мандата), «Современная.PL» (партия Рышарда Петру) — 7,6% (28 мандатов), крестьянская партия ПСЛ — 5,1% (16 мандатов), немецкое меньшинство — 1 мандат. Сенат: «Право и справедливость» — 61%, «Гражданская платформа» — 34%, крестьянская партия ПСЛ — 1%, независимые кандидаты — 4%. Явка избирателей — 50,92%.** ***(«Газета выборча», 28 окт.)***

» «Партийные списки движения Кукиз-15 включали 51 кандидата, связанного с различными националистическими партиями, в частности, с «Национальным движением». Из них 9 кандидатов занимали в списках первые места, благодаря чему во фракции Кукиза националисты получили почти четверть мест. Это будет их самое крупное и сплоченное представительство. (...) Националисты, имеющие свои отделения по всей Польше, помогли Кукизу организационно, а взамен получили хорошие места в списках». *(Войцех Чухновский, Яцек Харлукович, «Газета выборча», 27 окт.)*

» **«На 70-й сессии Генеральной ассамблеи ООН третьим среди глав государств выступил с речью президент Анджей Дуда. (...) «Мир и закон — вот те два замечательных слова, без которых невозможно себе представить сосуществования наций, этнических групп либо верующих разных конфессий», — так начиналось его выступление. (...) В своей речи президент сослался на Рафаэля Лемкина, автора термина «геноцид». «Этот польский юрист столкнулся с геноцидом на собственном трагическом опыте. Почти вся его семья погибла (во время Холокоста — В.К.) в немецких лагерях смерти», — отметил польский президент. (...) Анджей Дуда прокомментировал и нынешнюю политическую ситуацию: «Я хотел бы особо подчеркнуть, что когда страна при помощи вооруженной агрессии ставит мир перед свершившимся фактом, используя для этого танки, ракеты и бомбы, международное сообщество обязано таких свершившихся фактов не признавать!». В конце своего выступления Анджей Дуда официально пообещал, что Польша будет ходатайствовать о предоставлении ей постоянного членства в Совете безопасности ООН с 2017 года. «Мы создаем мир, опирающийся на силу права, а не на право силы», — заявил президент Польши».** ***(Адам Сосновский, «Газета польска цодзенне», 29 сент.)***

» «Президент Анджей Дуда направил в Сейм законопроект о снижении пенсионного возраста до 60 лет для женщин и 65 лет для мужчин, как это и было до пенсионной реформы, проведенной в 2012 году правительством «Гражданской платформы». Сегодня в Польше пенсионный возраст составляет 60 лет и 9 месяцев для женщин и 65 лет и 9 месяцев для мужчин. Предполагалось, что для обоих полов пенсионный возраст в итоге должен составить 67 лет. (...) «Через несколько недель Польша изберет новый парламент, который должен будет этим заняться», — заявила маршал Сейма Малгожата Кидава-Блонская. *(Матеуш Павляк, Анна Цесляк-Врублевская, «Жечпосполита», 22 сент.)*

» **«Предложение президента нарушает равновесие нашей пенсионной системы, и без того довольно хрупкое по причине малодетности поляков. Наши текущие взносы сразу выплачиваются нынешним пенсионерам. Управление социального страхования не инвестирует ни гроша, лишь фиксируя на наших счетах свои обязательства по грядущим выплатам».** ***(Кшиштоф А. Ковальчук, «Жечпосполита», 22 сент.)***

» «Упорное нежелание президента встречаться с премьер-министром выглядит уже просто неприлично. Это еще и прямое нарушение конституции, которая предусматривает сотрудничество президента с правительством. (...) Но и другая

сторона ведет себя некорректно. Министр внутренних дел, вернувшись из Брюсселя, где проходила встреча по вопросу беженцев, не отреагировала на приглашение президента. (...) Президент имеет право инициировать такую встречу, требуя предоставления нужной ему информации. Он имеет право быть в курсе ситуации, а правительство обязано ему эту ситуацию обрисовать, и вовсе не при посредничестве госпожи премьер-министра, такой порядок нигде не предусмотрен. (...) Сразу же после вступления в должность президент обязан встретиться с глазу на глаз с премьер-министром, причем по собственной инициативе – именно президент должен пригласить к себе главу правительства. И то, что президент до сих пор не направил такого приглашения госпоже премьер-министру, свидетельствует о его мелочности и безответственности. (...) Согласно конституции, внешнюю политику проводит правительство, а президент выступает всего лишь исполнителем этой политики», — Влодзимеж Цимошевич, беспартийный сенатор, бывший премьер-министр, бывший министр иностранных дел. *(«Газета выборча», 24 сент.)*

» **«Вчера наконец-то состоялась встреча президента с министром внутренних дел Тересой Пётровской. (...) Как заявила перед телекамерами госпожа министр, документ, согласно которому Польша обязуется принять около 7 тыс. иммигрантов, она подписала «во имя солидарности как с беженцами, так и с Европой». (...) Пётровская также рассказала, что она вручила президенту небольшой сувенир — образок с изображением св. Анджея Боболи. «Это не только небесный покровитель нашего президента, но и покровитель всех бедных людей», — объяснила она. (...) «Господин президент выразил свои опасения и негативное отношение к принятым решениям, особенно учитывая польское общественное мнение и базовые правовые нормы», — подчеркнул советник президента по вопросам внешней политики Кшиштоф Щерский». *(Самуэль Перейра, «Газета польска цодзенне», 25 сент.)***

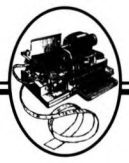
» «Президент Анджей Дуда публично высказался за прием иммигрантов и, доказывая, что его слова не расходятся с делом, отправился в Подлясье, где встретился с представителями польских татар, посетил мечеть и вместе с лидерами религиозных общин выступил на пресс-конференции. Президент напомнил, что у поляков существует традиция доброго сосуществования с теми мусульманами, которые уважают польские законы». *(Михал Шулджинский, «Тыгодник повшехный», 4 окт.)*

» **«Президент (...) ездит по стране. (...) Сейчас он находится в Гостинине. Прежде чем приехать на площадь Рынок, президент совершил визит на молокозавод. «Молокозавод существует уже 125 лет, — рассказывает президент простым людям, — и всё это время он функционирует. Я второй президент Польши, который его посещает. Уже складывается традиция — посещение президентом Польши молокозавода!»». *(Барбара Щепула, «Польска», 25-27 сент.)***

» «По данным ЦИОМа, деятельность президента Дуды положительно оценивают 39% поляков, отрицательного мнения о его работе придерживаются 25%. (...) Положительно оценивают Дуду самые молодые респонденты, сельские жители, лица, имеющие лишь начальное или среднее образование и низкий доход (до 1000 злотых), те, кто как минимум раз в неделю посещает костел и заявляет о своих симпатиях к правым политическим силам. Негативное же мнение о Дуде выражают самые старшие участники опроса, жители маленьких городов (с населением до 20 тыс. жителей) и крупных городских агломераций, а также хорошо образованные люди с высокими доходами». *(«Жечпосполита», 1 окт.)*

» **«Анджею Дуде доверяет 55% поляков. Второе место в рейтинге польских политиков занимает премьер-министр Эва Копач, которой доверяют 48% опрошенных, третье — Павел Кукиз с 38% поддержки. В рейтинге недоверия лидирует Януш Корвин-Микке — ему не доверяют 59% респондентов. Следующими идут Януш Паликот (56%) и Ярослав Качинский (50%). Опрос ЦИОМа». *(«Жечпосполита», 2 окт.)***

» «Во время встречи на Даунинг-стрит, 10 британский премьер-министр Дэвид Кэмерон и польский президент Анджей Дуда обсудили ситуацию с беженцами. Оба подчеркнули, что оказание гуманитарной помощи является обязательным, однако оказываться она должна на месте, в лагерях для беженцев на Ближнем Востоке. Еще одной формой оказания помощи могла бы стать совместная европейская акция против торговли



людьми, рассказал советник президента Кшиштоф Щерский». *(«Жечпосполита», 16 сент.)*

» **«Вечером в понедельник на закрытой встрече в Лондоне с журналистами, работающими для зарегистрированных в Великобритании польских СМИ (журналисты из самой Польши были представлены лишь информагентством Польское агентство печати) президент Анджей Дуда заявил: «Никому из собравшихся я не стану советовать собирать чемоданы и возвращаться»». И добавил: «Развитие наблюдается в основном в статистических отчетах, на бумаге. Однако при этом в глаза бросается прогрессирующее расслоение общества, исчезает формировавшийся после 1989 года средний класс, люди беднеют». *(Павел Вронский, «Газета выборча», 16 сент.)***

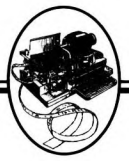
» «По мнению автора последнего соцопроса «Социальный диагноз», профессора Варшавского университета Януша Чапинского, причины того, что мы чувствуем себя счастливыми и довольными, просты: мы больше зарабатываем и все сильнее верим в собственные возможности. Согласно результатам опроса, средний доход домашнего хозяйства увеличился в течение последних двух лет на 314 злотых, составив 3 450 злотых «нетто». Этого достаточно, чтобы существенно укрепить чувство удовлетворения своей финансовой ситуацией, полагает одна треть опрошенных (в 2013 году так считало на 5% меньше респондентов, а в 1991 году такого мнения придерживались всего 10% опрошенных). К сожалению, (...) мы не доверяем окружающим. Лишь небольшой процент поляков считает, что люди чаще стараются быть нам полезными, чем наоборот, и такое отношение сразу помещает нас на предпоследнее место в Европе. Более недоверчивы, чем мы, только россияне». (См. стр. 3-7) *(Клара Клингер, «Дзенник газета правна», 16 сент.)*

» **Как полагают авторы «Социального диагноза», «в группе лучше образованных респондентов наблюдается падение уровня регулярного дохода, в то время как доходы лиц, занимающихся физическим трудом, растут. (...) Люди, выполняющие физическую работу, за последние четыре года увеличили свой заработок на 500-600 злотых «нетто». (...) Женщины-рабочие получают примерно столько же, сколько и женщины-чиновники, то есть около 2,5 тыс. злотых на руки. (...) Улучшение финансового состояния бедного населения и снижение заработка у состоятельных лиц привели к уменьшению общественного неравенства. По данным опроса, у 47,5% наиболее бедных респондентов наблюдался карьерный рост, в результате которого их финансовое положение улучшилось, при этом 46,5% самых богатых участников опроса переместились в категорию людей с более низкими доходами. (...) В этот раз поляков, которым не хватает денег на удовлетворение текущих потребностей, оказалось всего 12%. В 90-е же годы их было 70%, а в самом начале XXI века — 40%. (...) Зато выросло количество тех, у кого денег хватает абсолютно на все. Таких людей оказалось 14%, а в 2000 году их было лишь 3%». *(Кинга Клингер, «Дзенник газета правна», 16 сент.)***

» «У тех, кто выезжает из страны, получив здесь среднее специальное образование, уже есть рабочая специальность, что очень ценится на Западе. Таким людям легче найти работу, они не слишком привередничают, когда речь идет о размере зарплаты. Это каменщики, плотники, слесари, водопроводчики (...). Они знают, что западный рынок труда ждет их, поскольку местные специалисты не хотят работать за те деньги, на которые охотно соглашаются иммигранты. (...) Они просто видят, что за границей у них есть шанс заработать в три-четыре раза больше, чем в Польше, пусть даже они будут получать вдвое меньше местных рабочих», — профессор Януш Чапинский. *(«Польска», 21 сент. См. стр. 3-7)*

» **«Польский национальный банк опрашивал эмигрантов, интересуясь, ради какой заработной платы они бы вернулись в страну. Одна пятая респондентов заявила, что не вернется ни за какие деньги. Одна четвертая хотела бы получать 4-6 тыс. злотых «чистыми». 10% респондентов — 6-8 тысяч. Средняя начисленная зарплата в Польше немногим больше 4 тыс. злотых. Две трети из нас не зарабатывают таких денег». *(Патриция Мациевич, «Газета выборча», 16 сент.)***

» «Вице-президент Бразилии Мишел Темер заявил вчера, что у его страны есть определенные обязательства перед Польшей. «В Бразилии живет около 4 млн поляков и лиц польского происхождения. Поляки много сделали для развития нашей страны», — подчеркнул Темер». *(«Газета выборча», 18 сент.)*



» **«И только что получившая независимость, нищая Вторая Речь Посполитая, и разрушенная войной «люблинская Польша» (так называлась часть польских территорий, освобожденных Красной армией летом 1944 года – прим. пер.) были, однако, в состоянии проводить широко продуманные репатриационные акции. Только в 1945-46 годах в Польшу переселилось почти 2 млн человек. Во время второй волны репатриации, продолжавшейся до конца 50-х годов, в стране появилось еще четверть миллиона жителей. (...) В том, что пора вернуться к идее репатриации, мы прекрасно отдавали себе отчет уже в самом начале перемен 1989 года. (...) Появления закона о репатриации мы дождались только в 2000 году. (...) Этот закон открывал возможности лишь для репатриации из азиатских республик бывшего СССР. (...) На поляков же из России, Грузии, Украины и Белоруссии данный закон не распространялся. (...) Обязанность принимать репатриантов была возложена на гмины, причем без какой-либо финансовой поддержки. Что за этим последовало? Две тысячи репатриированных и десятки тысяч ожидающих репатриации в бесконечных очередях. (...) Крайне запущенное состояние репатриации после 1989 года — это наш национальный позор».** ***(Богуслав Хработа, «Жечпосполита», 26-27 сент.)***

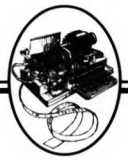
» «В июле правительство согласилось принять 2 тысячи беженцев. Затем, уже в сентябре, решило принять еще 5 082 человека. (...) В итоге количество беженцев окажется меньшим, поскольку часть из них согласны принять Ирландия, Дания, Швеция и Норвегия. В общей сложности к нам прибудет 6,5-6,8 тыс. человек. Это будут беженцы, которые в настоящее время находятся на территории Италии и Греции, а также 900 человек из лагерей для беженцев в Ливане. Основную их часть составят жители Сирии и Египта, среди них также могут оказаться иракцы. (...) Главными критериями отбора принимаемых лиц будут гуманитарный фактор и необходимость оказания помощи. В первую очередь мы примем женщин с детьми, лиц, страдающих заболеваниями, а также беспризорных детей. (...) Последними критериями, которые будут приниматься во внимание, являются культурно-цивилизационная общность (то есть христианское вероисповедание), высшее образование и знание языков. Первые беженцы приедут в Польшу в будущем году. Беженцы будут прибывать постепенно, группами по 150 человек, с интервалами в четыре месяца. Весь процесс займет два года – 2016 и 2017». *(Томаш Белецкий, Мариуш Ялошевский, «Газета выборча», 26-27 сент.)*

» **«Принципиальным моментом для нашей страны является то, что договоренность достигнута на добровольных началах и не является следствием автоматически налаженного механизма, на котором настаивает Европейская комиссия. Это значит, что в будущем именно правительство Польши будет решать, принимать ли беженцев, а если принимать, то в каких количествах. Договоренность оказалась возможной, поскольку Польша в итоге пересмотрела свою позицию, приняв сторону Франции, Германии, Испании и других больших стран Европы, в отличие от Чехии, Словакии, Венгрии и Румынии, которые до самого конца были против приема беженцев».** ***(«Жечпосполита», 23 сент.)***

» «Каждый беженец будет проверяться в стране первого въезда. Польша получит всю документацию по каждому из вновь прибывших. (...) Польша примет исключительно беженцев, то есть тех, кто не без оснований опасается преследований в стране своего происхождения». *(«Газета выборча», 24 сент.)*

» **«У нас 11 центров для беженцев (...). В настоящее время в них находятся 1 549 человек, есть еще 431 свободное место. (...) В прошлом году был разработан план на случай массового бегства украинцев от войны на Донбассе; в соответствии с этим планом подготовлено около 30 тыс. мест. В последние годы статус беженца ежегодно получали в среднем 200 человек (с 2007 до конца этого года их количество составило 1 472 человека). (...) Статус беженца получили граждане России (558), Сирии (336), Беларуси (145), Ирака (83), Афганистана (63). (...) За этот период 22 тысячам человек было отказано в предоставлении статуса беженца».** ***(Мацей Чарнецкий, Мариуш Ялошевский, Томаш Квасневский, «Дзенник газета правна», 18-20 сент.)***

» «В Польше основную часть работы, связанной с интеграцией иммигрантов, в том числе беженцев, выполняют неправительственные организа-



ции, используя денежные средства, которые распределяет, в частности, министерство внутренних дел. Однако прежняя система финансирования, благодаря которой общественные объединения и фонды могли получать деньги на эти цели, прекратила свое существование в конце июня. (...) Вот уже три месяца у неправительственных организаций нет средств на продолжение этой деятельности. (...) В самое ближайшее время мы примем тысячи беженцев, а люди, которые умеют профессионально с ними работать, скорее всего, как раз окажутся уволены». *(Мацей Милош, «Дзенник газета правна», 29 сент.)*

» **««Приходские священники готовы принять беженцев и открыты к их проблемам, даже если у кого-то из них, как и у любого гражданина, есть свое мнение относительно сложившейся ситуации», — подчеркнул в беседе с Католическим информационным агентством епископ Кшиштоф Задарко, председатель Совета Епископата по вопросам миграции, туризма и паломничеств. По мнению епископа, даже 30 тысяч беженцев не станут проблемой для Польши. Он подчеркнул, что беженцев необходимо принимать независимо от их религиозной принадлежности. (...) Однако подобной точки зрения придерживаются далеко не все епископы. Архиепископ Генрик Хосер заявил недавно, что «преимуществом должны пользоваться находящиеся под угрозой христиане». В интервью для радио «RMF FM» он предостерег еще радикальнее: «С такими тенденциями Европа скоро станет мусульманской»». *(Катажина Вишневская, «Газета выборча», 15 сент.)***

» «Ярослав Качинский не согласен с тем, чтобы Польша принимала иммигрантов под давлением Брюсселя, поскольку, по его мнению, это нарушает конституцию. «Вы хотите, чтобы мы перестали быть хозяевами в собственной стране? Так вот, я открыто заявляю: поляки этого не хотят, и поэтому этого не хочет «Право и справедливость»», — заявил Качинский». *(Анджей Станкевич, «Жечпосполита», 17 сент.)*

» **«Мы имеем дело с вторжением сотен тысяч людей другой религии и культуры. И ничем хорошим это не кончится», — д-р Лукаш Кистер, бывший офицер контрразведки, специалист по вопросам безопасности, судебный эксперт. *(«Польска», 14 сент.)***

» «Но ведь эти люди спасаются как раз от терроризма! От боевиков Исламского государства! Мы не можем отказывать им в помощи в первую очередь из этических соображений. Да и из политических тоже — если мы сегодня скажем им «нет», то завтра нам тоже никто не поможет, а ситуация за нашей восточной границей отнюдь не безопасна», — Богдан Борусевич, маршал Сената. *(«Польска», 14 сент.)*

» **«Следует помнить, что в Великобританию за последние десять лет приехало около миллиона поляков. В одном этом году туда уехали 200 тысяч наших соотечественников. (...) Приезд в Польшу 7 тыс. человек не является для нас серьезным вызовом. Даже 100 тыс. беженцев в Польше окажутся каплей в море», — проф. Норман Дэвис. *(«Польска», 2-4 окт.)***

» «Миграцию и потоки беженцев в таких масштабах и за такой короткий отрезок времени нельзя рассматривать лишь в гуманитарных и экономических категориях. Если мы не сможем остановить ежегодного потока миллионов — да-да, миллионов — людей, представляющих чуждую нам цивилизацию, то произойдет болезненный слом самой европейской культуры. Да что там, мы наблюдаем это уже сегодня: вновь прибывшие охотно поселяются в Европе, но при этом не собираются становиться европейцами», — проф. Роман Кузняр. *(«Газета выборча», 19-20 сент.)*

» **«В 90-е годы в Польшу приехали почти 90 тыс. чеченцев. (...) Разве несколько десятков тысяч беженцев представляют какую-то проблему для 37-миллионного народа? (...) В период военного положения Польшу покинули 700 тыс. поляков, оказавшиеся затем в лагерях для беженцев в Австрии и Италии. Почему мы об этом забываем?», — Богдан Борусевич, маршал Сената. *(«Дзенник газета правна», 18-20 сент.)***

» «В польских школах учится более 10 тыс. детей иностранцев. 1 сентября учиться пошли также 945 детей тех приезжих, кто ищет в Польше международной защиты. Среди них — 418 украинцев и 370 россиян (в основном чеченской национальности). В польских школах также учится 44 ребенка из Киргизии, 40 детей из Грузии и 32 из Сирии. (...) Проблема дискриминации детей другой национальности, с другим цветом кожи или вероисповеданием появилась в польских школах задолго до появления в них

детей беженцев. (...) На помощь учителям приходят неправительственные организации. Образовательные проекты для беженцев в Польше курируют, в частности, «Польская гуманитарная акция», Фонд поддержки общественного многообразия, ассоциация «Vox Humana», «Польский миграционный форум», фонд «Спасение», а также Хельсинский фонд прав человека». *(Юстина Сухецкая, «Газета выборча», 23 сент.)*

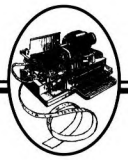
» **«Количество мусульман в Польше вовсе не является рекордным. Агентство внутренней безопасности не испытывает особенных затруднений с контролем за ними и внедрением в их среду, особенно при помощи дружественных спецслужб. Однако все может измениться. (...) В случае раскола среди самих мусульман очень трудно будет достичь взаимопонимания между мусульманским меньшинством, насчитывающим 30-40% населения, и христианами. Я наблюдал гражданскую войну в Афганистане, где сунниты убивали друг друга. (...) Не говоря уже о том, что они вытворяли с шиитским меньшинством. (...) Одно дело — сосуществование с мусульманским меньшинством, насчитывающим 5%, и совсем другое — когда эти люди составляют 35%. (...) Польское правительство должно поинтересоваться у западных политиков из Франции, Великобритании и Германии, как, по их мнению, будут обстоять дела на линии «ислам — христианство» через 30-40 лет. (...) Эту проблему нельзя рассматривать исключительно в режиме «здесь и сейчас». (...) Европейцы находятся на полпути к коллективному самоубийству», — Александр Маковский, бывший офицер разведки.** ***(«Полска», 25-27 сент.)***

» «Почему не принимается во внимание фиаско, постигшее ассимиляцию третьего поколения мусульманских иммигрантов? (...) Худшее впереди. (...) Их тут сломают, сотрут в порошок, втопчут в европейскую землю, поскольку все условия для совершения геноцида никуда не делись. История массового уничтожения людей может, собственно говоря, повториться в любую минуту. (...) Резня начнется тогда, когда магометане превратятся из абстрактных фигур в навязчивых и вездесущих «других» — с их балахонами, пейсами, незнакомыми словами и непонятным языком. И если жителей Европы удастся убедить, что незваные гости представляют для них реальную угрозу, сразу же пробудятся задремавшие было демоны. (...) А потом придет время раскаяния, когда европейцы будут посыпать головы пеплом и строить музеи в память об убитых европейских мусульманах», — проф. Петр Новак. *(«Жечпосполита», 3-4 окт.)*

» «На прошлой неделе двое граждан Египта, приехавшие на научную конференцию в Краков, были избиты неизвестными злоумышленниками. (...) Вызванные на место происшествия полицейские отказались принять у потерпевших заявление и не стали вызывать «скорую помощь» избитому египтянину, которого в этот момент рвало. (...) Кроме того, полицейские заявляли, что приезжающие в Польшу арабы должны говорить по-польски. (...) Они также добавили, что не имеет смысла поднимать шум из-за каких-то африканцев. (...) Информация о прибывающих в Европу и, соответственно, в Польшу беженцах явно способствовала распространению в нашей стране агрессивных стереотипов и расистских взглядов, что лишь подтверждается происшествием, свидетелем которого я стала. Д-р Якимович-Островская». *(«Политика», 30 сент. — 6 окт.)*

» **«Джеймс Омоло (...) живет в Варшаве (...), здесь он основал фонд «Afrykaconnect». (...) Фонд создан для поддержки живущих в Польше африканцев, поскольку иногда им действительно нужна помощь. Выходцев из Африки здесь не больше пяти тысяч. (...) Это студенты, предприниматели, врачи, ветеринары, преподаватели и ученые. (...) Почти каждый из них неоднократно подвергался на улицах оскорблениям. (...) Некоторых даже избивали, часто прямо на глазах зевак. (...) Расизм, проявляемый старшим поколением, особенно бросается в глаза в городских автобусах. Пассажиры не хотят садиться рядом с человеком, у которого темная кожа, а если он усаживается возле них, демонстративно встают. (...) Африканских детей иногда преследуют их ровесники. (...) Однако эти люди по-прежнему с нами. Некоторые из них связывают с Польшей свое будущее».** ***(Войцех Тохман, «Газета выборча», 24 сент.)***

» «Отчет «Уязвленные ненавистью, забытые законом» подготовили деятели «Amnesty International», не проживающие в Польше (это один из принципов работы AI). Количество зарегистрированных преступлений, совершенных на



почве ненависти, выросло на 30%: с 719 в 2013 г. до 1 062 в 2014 году. По данным неправительственных организаций, о многих преступлениях их жертвы просто не заявляют. (...) Не заявляют в первую очередь о регулярных угрозах и третировании. Цыгане боятся полиции. И чернокожие мигранты ей тоже не доверяют». *(Эва Седлецкая, «Газета выборча», 17 сент.)*

» **«На субботние манифестации собрались целые толпы сторонников и противников приема беженцев в Польше. (...) В Варшаве (...) поддержку беженцам продемонстрировали почти 2 тыс. человек, против выступили около 10 тысяч. В Гданьске иммигрантов поддержало около 200 человек, а их противники, промаршировавшие под знаменами Национально-радикального лагеря, насчитывали в своих рядах около 2 тыс. демонстрантов. В Кракове более 1 тыс. человек поддержало беженцев, против публично выступили 30 манифестантов. В Познани и Вроцлаве солидарность с беженцами выразили примерно 300 человек, противников же было всего полтора десятка. В Ченстохове прошла только манифестация против иммигрантов, в ней приняли участие около 500 человек, в Белостоке, напротив, митинговали только в поддержку беженцев — здесь на митинг собрались почти 100 человек». *(«Газета выборча», 14 сент.)***

» В 24 польских городах в последнее время прошли марши против иммигрантов. Акции в основном сводились к ругани в адрес мусульман, иммигрантов и правительства. Полиция не вмешивалась». *(«Газета выборча», 1 окт.)*

» **«Польских «христианских» фундаменталистов боятся точно так же, как тех, кто призывает к джихаду во имя Аллаха. Разница заключается в том, что в исламских странах легче достать оружие, а культура Ближнего Востока допускает более непосредственный способ разрешения конфликтов: если тебе что-то не нравится — стреляй. Польский фундаментализм рядится в овечью шкуру, но ментально эти люди ничем не отличаются. Боюсь, что если польским ультра-националистам или христианским фундаменталистам дать в руки оружие, они поведут себя точно так же. Чем отличаются все эти комментарии на интернет-форумах, эти шуточки о беженцах и Освенциме от риторики террористов Исламского государства?», — Миколай Врубель, ортопед, травматолог, в 2004 году отправился с польским военным контингентом в Ирак, где в качестве врача участвовал в обороне ратуши в Карбале, осажденной джихадистами. *(«Газета выборча», 12-13 сент.)***

» «Польские спецслужбы ведут наблюдение за двумя сотнями лиц, которые могут представлять террористическую угрозу для Польши. Были также установлены личности пяти поляков, которые после перехода в ислам направились в Ирак и Сирию, чтобы воевать на стороне Исламского государства». *(Дорота Ковальская, «Польша», 2-4 окт.)*

» **«В начале сентября этого года Марек Бернацкий, курирующий в Канцелярии премьер-министра деятельность спецслужб, заявил в эфире радио RMF FM, что в рядах боевиков Исламского государства воюют два десятка человек с польским гражданством». *(Петр Ништор, «Газета польска цодзенне», 23 сент.)***

» «В этом году в Тунисе подверглись нападению польские туристы. В Польше была задержана группа чеченцев, собиравших деньги для Исламского государства. Другие исламисты через Польшу направились на Восток и воюют теперь в элитной бригаде Исламского государства. Джихадист-смертник польского происхождения совершил теракт в Ираке. (...) Не ослабевает российская угроза на востоке Украины и информационная война, которую Россия ведет как в Европе, так и в США. (...) Российские спецслужбы усиленно стравливают в интернете поляков с украинцами, а также поляков с поляками. (...) Россия реализует долгосрочную стратегию ослабления и дестабилизации своих ближайших соседей с использованием, в частности, поддерживающих ее групп и лиц. Одновременно усиливается кризис в бассейне Средиземного моря. Трудно сказать, какая из этих угроз наиболее серьезна», — Марек Бернацкий, министр-куратор деятельности спецслужб. *(«Польска», 11-13 сент.)*

» **«Целями хакеров были министерства иностранных дел и обороны, посольства, парламенты, а также оборонные предприятия. С 2008 г. мишенью сетевых взломщиков также становились Чехия, Украина, Грузия и другие страны. Масштабную деятельность хакерской группировки «The Dukes» раскрыла финская компания «F-Secure». (...) «Польские**

правительственные институты подвергались атакам дважды: один раз в 2009 году, вторая же атака не ослабевает до сих пор», — комментирует Михал Иван, директор польского филиала «F-Secure». «Атака началась в конце весны прошлого года. (...) Цели хакеров соответствуют основным направлениям внешней политики России», — говорится в отчете, подготовленном экспертами «F-Secure». Хакеры атаковали правительства всего мира, но их мишенью никогда не становилась российская власть. Кроме того, злоумышленники действовали в стандартном рабочем режиме с 9 до 17 часов московского времени. В теле программы были обнаружены слова на русском языке. (...) «Деятельность хакеров всегда совпадала с внешнеполитическими задачами, которые ставила перед собой Россия, в том числе задачами кратковременного характера. (...) Многое указывает на то, что атаки предпринимаются организацией, связанной с Россией», — подчеркнул Михал Иван. (...) В среду начала свою работу «Польская гражданская кибер-оборона». В нее входят специалисты IT-отрасли, желающие поддержать Министерство национальной обороны». *(Петр Косьцельняк, «Жечпосполита», 18 сент.)*

» «Российская Федерация вводит запрет на импорт из Польши рыбных продуктов, в том числе консервов. Российские ветеринарные службы объясняют свое решение отсутствием согласия польских фирм на проведение проверки на соответствующих предприятиях». *(«Газета польска цодзенне», 1 окт.)*

» «Посла России Сергея Андреева вызвали в польский МИД для дачи объяснений относительно его слов о том, что политика Польши «привела к катастрофе» в сентябре 1939 года. (...) В ходе интервью телеканалу TVN24 Андреев также заявил, что нынешние польско-российские отношения «наихудшие за всю послевоенную историю». И что виновата в этом не Россия, а Польша, «заморозившая все политические контакты». Слова Андреева прокомментировал министр иностранных дел Гжегож Схетына: «Недопустимо делать заявления, возвращающие нас в те времена, когда советской дипломатией занимался Вячеслав Молотов»». *(Витольд Гловацкий, «Польска», 28 сент.)*

» «Накануне Кремль, со своей стороны, вызвал польского посла. От Катажины Пелчинской-Наленч в российском МИДе потребовали официально объясниться по поводу надругательства над могилами советских солдат в Милейчице на Подлясье». *(Витольд Гловацкий, Катажина Кочоровская, «Польска», 28 сент.)*

» «Три корабля китайского ВМФ зашли в порт Гдыни. Их приветствовала целая толпа живущих в Польше китайцев». *(«Дзенник газета правна», 8 окт.)*

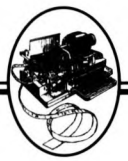
» «Офицер контрразведки был осужден за шпионаж на 6 лет лишения свободы. Суд признал его виновным в выдаче секретных сведений белорусской агентке, с которой у него был роман». *(«Жечпосполита», 9 окт.)*

» «В середине сентября 2015 г. (...) польские офицеры из Центра подготовки к зарубежным миссиям прошли обучение по участию в миротворческих операциях в подразделении, входящим в состав 103-ей отдельной мобильной бригады в Витебске, подчиненной руководству Сил специальных операций Республики Беларусь». *(Петр Бернабюк, «Польска збройна», октябрь)*

» «В 76-ю годовщину нападения СССР на Польшу с памятника в Пененжно был демонтирован металлический бюст генерала Красной армии Ивана Черняховского. (...) В конце войны генерал отвечал за ликвидацию Армии Крайовой на Виленщине». *(«Газета выборча», 18 сент.)*

» «Новая резиденция Катынского музея была открыта 17 сентября, в годовщину нападения СССР на Польшу, в Варшавской цитадели, построенной россиянами после ноябрьского восстания 1863 года. В торжественном мероприятии приняли участие президент Анджей Дуда, премьер-министр Эва Копач, министр обороны Томаш Семоняк и глава Федерации катынских семей Изабелла Сариуш-Скомпская». *(«Газета выборча», 18 сент.)*

» ««Молодежь перед историей. Материалы школьных исследовательских экспедиций, часть 1. Быстшица-Клодзкая, 2014». Это скромная (...) книжка на двух языках сказала очень веское слово в польско-российском диалоге. Дело в том, что в нее вошли материалы школьных исследовательских экспедиций, организованных в 2008-2014 гг. на территории Республики Коми и Архангельской области Российской Федерации. В этих экспеди-



циях принимали участие школьники из России и Польши. Целью этих поездок было посещение так называемых спецпоселков, в которых жили польские граждане, депортированные во время Второй мировой войны, а также раскулаченные крестьяне, граждане СССР, депортированные в 30-х и 40-х годах прошлого века. (...) В Польше школьники знакомились с судьбами ссыльных, узников концлагерей и солдат, сражавшихся с фашизмом. В книге отражены разные, возникшие независимо друг от друга инициативы польских и российских общественных деятелей, преподавателей, историков и библиотекарей». *(«Пшеглёнд», 14-20 сент.)*

» **«15 сентября Ассоциацию негосударственных школ им. Кирилла и Мефодия в Белостоке посетила премьер-министр Эва Копач. (...) «Ваша школа — необыкновенная (...), это единственная православная школа в Польше. (...) Я очень рада приехать к людям, которые хорошо знают, что такое солидарность и толерантность», — сказала премьер-министр». *(«Пшеглёнд православный», октябрь)***

» «С 19 сентября в Крыму без согласования с украинскими властями находятся двенадцать школьников 3-го общеобразовательного лицея Белостока и двое их преподавателей. Это лауреаты XII конкурса знаний о России. (...) Лицеисты сначала поехали в Москву, а оттуда отправились в оккупированный Россией Крым». *(Магдалена Пейко, «Газета польска цодзенне», 25 сент.)*

» **«Вчера премьер-министр Эва Копач также посетила Украину и вместе с главой украинского правительства Арсением Яценюком почтила память 3 455 польских военнопленных, расстрелянных НКВД». *(«Газета выборча», 18 сент.)***

» «Я счастлив, что Польша входит в ЕС, поскольку поляки понимают нас, как никто другой. (...) Я обращаюсь к Польше с такими словами: нам необходимо более активное польское участие в украинских делах. Я являюсь решительным сторонником женевского формата (в переговорах с Россией): США, ЕС, в котором состоит Польша, и Россия. (...) И Польша, как член ЕС и самый близкий друг Украины в Евросоюзе, должна сыграть в этом процессе ключевую роль», — Арсений Яценюк, премьер-министр Украины. *(«Жечпосполита», 11 сент.)*

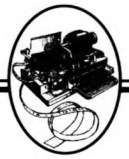
» **«Как показывают сводки министерства труда, в первом полугодии 2015 г. польские фирмы приняли на работу 400 тыс. украинцев. Главным образом это касается сельского хозяйства, строительства и промышленного производства. (...) В списке дефицитных профессий нет специалистов со степенью магистра, зато присутствуют, например, мостильщики и сварщики. Последние, в зависимости от полученной квалификации, в состоянии зарабатывать до 7 тыс. злотых в месяц». *(Бартош Сендрович, «Газета выборча», 2 окт.)***

» «В глобальном рейтинге конкурентоспособности, который составляется Всемирным экономическим форумом (ВЭФ), Польше в прошлом году удалось подняться с 43-го места на 41-е. (...) В 2014 году, вследствие принятия государством части активов Открытых пенсионных фондов (ОПФ), государственный долг уменьшился. (...) По мнению польских предпринимателей, главными преградами на пути развития конкурентоспособности остаются: налоговое право, трудовое право, неэффективное госуправление и высокие налоги». *(Анна Цесляк-Врублевская, «Жечпосполита», 1 окт.)*

» **«Финансовые потери государства в связи с существованием «теневой» экономики могут ежегодно составлять до 182 млрд злотых в год. По оценкам Главного управления статистики, объем «теневой» экономики (включая нелегальную экономическую деятельность) в 2013 г. достиг 14,5% ВВП. Другие данные указывают на 23,3% ВВП в 2015 году». *(«Жечпосполита», 21 сент.)***

» «К концу года задолженность сектора государственных финансов достигнет 870,4 млрд злотых, а к концу 2016 г. — 924,7 млрд злотых, говорится в стратегии управления долгом, одобренной правительством в понедельник. Это означает, что уже в будущем году деньги, которые удалось сэкономить благодаря изъятию части активов из ОПФ, исчезнут. (...) Поскольку данные процессы не сопровождались реформой государственных расходов, последние по-прежнему превышают доходы, и правительству постоянно приходится занимать деньги». *(Анна Цесляк-Врублевская, «Жечпосполита», 1 окт.)*

» **«Долг растет быстрее, чем ВВП. (...) Сегодня никто не думает об оздоровлении финансовой системы, поддержке экономики, а также реформе законов и системы их исполнения», — Лешек Бальцерович. *(«Жечпосполита», 1 окт.)***

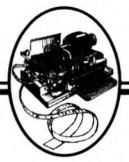


» «Политики внушают полякам, что настало время пользоваться плодами экономического роста, достигнутого нами за 26 лет реформ. Это иллюзия. Если взглянуть на объем ВВП в перерасчете на одного жителя Польши, то пока что нам удалось догнать Грецию, а скоро мы догоним Португалию — а это две самых бедных страны старой Европы. Наш уровень дохода на душу населения составляет всего 55% от того же показателя в Германии. (...) Эксперты Международного валютного фонда констатировали, что общий объем поступлений от трех основных видов налогов – НДС, подоходный налог с физических лиц и налог на доходы юридических лиц – снизился с 16% ВВП в 2008 г. до 13,5% в 2014 году. (...) В 2010 г. не поступило 18% от причитающейся суммы НДС, а в 2012 г. – уже 25%. (...) Недостача в поступлениях НДС, связанная с нарушениями законодательства, выросла с 7,1% (23,7 млрд злотых) в 2007 г. до 36,4% (58,5 млрд злотых) в 2012 году. (...) У меня складывается впечатление, что несколько сотен наших политиков думают лишь о том, чтобы попасть в Сейм, потеснив своих оппонентов. Их не волнует, что они параллельно гробят экономику, вредят международным связям Польши, не говоря уже о воцарившемся из-за них бардаке в головах соотечественников», — Витольд Гадомский. *(«Газета выборча», 19-20 сент.)*

» «В прошлом году у лесного холдинга «Государственные леса» появилась возможность увеличить поступления от продажи древесины — цены на сырье растут, увеличивается также площадь насаждений, предназначенных к вырубке. Уже в 2014 г. доходы государственной экономики, в распоряжении которой находятся 7,2 млн га древостоя, стали рекордными, превысив 8 млрд злотых. В следующем году «Государственные леса» планируют получить 38,5 млн кубометров древесины, из них около 31,7 млн кубометров предназначены для деревообрабатывающей промышленности. Это почти на 700 тыс. кубометров больше, чем в прошлом году. (...) Средняя заработная плата в холдинге «Государственные леса» в 2014 г. составила 7 229 злотых, а ее рост оказался почти в два раза выше, чем в сфере государственного управления и национальной экономики, равно как и в частном секторе. Как установила Национальная контрольная палата, расходы на инвестиции в строительство также превышали размер средств, предназначавшихся на охрану и разведение лесов. Эти абсолютно необходимые для нормального существования лесов траты составили всего 13% общих расходов. (...) Добыча древесины с 1990 года выросла почти в два раза и по-прежнему ежегодно растет на несколько тысяч кубометров. (...) Такому хищническому ведению хозяйства всячески (и пока безуспешно — В.К.) сопротивляются экологи». *(Збигнев Лентович, «Жечпосполита», 2 окт.)*

» «На территории Пиской пущи, в пределах Мазурского ландшафтного парка, там, где согласно правительственному проекту до 2020 года должен быть создан Мазурский национальный парк (...), происходит вырубка смешанных лесов, а также старого древостоя, представляющего собой пущу. (...) На запрет вырубки в особо охраняемые периоды, к примеру, во время гнездования птиц, уже никто не обращает внимания. (...) Целая богатейшая экосистема этих территорий подвергается опустошению. (...) Мы становимся свидетелями варварской вырубки лесов. (...) В Польше достаточно проехать на автомобиле через любой лес, чтобы обязательно увидеть вырубленные участки. В последние годы их становится все больше. Кажется, еще никогда в Польше леса не вырубались в таком темпе», — Казимеж Орлось, писатель, публицист, сценарист. *(«Газета выборча», 29 сент.)*

» «Более 20 лет поляки прочесывают приграничные леса за Одрой в поисках грибов. С тех самых пор леса засорены пивными банками, полиэтиленовыми пакетами и обрывками алюминиевой фольги. Поляки превращают леса в общественные уборные, (...) а на прилегающих к лесам парковках возле Одры стоит множество машин с польскими номерами. Кроме того, гуляя по лесу, поляки свистят и голосят. Немцы, которым не нравится этот шум и горы мусора, отрывают у польских машин бамперы или выбивают в автомобилях стекла. Делают они это наверняка в отместку, поскольку поляки крадут у них велосипеды и оставляют на немецких машинах царапины. (...) Когда в Германии идет грибной сезон, в польских приграничных костелах становится пусто, поскольку священники пугают прихожан тем, что сбор грибов в воскресенье



является грехом». *(Михал Щенк, «Газета выборча», 24 сент.)*

» «Торунская прокуратура отказала в возбуждении уголовного дела по факту оскорбления президента Бронислава Коморовского в эфире «Радио Мария». Когда президент подписал закон об искусственном оплодотворении, радиослушатели, звонившие на эфир, заявляли: «Он не католик», «Он хуже Гитлера», «Это русский шпион украинского происхождения». (...) Отец Тадеуш Рыдзык добавил: «В окружении Гитлера тоже были ученые, создавшие нацистскую преступную систему». Ведущий программы о. Бенедикт Цисонь даже не пытался остудить пыл радиослушателей, лишь всякий раз с благодарностью повторял: «Храни вас Бог»». *(Войцех Чухновский, Доминика Веловейская, «Газета выборча», 26-27 сент.)*

» **«В частном университете «Collegium Civitas» в Варшаве создается Центр политической практики Бронислава Коморовского. Бывший президент является его директором. (...) Центр (...) станет первой инициативой такого типа в Польше. Главная задача Центра — «распространение среди студентов и преподавателей информации о механизмах работы демократии»». *(«Жечпосполита», 2 окт.)***

» «Из президентского и Бельведерского дворцов Бронислав Коморовский забрал в свой новый офис, в частности, старинную мебель, столовые приборы и электрооборудование. (...) Договор о пользовании этим имуществом он заключил со своей канцелярией в день присяги Анджея Дуды». *(«Газета польска цодзенне», 6 окт.)*

» **«Прокуратура возбудила дело о краже произведений искусства из президентского дворца. «Речь идет об установлении злоумышленника», — комментирует пресс-секретарь окружной прокуратуры в Варшаве. Были допрошены сотрудники канцелярии. Следователи не планируют вызывать на допрос бывшего президента». *(«Газета польска цодзенне», 10-11 окт.)***

» «Недоверие, конфуз, шок — с такими эмоциями ассоциируется в последнее время имя бывшего президента Бронислава Коморовского». «Журнал «Press» пишет: «Лех Валенса и Бронислав Коморовский полетели в США, чтобы вместе с девушками-чирлидерами команды «Chicago Bulls» рекламировать польскую валютную фирму «Цинкцяж»». (...) Политический консультант Веслав Галонзка комментирует: ««Цинкцяжами» в Польше называли преступников, которые нелегально торговали валютой. Это были люди, одновременно связанные и с «теневой» экономикой, и с органами безопасности, куда они писали доносы». «Вот как оценивает выступление Бронислава Коморовского д-р Войцех Яблонский, специалист по политическому маркетингу: «Компрометирующая история. (...) Из бывших президентов «номера откалывали» в основном Валенса и Квасневский — сейчас к их команде присоединился Коморовский». Как бы ни оплевывали президента Войцеха Ярузельского, но теперь, по прошествии времени, ему нельзя отказать в достоинстве и хорошем вкусе. Он до самого конца оставался на высоте, ютясь в маленьком скромном офисе на Аллеях Иерусалимских. «Оказывается, что бывшие президенты единой и свободной Польши компрометируют нас больше, чем экскоммунисты», — добавляет Яблонский». *(Анита Чуприн, «Польска», 9-11 окт.)*

» **Поддержка партий: «Право и справедливость» — 34%, «Гражданская платформа» — 24%, Коалиция левых сил — 10%, «Современная.PL» — 9%, «Кукиз-15» — 8%, крестьянская партия ПСЛ — 6%, КОРВиН («Коалиция обновления Республики – Вольность и надежда») — 3%, «Вместе» — 1%, не определились с симпатиями — 5%. Опрос института «Homo Homini», 2-3 октября. *(«Жечпосполита», 6 окт.)***

» «Поляки все более склонны к одобрению политических режимов, близких к авторитарным. (...) Таких радикальных настроений не было зафиксировано (...) с 1989 г. до самого июня 2015 года. 31% поляков считает нынешнюю польскую политическую систему безнадежно плохой и требующей принципиальных изменений. Еще 41% выбирает более мягкий вариант ответа: «Политическая система Польши несовершенна и требует множества изменений». И только 22% респондентов хотели бы «небольших изменений», а 1% никаких перемен не требует вовсе. (...) Одна треть поляков готова согласиться с утверждением, что «иногда в недемократических режимах больше толку, чем в демократических». С ними не согласны всего 39% поляков. (...) Во всех опросах, касающихся польской иерархии ценностей, (...) «свобода от-

крыто высказывать свои взгляды» находится где-то в самом конце списка с жалким показателем в 3%, не говоря уже об «участии в демократической общественно-политической жизни», на которое в опросе ЦИОМа в 2013 г. указал лишь каждый пятисотый поляк». *(Витольд Гловацкий, «Польска», 18-20 сент.)*

» **«В Польше переживает свой расцвет идея «прямой демократии», которую уже давно эксплуатирует «Право и Справедливость», подогревая народный гнев в отношении «псевдо-элиты» и предателей Родины — не случайно мы уже много лет пишем о синдроме «польского Веймара». В этот раз «прямая демократия» оказалась привлекательным лозунгом для партии, которая не слишком ассоциирует себя с правыми силами: антиэлитарная реформа стала центральным пунктом программы Павла Кукиза (...) и партии «Вместе», выступающей «против элит». (...) Как мещанка и сторонница «партии умеренного прогресса в рамках закона» я с нетерпением жду возвращения как можно более косвенной демократии», — Агата Белик-Робсон** ***(«Газета выборча», 12 сент.)***

» «После 1989 года мы воспринимали политические процессы с точки зрения нашего опыта, наших знаний и наших патриотических чувств. Мы ничего не делали для того, чтобы остаться в политике как можно дольше. Мы не лгали, не подличали. (...) Однако очень быстро появились политики, которые поступали совсем иначе, а мы не умели с ними бороться. (...) Мы были слишком честными. Мы выросли в те времена, когда авторитет достигался личными поступками, а не присутствием в телевизоре. (...) У нас была цель, к которой мы стремились и о которой неустанно думали», — Богдан Лис, рабочий-механик, бывший деятель Учредительных комитетов свободных профсоюзов, вице-председатель гданьского отделения профсоюза «Солидарность», член руководящих органов «Солидарности», после 1989 года сенатор, затем депутат Сейма. *(«Жечпосполита», 26-27 сент.)*

Войцех Мазярский

НОВЫЙ ОБЛИК ЕВРОПЕЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ

Что случилось с этим городом и этой страной? — спрашивают удивленные мусульмане в Польше. Такие, как живущая во Вроцлаве Каролина. Несколько лет тому назад она поселилась здесь, потому что город показался ей веселым, разноцветным и дружелюбным. Он, действительно, был таким. До недавних пор.

«Ситуация диаметрально изменилась, когда возникла проблема с беженцами, — говорит Каролина, слова которой приводит местная газета. — За месяц на моего мужа трижды нападали. Мы постоянно слышим оскорбления и угрозы. Недавно меня оплевали. Теперь мы боимся выходить из дому. Звоним друг другу каждый час, чтобы убедиться, все ли у нас в порядке».

Это происходит в Польше, которую волна беженцев с Ближнего Востока, из Азии и Африки, уже год текущая в Западную Европу, особенно в Германию, практически обошла стороной. Однако поляки уже сегодня боятся виртуальных беженцев. Их пугает само представление о нашествии чужаков-мусульман.

Поляки не исключение в нынешней Европе. Столь же истерично реагирует общество многих других стран, в которых не собираются селиться беженцы. «Венгрия оказалась в осадном положении, — сообщает из Будапешта корреспондент «Газеты выборчей». — Премьер Виктор Орбан вещает по телевидению, что правительство противостоит наплыву мусульманских беженцев и встало на защиту христианства в Европе. На улицах заметны правительственные транспаранты с лозунгом «Венгерский народ решил защищать свои границы».

«А ведь в Венгрии давно нет никаких беженцев, — подчеркивает автор статьи. — Они либо сами бежали в Германию через Австрию, либо их вскоре отвезут туда государственными автобусами, которые ежедневно доставляют тысячи людей, переходящих границу с Хорватией. Все давно отлично организовано при участии Будапешта».

Волна антимусульманских настроений заливает весь европейский континент. «Пегида» — немецкое движение против пресловутой «исламизации» Европы, которое, казалось, уже угасает — ожила и вновь выводит на улицы тысячи демонстрантов, а канцлер Ангела Меркель, лично принявшая решение открыть границы для беженцев, вынуждена сегодня защищаться от массированной критики и нападок со всех сторон. Противодействие ей возрастает даже в рядах ее собственной партии христианских демократов.

Многие политики учуяли добычу и отправились на охоту. Президент Чехии Милош Земан (якобы левый социал-демократ!) публично хвастается тем, что на картах, которыми пользуются движущиеся на Запад беженцы, Чехия обозначена черным цветом — этой страны следует избегать, так как центры для беженцев здесь напоминают тюрьмы, а за пребывание в них нужно платить. Еще недавно любой европейский политик счел бы это причиной для стыда, однако сегодня чешский президент этим гордится. Пожалуйста, посмотрите, уважаемые граждане, как мы сумели испортить жизнь беженцам из Сирии и Ирака! Мы заботимся о наших национальных интересах, мы, действительно, враждебны и бездушны по отношению к чужим, так что вы спокойно можете отдать за нас голоса на ближайших выборах.

То же самое делают власти в Будапеште. «Когда рейтинги в опросах начинают снижаться, правительство Орбана умело натравливает общественное мнение на различных врагов, — пишет корреспондент «Газеты выборчей». — В этой роли уже выступали бездомные, о которых премьер говорил, что они — угроза для народа, либо люди, принимающие наркотики (нужно было сдавать обязательные анализы в школах, ВУЗах и журналистам в редакциях)», — напоминает автор статьи. Теперь дежурным пугалом стали беженцы.

В Польше лидер право-популистской партии «Право и справедливость» Ярослав Качинский во время кампании перед выборами в парламент пугал тем, что вторгшиеся в Европу пришельцы являются просто биологической угрозой для Польши, так как переносят экзотические болезни, к которым организмы европейцев не имеют иммунитета. Но мы, «Право и справедливость», сумеем защитить тебя, польский избиратель. Ты будешь здоров, как бык, только голосуй за нас.

Для ксенофобских, авторитарных и антидемократических европейских правых волна беженцев с Ближнего Востока, из Азии и Африки — настоящий подарок. Наконец-то появилась общая цель и общий враг, против которого можно сформировать единый фронт. Еще вчера это было практически невозможно. Для польских националистов врагами были немцы или украинцы, для националистов словацких или румынских — венгры, для венгерских — словаки и румыны, для литовских — поляки.

И вот пришли беженцы. Слава тебе, Господи! Наконец-то мы можем маршировать вместе, под общим знаменем, с одной песней на устах, против общего врага. Вот новый облик европейской интеграции поверх границ и поверх национальных различий.

Хотя, собственно… Может быть, не такая уж это и новость.

Ведь уже были некие прецеденты. Хотя бы в 30-х и 40-х годах прошлого столетия. С тем небольшим отличием, что тогда роль нынешних беженцев исполняли евреи.

Кшиштоф Катка

СУДОВЕРФИ В «РУИНАХ». РАЗВЕ?

Вопрос о судостроительных верфях всегда вставал во время предвыборных кампаний, как проблема, требующая безотлагательного решения. И на то были причины. В начале 1990-х крупные верфи испытывали трудности из-за прекращения заказов со стороны Советского Союза, избытка рабочей силы, низкой производительности и плохой организации труда. Крупнейшие из них — Судостроительная верфь Гдыня, а также Гданьская и Щецинская верфи — переходили из государственных рук в частные и снова возвращались к государству. Политики позволяли не платить налогов с недвижимости, не делать взносов в Фонд социального страхования, а также предоставляли ссуды из государственного бюджета. Это прекратилось в конце 2008 г., когда Европейская комиссия признала, что Судостроительная верфь Гдыня и Щецинская верфь получали недопустимую общественную помощь, и распорядилась ликвидировать предприятия. Это была драма для девяти с лишним тысяч человек, которые потеряли работу. Судоверфи «Гданьск» удалось избежать этой участи, поскольку чуть раньше ее выкупил украинский концерн «Индустриальный союз Донбасса» (позже компания перешла в руки олигарха Сергея Таруты).

В это время проблемы возникли даже у хорошо налаженной частной компании — «Гданьской ремонтной верфи». Объединение было вовлечено в валютные опционы, которые чуть было его не погубили.

▮ Рост акций в 2015 г.

«Судостроительная промышленность находится на очень высоком уровне. Мы производим единицы такого класса, к каким на рынке автомобилей относятся «Мерседесы», — говорит Ежи Чучман, глава Союза работодателей Корабельного форума, который объединяет 61 фирму (в основном это частные предприятия) с годовым доходом от продаж 5 млрд злотых.

Спустя пять лет после краха занятость в судостроительной промышленности выросла с 23 тыс. до 32 тыс. человек. Увеличивается объем продукции и доходы от продаж, фирмы заключают контракты уже на 2017 год. Причин такого просперити много, но главное заключается в том, что польская судостроительная промышленность — это в основном фирмы, организация и управление которых осуществляется по европейскому образцу. Они не производят крупных, простых единиц, на которых в силу высокой конкуренции (например, с Китаем) сложно заработать. Они продают менее крупные, но более дорогостоящие специализированные единицы.

— Мы совершили огромный технологический скачок, — говорит Е. Чучман. А на вопрос о 5 млрд злотых оборота отвечает: «Во всем секторе, с учетом поставщиков заграничных верфей, отмечается увеличение оборота в два раза».

Е. Чучман подчеркивает, что раньше наши судоверфи брали на себя чересчур много, они почти все делали сами. Эта модель изменилась, верфи стали монтажными цехами, теперь они сотрудничают со смежными предприятиями. Еще более существенное значение приобрело изменение профиля продукции. «Когда-то, когда на Судостроительной верфи Гдыня мы вычисляли стоимость единиц, выходило, что килограмм контейнеровоза обходился потребителю в 3,5 доллара, а килограмм небольшого «Фиата» стоил 5 долларов. Сегодня мы выпускаем единицы по 10-20 евро за килограмм, и если сравнить эту цену со стоимостью автомобилей, то окажется, что нам недалеко до «Мерседеса» класса С — 20 евро за килограмм».

▮ Сойка, или Человек с миссией

Ремонтная группа Холдинг не только справилась с валютными опционами, но и стала крупнейшим производителем европейского уровня. Холдинг объединяет 25 фирм, самыми важными из которых

являются две судоверфи — АО «Гданьская ремонтная верфь» и АО «Ремонтова шипбилдинг». В 2014 г. их продажи составили около 2 млрд злотых. Эти верфи обеспечивают работой 8,5 тыс. штатных сотрудников. С точки зрения выплаченного налога компании занимают 18 место в Польше. В настоящее время они строят 20 новых единиц, ежегодно ремонтируют около 300.

В прошедшем году Гданьская ремонтная верфь выиграла престижный контракт на строительство трех паромов почти за полмиллиарда злотых для канадского потребителя. «Они выиграли не за счет низкой цены, а благодаря качеству и опыту, — подчеркивает Ежи Чучман, — и стали мировым лидером в сфере строительства паромов на газовых двигателях».

Создателем и главным владельцем Холдинга является Петр Сойка. 72-летний бизнесмен начал карьеру в 1972 году в ремонтной мастерской. В 1984 г. он был уже директором производства, а в 1989 г. выиграл конкурс на место управляющего директора. В 2001 г. после приватизации, проведенной при поддержке «Солидарности», Петр Сойка стал совладельцем предприятия вместе с командой почти двух тысяч работников. «Он, как тренер футбольной сборной Казимеж Гурский, умело направляющий и подталкивающий команду к достижению больших успехов», — добавляет Чучман.

Сойка известен своими высокими требованиями по отношению к работникам и нетрадиционными методами управления. Чтобы получить у него место менеджера, нужен был высокий результат в тесте на определение уровня IQ. Минимум был, кажется, 130 баллов.

■ Государство участвует в судьбе судоверфей

После ликвидации судоверфи в Гдыне и Щецине изменилось отношение правительства к этой отрасли. Раньше оно подкидывало деньги нерентабельным фирмам. После ликвидации компаний начала действовать корпоративная модель.

На рубеже 2010 и 2011 г. государственное Агентство по развитию промышленности создало инвестиционный фонд «МАРС» и внесло в него доли трёх судоремонтных верфей — Щецина, Свиноустья и Гдыни (АО «Наута»). Фонд контролируется теперь государственным предприятием «Польская группа по вооружению». «Мы хотели по примеру эффективно функционирующих компаний провести консолидацию, с тем чтобы субъекты одного владельца не конкурировали, а сотрудничали друг с другом», — говорит Петр Слупский, председатель правления Объединения инвестиционных фондов, в которое входит «МАРС». Со временем «МАРС» стал владельцем акций компании «Энергомонтаж Северная Гдыня», а также части акций частной верфи «Крист» в Гдыни и компании «Билфингер Марс Оффшор» в Щецине, которая построила фабрику по производству фундамента для морских ветряных электростанций. Актив фонда составляет 1,2 млрд злотых. В компаниях фонда «МАРС» работает около 2 тыс. человек, доходы этих фирм достигают 600 млн злотых. Продажи ремонтных услуг растут ежегодно на несколько процентов.

Верфь «Крист» прославилась строительством суден для установки ветряных башен «Innovation» и «Vidar» стоимостью около 150 млн евро каждая. Однако технические проблемы, связанные с первой единицей привели к финансовым потерям. Спасти верфь, которая освоила новую технологию, удалось тогда благодаря передаче акций фонду «МАРС».

Фонд рассчитывает не только на строительство и ремонт суден, но и на военные контракты, а также на крупные проекты в сфере ветряной энергетики. «Конкуренты часто упрекают нас в том, что наши верфи финансируются государством. А между тем единственным денежным вливанием были передвижения активов в пределах фонда. Например, стапеля в Гданьске сооружены компанией «Синергия» для судоверфи «Наута», которая производит на них работы», — добавляет председатель.

■ «Наута» строит в Гданьске

Иногда возникают разногласия между «Ремонтной группой» и другими частными фирмами и верфями, к которым был привлечен государственный фонд «МАРС». «Иной раз создается впечатление, что предпочтения отдаются тем контрактам, которые зависят от правительства, но больше всего нас огорчает то, что мы принимаем людей по трудовому договору, а на верфи «Крист» в Гдыни без

официального трудоустройства работает иногда по тысяче — а то и по две тысячи — человек», — говорят представители частного сектора.

Однако нет недостатка в положительных примерах деятельности верфей из фонда «МАРС». Например, в Гданьске судоверфь «Наута» запустила «Предприятие новых сооружений». На стапелях, купленных у верфи «Гданьск», нашли работу более 500 человек. «В соответствии с желанием украинских владельцев судоверфи «Гданьск», стапеля должны были идти на слом. Я пообщался с председателем Агентства по развитию промышленности, и этого удалось избежать», — говорит депутат Гражданской платформы Ежи Боровчак, который в 80-е годы работал кузнецом в Гданьской верфи. 3 июля на сохраненных стапелях состоится спуск на воду двух рыбацких суден, принадлежащих владельцам из Дании и Норвегии.

— Пришло время для специализированных судов — не только для катеров, но для оффшорной отрасли, — говорит Славомир Любинский, директор «Предприятия новых сооружений».

— У нас нет проблем с заказами, если и есть сложности, то они касаются нехватки рабочей силы, — добавляет он.

После того как профессиональные школы и техникумы перестали готовить работников промышленности, затраты на их обучение вынуждены брать на себя сами судоверфи. «У нас есть вся необходимая инфраструктура, умения и знания, но нам необходима поддержка в обучении молодежи. Часть европейских средств на повышение профессиональной квалификации должна идти верфям, — считает Славомир Любинский, — Есть еще другая проблема: многие молодые не готовы к тяжелой работе. Поскольку до 15-ти лет за ними мамочка ухаживает, им сложно приспособиться к этой работе. А если ты хороший работник, то здесь можно неплохо заработать — до 7-8 тыс. злотых».

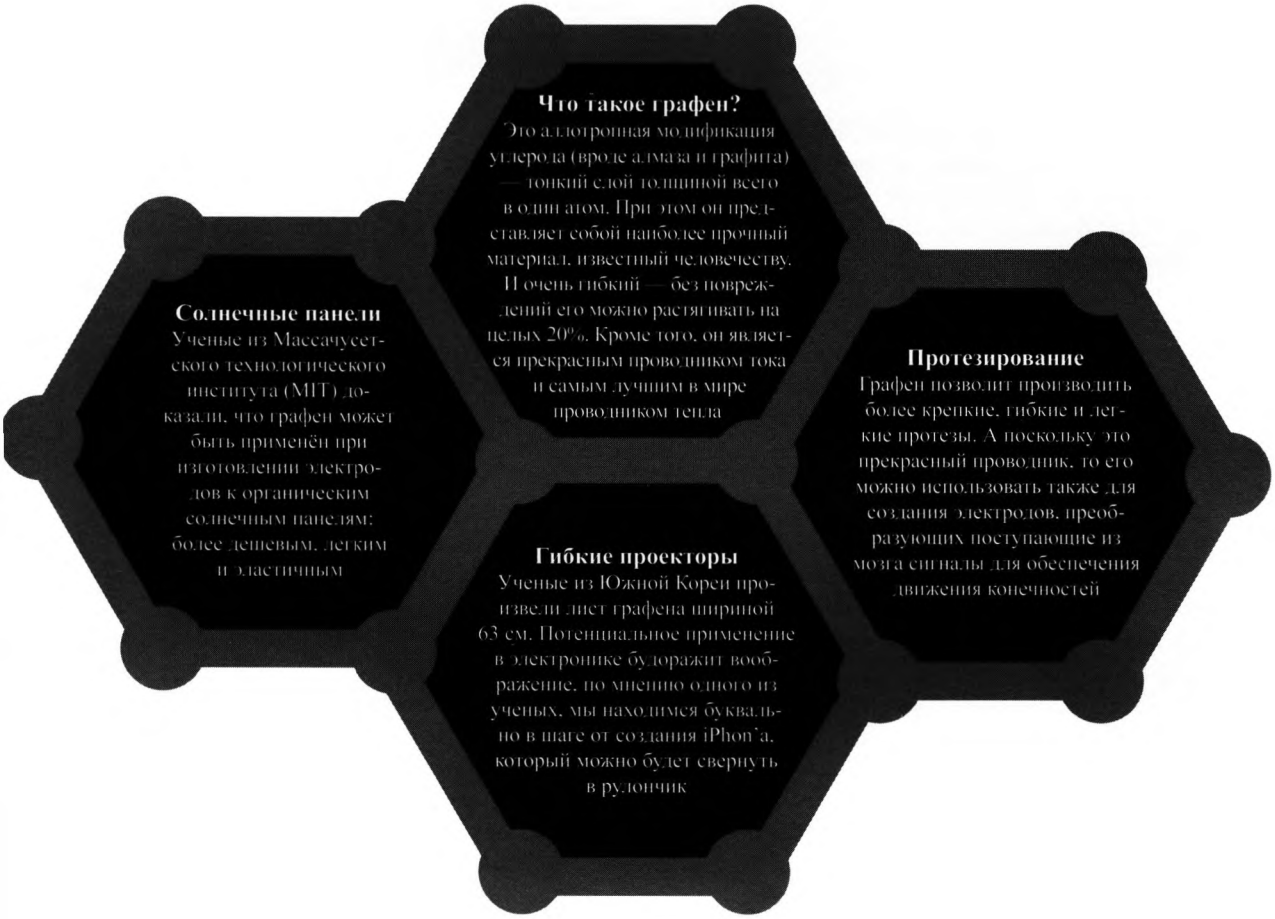
■ В Гданьске проблема

В 2006 г., когда к украинскому концерну «Индустриальный союз Донбасса» перешла судоверфь «Гданьск», то перед этой компанией рисовались самые радужные перспективы. Приватизацию провели уже во время правления «Гражданской платформы», но подготовила ее команда «Права и справедливости», в том числе тогдашний председатель верфи Анджей Яворский. Предполагалось развитие и крупные инвестиции. Сегодня на верфи «Гданьск» производят уже не готовые машины, а лишь отдельные детали. Штат сотрудников сократился с двух до одной тысячи человек. На территории фирмы производятся главным образом ветряные башни. Верфь уже несколько раз оказывалась на грани банкротства и распродавала имущество. Недавно она в очередной раз избежала банкротства благодаря государственной поддержке, после того как Поморская специальная экономическая зона почти за 100 млн злотых купила у этой компании земли. Долги перед Агентством по развитию промышленности верфь выплатила за счет доли в своей компании по производству ветряных башен.

gazeta WYBORCZA.PL

Радослав Омахель

КАК ПРОДАТЬ ГРАФЕН



Польский графен — это проверка: сможет ли наша экономика воспользоваться современной технологией? Предварительные результаты весьма многообещающи, хотя заранее известно: рассчитывать на то, что графеновые продукты завоюют рынок потребительской электроники в Польше, скорее не приходится.

«То, что кто-то подглядит на корте игру Роджера Федерера, не означает, что он сразу же победит в соревнованиях Большого шлема», — успокаивает Влодимеж Струпинский из Института технологии электронных материалов (ИТЭМ), руководитель лаборатории, в которой разработан польский метод производства графена. К ним в институт выстраиваются очереди ученых из разных стран мира. Все хотят любыми путями узнать, как создаётся польский графен. Смотрят, фотографируют, ведут записи. «Не стоит опасаться, что наш способ производства графена кто-нибудь подсмотрит, а потом скопирует. Это слишком сложный процесс, содержащий много нюансов, которые необходимо освоить», — уверяет Струпинский.

Польское ноу-хау

«Польский графен» — определение условное. Эту прозрачную и невероятно прочную структуру углерода толщиной всего в один атом первыми получили в 2004 году двое россиян, имеющих британские паспорта, — сотрудники университета в Манчестере. Они применили технику самую простую из возможных: с помощью обычной клейкой ленты (скотча) «сняли» слой графена с графитовой пластины.

Однако настоящее безумство на почве графена началось лишь шесть лет спустя, когда за это открытие была присуждена Нобелевская премия. Во всём мире начались исследования над наиболее передовыми методами производства графена: его то выпаривали при высокой температуре со специально препарированной подложки, то выращивали, как на уроках природоведения выращивают кристаллики соли.

В этом соревновании с неплохими результатами стартовали ученые из варшавского Института технологии электронных материалов. После серии проб и ошибок они освоили уникальный метод эффективного производства графена на подложке из карбида кремния. Польский способ защищен на всех важнейших рынках — как раз сейчас на него получен патент в США, а вскоре будет получен и европейский патент.

Но это не единственный способ производства графена, которым обладают наши ученые. Инженеры из Политехнического университета в Лодзи разработали собственный метод получения более прочного металлургического графена (создается на жидком металле). Их коллеги из ИТЭМ, наряду с материалом, который выращивают на кремнии, умеют также получать его на медных пластинах и получать графеновые пластинки в результате химических процессов. В последнее время они экспериментируют с получением графена на пластинах германия.

Дешевый как бумага

Мало какая страна в состоянии производить графен в таких количествах и такого качества как мы. Однако с точки зрения бизнеса это особого значения не имеет. На производстве графена обогатиться не удастся, так как цены этого материала падают вместе с ростом мирового производства. Еще несколько лет назад исследовательские центры за кусочек графена величиной с ноготь требовали несколько тысяч долларов, а сегодня — одну двадцатую этой суммы. Месяц тому назад на отраслевой конференции в Берлине высказывались мнения, что через пару лет графен будет немногим дороже бумаги.

Чтобы заработать на этом современном материале, надо найти для него конкретное применение. Об этом знают технологические концерны. Мощнейшие концерны на Дальнем Востоке и в США — такие как «Самсунг», «LG» или «Эппл» — патентуют всё подряд, все проекты, которые имеют хоть какое-нибудь отношение к графену. «Самсунг» собирается потратить в ближайшие годы на исследования, связанные с графеновыми батареями и эластичными экранами для смартфонов, суммы, эквивалентные почти миллиарду злотых.

Наши ученые соревноваться с такими мощными концернами не могут. О работах по использованию графена в Польше вообще в последнее время перестали говорить. Три года тому назад, когда наши ученые похвастались собственным методом производства, возникла эйфория. Появились миражи экономической мощи, которую можно создать с помощью инновационной технологии.

Теперь на смену волне восторгов пришло сомнение. В Интернете распространяются сплетни, которые с удовольствием подхватывают политики, об упущенном историческом шансе, и даже о том, что польское открытие по производству графена перехватили предприимчивые британцы. Эти сетования столь же лишены оснований, сколь и эйфория трехлетней давности. «Мы по-прежнему располагаем уникальной технологией и идеями её использования, — успокаивает Влодимеж Струпинский. — Но удастся ли «перековать» их на успех в бизнесе, зависит от результатов кропотливых исследований, которые потребуют времени».

Заменить кремний

В небольшой бельгийский городок Лёвен вот уже на протяжении нескольких недель съезжаются ученые со всей Европы. В здешнем технологическом центре, который называется «Имек», стоит весьма про-

двинутая линия по производству электронных узлов из кремния — идеальная установка для исследований на тему о замене давно уже используемого в электронике полупроводника схемами с добавлением графена. Поэтому Евросоюз именно в «Имек» создаёт исследовательский центр, одну из баз «Graphene Flagship» — с самой дорогой в ЕС программой развития в истории, которая стоит миллиард евро.

Затраты огромные, риск неудачи тоже. Графен, разумеется, прекрасный проводник электрических импульсов, созданные на его базе процессоры теоретически должны быть значительно быстрее кремниевых. Но у него есть и серьёзные недостатки, так как двухмерная структура приводит к тому, что узлы, покрытые графеном, работают иначе, чем сделанные из кремния. Нельзя просто заменить одни на другие и неизвестно, станет ли это когда-либо возможным. Несмотря на это Брюссель выделил большие деньги на связанные с графеном исследования. А вдруг удастся опередить «Самсунг» и остальных и возвратить себе хотя бы часть конкурентного преимущества, которое Европа потеряла в пользу концернов из Азии и США?

В исследованиях, ведущихся в «Имек», поляки будут играть важную роль. ИТЭМ станет одним из главных поставщиков графена, а его сотрудники будут работать в исследовательских лабораториях. Влодимеж Струпинский считает, что если результаты исследований подтвердят пригодность графена в электронных схемах, то ИТЭМ, а точнее работающее в кооперации с Институтом государственное акционерное общество «Нано Карбон», занимающиеся использованием графена в бизнесе, станет поставщиком полупродуктов для заграничных концернов. Однако это дело далекого будущего. «Для того, чтобы процессоры, базирующие на графене, вошли в повседневный обиход, понадобится лет десять, не меньше», —прогнозирует Збигнев Муляжук, глава «Нано Карбон».

К счастью, продвинутая электроника — это лишь одно из возможных применений графена. В Польше первые бизнес-проекты, связанные с новым материалом, стартуют уже в текущем году.

■ Польские печи для графена

Сегодня город Свебодзин славится огромной статуей Христа-Царя, но скоро визитной карточкой этого городка в люблинской области станет здешняя фирма «Секо Уорик». Под этим чужим, казалось бы, названием скрывается вполне родное польское акционерное общество, имеющее предприятия на трех континентах, являющееся серьезным игроком на мировом рынке специализированных промышленных печей. Два года тому назад Войцех Моджик, вице-председатель свебодзинской фирмы услышал по радио передачу об экспериментах ИТЭМ с производством графена. Оказалось, что варшавские ученые используют в своих лабораториях печи, подобные тем, которые производит «Секо Уорик». После передачи Войцех Моджик позвонил Струпинскому. В результате возникшего тогда сотрудничества появились реакторы для производства графена (на подложке из меди). Протестированные, готовые к выходу на рынок. Свебодзинская фирма собирается производить графен и торговать им, а также продавать свои реакторы.

На стадии сбора необходимых документов — то есть на финишной прямой перед выходом на рынок — находится новое поколение ультрабыстрого световодного лазера, в котором использованы узлы из графена. Такой лазер — это точная аппаратура, для которой можно найти покупателей, например, среди производителей медицинского оборудования. Во время операции при рассечении тканей необходима чрезвычайная точность, а графеновый лазер не имеет себе равных. Лазер создали инженеры из Вроцлавского политехнического университета, но, как и в большинстве случаев с нашими графеновыми разработками, к этому проекту также имели отношение ученые из ИТЭМ.

В свою очередь, сам ИТЭМ вошел в кооперацию с Промышленным институтом автоматики и измерений. Оба учреждения совместно разработали использующий графеновые узлы датчик магнитного поля, который вскоре должен попасть на рынок. В ближайшем будущем в производство будут внедрены также эластомеры с примесью графена. «Этот материал похож на резину, но гораздо более устойчив к экстремальным условиям», — говорит Збигнев Муляжук.

Это авангард наиболее продвинутых графеновых проектов, которые создаются в польских лабораториях, научных институтах и на предприятиях. Невооруженным глазом видно, что наши инженеры и предприниматели берутся лишь за то, что им по силам, концентрируясь на относительно дешевых

изобретениях. Они пользуются тем, что в Польше графеновый ноу-хау довольно доступен, и совершенствуют существующие продукты. «Бросать вызов фирме «Самсунг», располагающей практически неограниченными средствами на исследования и развитие, можно считать предприятием, заранее обреченным на поражение. Но польские фирмы и научные центры в состоянии освоить небольшие рыночные ниши», — считает Лешек Грабарчик, вице-директор Национального центра исследований и развития, который с 2012 года выделил на развитие и внедрение в производство графеновых идей уже 70-80 млн злотых.

Лак с антирадаром

Наиболее интересным и многообещающим можно назвать инновационный проект Политехнического университета в Лодзи. Ученые из этого вуза освоили метод производства графена на жидком металле, а материал, который создается таким образом, является, — как утверждает Пётр Куля, проректор по проблемам инновации, — гораздо более прочным, чем «обычный» графен. На его базе был создан нанокомпозит, вещество с особыми свойствами. «Когда он холодный, то поглощает атомы водорода как губка. Но достаточно лишь немного его подогреть, чтобы высвободился этот накопленный водород», — объясняет Петр Куля. Если дальнейшие исследования будут успешными, то Лодзинская политехника в кооперации с упомянутой фирмой «Секо Уорик» создаст новое поколение резервуаров для водорода.

Этот газ — топливо будущего, уже в настоящее время существуют двигатели на водороде, которые могут приводить в движение автомобили, выбрасывающие в атмосферу водяной пар вместо выхлопных газов. Однако теперешние резервуары для этого легковоспламеняющегося и взрывчатого газа довольно большие и тяжелые, а созданные из графена они могли бы произвести революцию в области коммуникации. Конечно, до их производства предстоит еще долгий путь.

Таких идей гораздо больше. Больница в г. Отвоцк работает над внедрением нового поколения суставных протезов. Производитель стекол для корабельных окон, фирма «Бохамет», примеряется к производству покрытых графеном очень прочных окон, предназначенных не только для кораблестроения, но и при производстве современных локомотивов. Польские фирмы экспериментируют с лаками с примесью графена, предназначенных для отраслей, производящих средства моторизации. «Есть основания полагать, что эти лаки будут значительно более стойкими к повреждениям. И даже предполагается, что они будут поглощать радарное излучение», — говорит Збигнев Муляжук. Такими лаками наверняка заинтересуется военная промышленность; но и водителям, которые с растущей вместе с увеличением штрафов за превышение скорости тревогой высматривают фоторадары, они тоже пригодятся.

Newsweek POLSKA

Павел Валевский

КИБЕРДОКТОР

Телелечение по желанию

Возможно, это шанс для нашего рахитичного здравоохранения. Однако больше, чем в деньгах, телемедицина нуждается в срочном изменении законодательства.

Рано утром, буквально в 8 часов с минутами, в местечке Анино под Варшавой, в скромном помещении Центра телекардиологии доктор Анна Ясёновская просматривает на мониторе компьютера сегодняшние кардиограммы пациентов. Ей необходимо проверить, не появилось ли у кого-нибудь из них нарушение сердечного ритма. Она также контролирует их вес и артериальное давление. В этом не было бы ничего необычного, если бы не расстояние, которое разделяет доктора и пациентов — а это десятки, иногда даже сотни километров. Больные не тратят понапрасну время на поездки в Институт кардиологии. С помощью мобильных телефонов и Интернета все необходимые данные о состоянии своего здоровья они передают непосредственно из своего дома в этот Центр.

«Добрый день, у вас все в порядке?» — телефонного разговора с Анной ее подопечные ждут каждое утро. Она справляется об их самочувствии и, изучив анализы, проверяет, готовы ли они к специальным занятиям. Именно об этом прежде всего и идет речь: несмотря на выраженную сердечную недостаточность или инфаркт, который они недавно перенесли, пациенты, находясь вдали от больницы, могут ежедневно проходить реабилитацию: делать гимнастику, активно двигаться (маршировать), использовать стационарный велосипед. «Но эти усилия должны быть дозированы как лекарство, их нужно постоянно контролировать, и они должны соответствовать состоянию здоровья пациентов», — предупреждает док. мед. наук Эва Пиотрович, руководитель Центра телекардиологии. Благодаря телемедицине пациенты занимаются рекомендованным кардиологами тренингом по месту своего жительства, при этом все параметры работы сердца передаются в текущем режиме в Анино, где квалифицированный персонал внимательно их анализирует. «Это дешевле и приносит гораздо лучшие результаты», — не сомневается проф. Рышард Пиотрович, руководитель Клиники кардиологической реабилитации и неинвазивной электрокардиологии Института кардиологии в Варшаве. Но ни Министерство здравоохранения, ни Фонд национального здравоохранения этого оптимизма не разделяют и отказываются финансировать телемедицинские услуги (не только в области кардиологической реабилитации).

Мы совместно с чиновниками Фонда описали всю процедуру телереабилитации, Агентство по оценке медицинских технологий ее утвердило, но нет решения, которое позволило бы разместить наше предложение в основном наборе предлагаемых услуг, — с сожалением констатирует профессор. Поэтому, если где-то в Польше кто-то развивает телемедицину, как это происходит в Анино, то делает это, как правило, на деньги, полученные в качество грантов на научные цели. Когда же мы, наконец, перейдем от этапа фрагментарных исследовательских проектов к повседневной практике, которая многим больным может принести значительное облегчение?

▮ Мониторинг лечения

Первая в мире польская сеть телеаудиологии была создана в Институте физиологии и патологии слуха в небольшом городе Каетаны с целью оказания помощи самым юным пациентам, хотя косвенным образом этим пользуются также их родители. Им не приходится приезжать с детьми на исследования в Варшаву, так как Институт связан с 20 центрами в Польше, в которых можно получать телеконсультации или дистанционным способом корректировать установку имплантов (электронных устройств, имплантированных пациентам с двусторонней глухотой). «После возвращения слуха каждого пациента

ждет трудоемкий период обучения речи. Это сложный процесс, особенно в случае с детьми, — утверждает проф. Хенрик Скаржинский, директор Института. — Они охотнее выполняют упражнения, находясь дома, в окружении своих близких, которых они хорошо знают. Нам же достаточно камеры и компьютера, с помощью которых мы можем отслеживать прогресс в реабилитации».

Немало энтузиастов телемедицины есть также в Кракове в Клинике коронарных заболеваний и сердечной недостаточности на медицинском факультете Ягеллонского университета. «Хотя доказательств того, что подобного рода решения для больных с сердечной недостаточностью снижают уровень смертности, среди них еще пока нет, я не сомневаюсь, что от мониторинга лечения на дому нельзя отказываться», — говорит проф. Ядвига Несслер, руководитель Клиники, и направляет в кабинет доктора Анджея Гацковского, который создал в нем для 25 пациентов временный телемедицинский центр. Войдя в программу (разработанную в сотрудничестве со специалистами по информатике из Горно-металлургической академии), он получает возможность не только ознакомиться с историей их болезни, но и увидеть текущие результаты лечения, а также результаты исследований, выполняемых ими самими на дому и пересылаемых по мобильному телефону на компьютер врача. «В настоящее время больницы находятся под огромным финансовым прессингом, поэтому они стараются как можно быстрее вывести больных из тяжелого состоянии и выписать их домой», — говорит доктор Гацковский. Но ведь пациенты с сердечной недостаточностью должны находиться под постоянным амбулаторным наблюдением, чтобы можно было предотвратить у них обострение болезни. «Однако не все врачи общей врачебной практики чувствуют себя компетентными, чтобы вести этих трудных пациентов, и зачастую боятся менять лечение. В идеале надо бы, чтобы эти больные попадали под систематическое наблюдение с соответствующим лечением к кардиологам в ближайшей поликлинике по месту жительства, но в очереди к специалистам приходится ожидать много месяцев. Нет также медсестер, которые, как в Англии, например, регулярно навещали бы их дома, проверяя, принимают ли пациенты лекарства, и быстро реагировали бы на ухудшение состояния их здоровья».

Именно телемедицина может с успехом восполнить этот пробел. Доктор Гацковский в рабочем режиме контролирует давление, вес и пульс у пациентов, проживающих на периферии региона Малопольша, благодаря этому им не надо приезжать в Краков для регулярного контроля. «Даже в период отпусков мы поддерживаем контакт друг с другом, поскольку созданная платформа позволяет пересылать данные с любого места. Пациент получает у нас тонометр, весы и мобильный телефон с системой Андроид, а мне достаточно иметь при себе лишь ноутбук с соответствующей программой.

■ Пациент на связи

К сожалению, такого рода деятельность была бы невозможна в широком масштабе. Один врач не в состоянии в рабочем режиме контролировать 50 или 100 пациентов — здесь необходима система, но создать ее в Польше без изменения законодательства пока невозможно.

«Управление социального страхования уже в течение нескольких лет финансирует телемедицинскую кардиологическую реабилитацию в рамках так называемой профилактики нетрудоспособности, и никакие пробелы в законодательстве этому не мешают», — с возмущением констатирует проф. Пиотрович. Следует, однако, принять во внимание, что пациенты с сердечной недостаточностью — это группа с большим риском возможных осложнений. Законно ли в таком случае принимать решение по поводу их лечения без личного обследования? Можно себе представить возможные возражения юриста, которому пришлось бы доискиваться причин ухудшения здоровья пациента и его смерти. Ввиду отсутствия четкой правовой интерпретации со стороны Министерства здравоохранения многие врачи сомневаются, имеют ли они право, например, не видя пациента и не обследуя его лично, корректировать дозы его лекарств.

«Без уточнения таких полномочий в телемедицине я не могу на время моего отпуска доверить больных, находящихся под моим мониторингом, резидентам или другим врачам, поскольку я не хочу взваливать на них ответственность за пациентов, которых они не знают», — объясняет доктор Гацковский. Поэтому на время отпуска он берет с собой ноутбук и, к радости больных, которые ощущают себя под опекой 24 часа в сутки, контролирует состояние их здоровья даже, когда не находится на рабочем месте.

Для многих скептиков телемедицина — это ещё один пример дегуманизации, наблюдаемой во взаимоотношениях между врачом и пациентом, хотя приведенный выше пример иллюстрирует нечто совершенно противоположное. Ведь далеко не всегда больной находится в таких комфортных условиях, имея возможность контактировать со специалистом в любое время дня и ночи, обмениваться электронными сообщениями, в которых может высказать свои сомнения, постоянно находясь под мониторингом врача. Проф. Генрик Скаржинский уверяет, что телемедицина не лишает медицину гуманизма еще и по той причине, что тут никто не остается анонимным: «Мы видим друг друга на мониторе, мы слышим друг друга, обсуждаем результаты исследований. Это просто удобно для обеих сторон».

«Я просто обожаю лечить людей, — уверяет проф. Рышард Пиотрович. — Использование мобильного телефона и компьютера — это вовсе не отход от традиционной медицины, это оснащение ее новой технологией. Таким образом мы приспосабливаемся оказывать помощь больному, находящемуся там, где он чувствует себя лучше всего. С помощью телекоммуникационной связи мы делаем наши взаимоотношения более тесными».

Доктор Эва Пиотрович может рассказать о многих своих подопечных, которые при традиционном лечении сердечной недостаточности или других болезнях системы кровообращения не достигли бы столь хороших результатов, если бы не телереабилитация: «Им не приходится ожидать неделями визита к врачу, они получают от нас аппаратуру и, пройдя в течение недели исследования и обучение, начинают упражняться, зная, что мы постоянно анализируем их результаты. Это их мотивирует и заставляет делать упражнения регулярно.

Самому старшему пациенту 84 года. Даже зимой он не отказывался от 40-минутного маршрута скандинавской ходьбы, а когда погода и в самом деле была мерзкой, он с прикрепленными к грудной клетке электродами тренировался у себя в квартире. После каждого тренинга данные о работе сердца, ЭКГ, показатели давления пересылались в Центр Телекардиологии в Анино, где их изучали специалисты и давали рекомендации для следующего дня.

Не все пациенты доктора Анджея Гацковского из Кракова занимаются так же систематически. «У некоторых пациентов, к сожалению, энтузиазм быстро проходит, — говорит он. — Не всем это подходит, не у всех есть настоящее желание, нельзя заставить кого-то быть счастливым и здоровым».

Всеобщее телелечение

Проф. Рышард Пиотрович убежден, что на первой международной конференции, посвященной телемедицине в кардиологии, которая должна состояться по плану в октябре в г. Сопот, эксперты подтвердят, что сегодня перед нами уже не стоит вопрос, есть ли смысл в такой медицинской опеке, сегодня мы задаёмся вопросом, что делать, чтобы там, где это возможно, она стала обычным явлением. Результатом этого форума должна стать декларация, подписанная экспертами и министром здравоохранения, в которой будет предложен план внедрения телемедицины в кардиологическую практику в Польше.

Разумеется, необходимы дальнейшие исследования. «Недавно мы получили грант совместно с пятью другими центрами в Польше для изучения эффективности так называемой гибридной реабилитации у 1 500 пациентов с сердечной недостаточностью», — с гордостью сообщает проф. Пиотрович. Подобная реабилитация заключается в том, что после недельного пребывания в больнице и обучения упражнениям, а также обслуживанию оборудования для регистрации и пересылки данных, больные в течение восьми недель будут проходить реабилитацию сами под телемедицинским наблюдением. «Результаты наших исследований в Анине пока весьма положительны, но чтобы этот метод стал стандартным и широко использовался во всей Европы, необходимы крупномасштабные дорогостоящие исследования», — поясняет профессор.

Любопытно только, когда телемедицину оценят по достоинству наши деятели, принимающие решения, ведь новые технологии начинают приносить ощутимый экономический эффект именно тогда, когда они получают распространение в системе здравоохранения в целом. Сегодня же их развивает всего лишь группа энтузиастов и любителей, которые не рассчитывают получить от этого особой выгоды. Однако в Национальном фонде здравоохранения, финансирующем в Польше меди-

цинские услуги, должны начать обращать на них внимание — если Фонд финансирует установку специализированного дефибриллятора за 20 тысяч долларов, но не желает покрывать затраты на телеопеку, благодаря которой можно вовремя обнаружить нарушения ритма у больного с сердечной недостаточностью и уберечь его от очередной госпитализации, нередко в тяжелом состоянии, то это просто расточительство. Если мы хотим иметь медицину на самом высоком уровне, то в процессе ее совершенствования следует учитывать именно такие нюансы.

POLITYKA

Лешек Шаруга

ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ

Хотя сейчас, когда я пишу эти строки, в Польше идет кампания перед парламентскими выборами, одной из доминирующих тем последних недель был вопрос приема — в рамках европейской солидарности — беженцев из Сирии и Эритреи. То, что раньше или позже Европа столкнется с новым переселением народов, было известно уже в начале девяностых годов. Я и сам тогда писал об этом, прочитав специальные исследования, в которых обосновывалось предположение, что к середине XXI века из Азии и Африки должно переместиться около 30 млн человек. Наверняка так и будет: нынешняя волна иммигрантов — это лишь первые ласточки. Между тем политики, как обычно, не спешат реагировать на разработки экспертов. То, что они сегодня предпринимают, — это реактивная политика, в принципе своего рода импровизация, вдобавок в условиях не до конца преодоленного экономического кризиса и нарастающих новых глобальных напряжений, последствий которых нельзя предвидеть. Вот что пишет на страницах «Газеты выборчей» (№ 237/2015) профессор Мартин Круль в статье «Лжецы будут гореть в аду»: «Война — я ничуть не впадаю в истерику — на расстоянии вытянутой руки. Естественно, будут продолжаться переговоры, а авианалеты пока что далеко от нас, но это может измениться в любую минуту, тем более что мир не особо знает, на чем сосредоточить внимание: на Украине или на Ближнем Востоке, — и это может привести к тому, что наступит полный хаос». Лично я с таким диагнозом ситуации согласен.

Совершенно ясно, что проблема беженцев — результат такого положения вещей, и уже сегодня очевидно, что даже столь богатые страны, как Германия, не в состоянии дать убежище всем нуждающимся. Поэтому ничего удивительного, что Европейский союз призывает правительства других государств к солидарному участию в помощи беженцам. Пока что речь идет о том, что Польша должна была бы принять 12 тысяч иммигрантов — по сути дела, ничтожное число, ничего не значащее для 38-миллионной страны. Тем не менее это вызывает истерическую реакцию у тех, кто убежден, что наплыв чужих представляет серьезную опасность: принесет с собой терроризм и исламизацию Польши. Пример такой истерической реакции — ситуация, описанная Агнешкой Добкевич в репортаже под заголовком «В местечке говорили», напечатанном на страницах католического «Тыгодника повшехного» (№ 39/2015): «25 сентября житель Яновиц Вельких, расположенных у подножья Яновицких Рудных гор (западной цепи Судет), увидел микроавтобус, а в нем — людей со смуглым цветом кожи. Он позвонил в полицию, что по местности разъезжают сирийцы. Полиция прибыла мгновенно. (…) «Пассажиры микроавтобуса были к нам доставлены, — говорит Эдита Барговиская, пресс-секретарь отделения полиции в городе Еленя Гура. — Мы проверили, откуда они. Оказалось, это мальтийские туристы. (…) Они арендовали микроавтобус у местного предпринимателя и осматривали окрестности»».

Наплыв чужих порождает страхи, чем, бывает, особенно в лихорадке избирательной кампании, пользуются некоторые политики. Так, например, Ярослав Качинский, председатель «Права и справедливости», самой крупной в настоящий момент оппозиционной партии, имеющей реальные шансы на победу в ближайших выборах, заявил, что приезжие могут быть переносчиками опасных болезней. А общественная организация «Силезское сообщество верующих, верных латинской традиции» выступила с заявлением, которое цитируется в статье Мартина Вуйцика «Кто не перекрестится — вон!», опубликованной в приложении к «Газете выборчей», выходящем под названием «Большой формат» (№ 39/2015): «Начавшееся несколько десятков лет назад переселение народов, которое сейчас (…) достигает фазы апогея, — это не малочисленные беженцы, спасающиеся от войны в страхе за свою жизнь, а в основной своей массе — экономическая эмиграция и авангард стоящего у наших ворот многомиллионного, враждебного латинской цивилизации ислама и порабощения, который он несет.

С прискорбием констатируем, что в этом контексте для нас непонятна частная, не носящая характера непогрешимости, позиция Святейшего Отца Франциска, которая, исходя из ложно понимаемой любви к ближнему, демобилизует католическое общественное мнение и ослабляет оправданное сопротивление по отношению к нежелательным приезжим». Приняв во внимание тот факт, что даже консервативные польские епископы, не раз более или менее выразительно дистанцировавшиеся от начинаний нынешнего Папы, призвали к тому, чтобы каждый приход в Польше подготовился принять беженцев, приведенное выше заявление — это своеобразная демонстрация того, что можно было бы назвать церковным неповиновением и что, по сути, оказывается ярким выражением нарастающих в обществе опасений по отношению к приезжим. Об этом пишет Бартек Доброх в статье «Шариат на селе», опубликованной в «Тыгоднике повшехном» (№ 40/2015): «В гмине еще никто не видел ни одного беженца, но они уже стали темой самого горячего за много лет спора. Искрой послужило высказывание старосты в «Газете краковской». Богдан Питонь, отвечая на вопрос малопольского воеводы, в состоянии ли гмина обеспечить временную крышу над головой группе беженцев, сказал: «Мы оценили нашу базу и заявили, что могли бы пристроить иммигрантов в спортивных залах наших начальных школ». Староста подчеркивал: иммигранты разместились бы в Костелиске, Витове и Дзянише не на постоянное жительство, а лишь на 2–3 дня. Несмотря на это, население закипело. (…) В Фейсбуке создали страницу организаторов протеста. Графика поражала воображение: топорный фотомонтаж с жуткими ликующими исламистами на фоне горящего деревянного костела в Костелиске». Дошло до демонстрации протеста: «Участники (…) вышли с транспарантами «Нет исламизации Подгалья!» и «Школа — это не лагерь для иммигрантов». (…) Напротив стояла группа родителей с детьми, державшими на лыжных палках листки с надписями: «Прислушаемся к Папе Франциску» или «Мы счастливы, потому что нам есть чем поделиться»». Со стороны протестующих появились скрывающие свои лица персонажи: «Что говорили мужчины в масках? «Они хотят насиловать наших женщин»; «Мы хотим уберечь наших детей от мусульман»; «Любой мусульманин — это опасность»». Репортаж Б. Доброха показывает две стороны спора об иммигрантах, но и показывает также (что намного важнее и имеет позитивной оттенок) способность сторон к диалогу. Один из контрманифестантов заявляет: «Мы не изменим исторические процессы (…). Единственное, что можем сделать, это хорошо подготовиться к переменам. Продумать, как тех людей, которые сюда придут и тут останутся, интегрировать. Чтобы и они были счастливы, и мы были в безопасности». Большую роль здесь может сыграть образование: «Основная нагрузка (…) падет на плечи священников, учителей и всех, у кого есть что сказать на эту тему».

Более широкий взгляд на проблему беженцев представляет писательница Ольга Токарчук, ставшая в нынешнем году лауреатом престижной литературной премии «Нике» (за роман «Якубовы книги»). Она поднимает эти вопросы в обширном интервью для «Газеты выборчей» (№ 23/2015), озаглавленном «Люди, не бойтесь!»: «Что-то носилось в воздухе уже какое-то время. Польша — это страна, так вписанная в карту, что невозможно запереться от мира. Открытость — наша карма: мы смесь, мы плавильный котел Центральной Европы, нравится нам это или нет. (…) Парадоксально, что мечты националистов об этнически однородной Польше осуществили коммунисты. Сегодня мы часть мира, а мир динамичен. (…) Возможно, сегодня религия и этническое происхождение должны будут трактоваться как частное, даже интимное дело. Их перенос в эти сферы неотвратим в связи с конфигурацией современного мира, огромная сложность которого, гадкая история конфликтов и войн, а также постоянно сохраняющийся уровень агрессии составляют вечный источник опасности». И далее о пробуждающихся страхах: «Эта демонстрируемая ненависть происходит из внутреннего беспокойства и невежества. Я также виню недостатки образовательной системы, слабость школы, постепенную передачу воспитания не всегда состоятельной в педагогическом отношении семье и той части Католической Церкви, которая придерживается худших ксенофобских традиций. Видно также, как цинизм политиков в их жадном и хищном стремлении к власти подпитывает эти настроения. Но когда в СМИ началась информационная акция, неприязнь к беженцам почти сразу снизилась на 10%. А за эти исполненные ненависти демонстрации мне стыдно. И у меня есть претензия к властям, что они не реагирует на «коричневые» шествия, на язык ненависти и расистские лозунги. (…) Мне не хватает на ратуше большого транспаранта: «Вроцлавяне, мы все — дети и внуки беженцев»».

Что ж, это был бы, несомненно, правильный лозунг, однако нельзя забывать, что ситуация, в которой когда-то находились польские переселенцы, принципиально иная, чем та, с которой мы имеем дело в случае беженцев из Сирии. Во-первых, предки нынешних жителей Вроцлава и земель, перешедших к Польше от Германии, занимали территории и города, прежнее население которых было изгнано; во-вторых, они не бежали от войны, а покидали семейные гнезда после включения своих родных мест в состав другого государства; и, наконец, в-третьих, они расселялись не среди чужих, а среди своих. Так что использование подобной аналогии в значительной степени некорректно. Я бы, скорее, обратился здесь к нескольким волнам польской эмиграции после подавленных восстаний XIX столетия или к истории XX века — послевоенной эмиграции из коммунистической, несвободной Польши.

Далее в интервью Ольга Токарчук обращает внимание на корни сегодняшних опасений: «Чуждость и инаковость чаще всего ассоциируются с потенциально опасным изменением *status quo*. Вовсе не удивительно, что все консервативные силы — против беженцев. Если политические позиции вообще могут иметь связь с психологией, то в основе консервативного мышления лежит страх. Консерватор исходит из того, что человек, скорее, плох, чем хорош, и только внешние условия, запреты, приказы и законы, в том числе сила традиции, в состоянии удержать людей в каких-либо рамках моральной нормы. Левые полагают, что люди, в основе своей, все же хорошие, что не надо только человеку мешать — и тогда он расправит крылья. То есть больше доверять, поддерживать, сочувствовать и разрешать быть свободным. В этом смысле почти вся литература не дискутирует с правыми, что было бы и скучно, и банально. Дискуссия, скорее, касается этой чудесно оптимистической философии левых: например, как может быть, что люди — хорошие, однако же допустили Холокост, трагедию Руанды и Югославии. Как может быть, что примерные граждане: учителя, парикмахерши, студентки юридического факультета, отцы семейств — хотят «навалять арабам» и требуют вешать «исламистов» на фонарях. Нам требуется глубокая национальная терапия против страха. В том смысле, который вкладывал в обращенный к полякам призыв Иоанн Павел II: «Не бойтесь!»»

И для завершения — высказывание по проблеме, какой стал в Польше прием беженцев из Сирии, принадлежащее Людвику Дорну, консерватору, в свое время одному из самых колоритных политиков «Права и справедливости», ныне уже с этой партией не связанному. Оно содержится в его интервью «Большому формату» (№ 40/2015), озаглавленном «Здесь Польша!»: «Мы что-то выторговываем, чуть не до драки, да ведь дело здесь не в размере квот. Надо, чтобы временное, однократное решение не было автоматическим и последним. Дональд Туск прав, когда говорит, что речь идет не о беженцах, а о новом переселении народов. А раз так, то мы одни с этим не справимся, у нас должен быть партнер по другую сторону Средиземного моря, даже если этот партнер — диктатор. До «арабской весны» проблема беженцев существовала в очень небольшом масштабе. А после этих событий начался потоп. Каддафи правильно сказал, что, если Европа его свергнет, она за это дорого заплатит. Конечно, Каддафи был преступник, социопат, кровавый диктатор. Мы, европейцы, поэтому его свергли. Но сейчас и ливийцам хуже, и нам хуже». К этому довольно циничному анализу остается только добавить, что лучше сейчас лишь тем, кому сложившаяся ситуация позволила включиться в глобальную игру за влияние.

Ольга Токарчук

Перевод Ольги Лободзинской

ЯКУБОВЫ КНИГИ

(отрывки из книги)

Проглоченный клочок бумаги застревает в пищеводе где-то в области сердца. Намокает от слюны. Черные, специально приготовленные чернила постепенно растворяются, и буквы теряют очертания. Слово в теле человека распадается надвое — на вещество и суть. Когда исчезает первое, второе, то есть то, что лишается формы, впитывается в ткань тела, поскольку суть упорно ищет материальный носитель, даже если впоследствии это может обернуться несчастьем.

Йента приходит в себя, а ведь была уже почти мертва. Сейчас она это чувствует безошибочно, это как боль, как течение реки — ее подводные толчки, напор и движение.

В область сердца возвращается легкая вибрация, сердце бьется слабо, но ровно, уверенное в себе. В высушенной, костистой груди Йенты вновь разливается тепло. Йента моргает и с трудом поднимает веки. Видит склоненную над собой озабоченную физиономию Элиши Шорра. Старается улыбнуться ему, но лицо ее еще ей непослушно. У Элиши Шорра сведены брови, он с претензией смотрит на нее. Губы его шевелятся, но до ее ушей не доходит никакой голос. Откуда-то появляются руки — большие ладони старого Шорра, вот они дотянулись до ее шеи и ныряют под попону. Шорр неуклюже пытается перевернуть безвольное тело на бок и заглянуть под него, на простыню. Нет, Йента не чувствует его усилий, она чувствует лишь одно тепло и присутствие бородатого вспотевшего мужчины.

Потом внезапно, будто испытав какой-то толчок, Йента смотрит на все сверху — на саму себя и на лысеющую макушку Шорра, потому что в этой возне с ее телом у него с головы слетела шапка.

С тех пор и повелось — Йента видит все.

Что видит Йента 17 июля 1759 года из-под свода Львовского кафедрального собора

Билет стоил не так дорого, всего шесть грошей, поэтому ничто не удерживало толпу войти всей улицей во Львовский собор. Но хоть собор огромен, масса любопытствующих и так в нем бы не поместились. С большой охотой вошли бы кочующие на Галицийском Предместье, особенно саббатианцы[1] и еврейская беднота, а также местные — львовские мелкие перекупщики, торговки и молодежь. Меж тем у многих из них не нашлось бы и этих шести грошей, а если бы они их каким-то чудом раздобыли — предпочли бы потратить на булку.

За порядком вокруг собора приглядывает стража из Львовского гарнизона. Благодаря предусмотрительному распоряжению ксендза Генерального администратора — пропускать только по билетам — внутри осталось свободное место, и теперь его заполняют львовские мещане, а также те, кто специально приехал издалека: есть староста Лабендский из Рогатина и его жена Пелагия, рядом с ними сидит ксендз декан Бенедикт Хмелёвский, а далее — кастелян Коссаковский с женой Катажиной из Каменец-Подольска. И другие богачи со всей округи.

Есть тут также множество евреев — такое в католическом костеле увидишь не каждодневно — и всяческого происхождения молодь, что пришла сюда из чисто юношеского любопытства.

Спереди, в первых рядах, сидят теологи из различных орденов, равно как ксендзы и костельные чины. За ними — рядовое духовенство. Между скамьями, установленными посредине полукругом, по правой стороне стоят контраталмудисты — их немного, человек десять, остальные прибыть из Иване не смогли — не было повозок, так они объясняют.

---

[1] Сторонники мессианского еврейского движения, основанного Саббатаем Цви (1626–1676). Саббатианцы верили в скорое пришествие Мессии, освобождение евреев от тягот скитания по всему миру и поселение в родной стране Эрец-Исраэль. — Здесь и далее прим. пер.

Иегуда Крыса и Соломон Шорр стоят впереди. Умное лицо Крысы, рассеченное сверху донизу шрамом, обращает на себя внимание. Шломо, высокий, стройный, в дорогом плаще, внушает уважение. Напротив — талмудисты, все на одно лицо: бородатые, черные, в своих широких одеждах и — на что обращает внимание стоящий вблизи выхода Ашер — старше контраталмудистов на целое поколение. Талмудисты уже назначили для диспута трех человек: Нутке — раввина из Богородчан, раввина Львовского Рапапорта, а также Давида — раввина Станиславовского. Ашер привстает на цыпочки, высматривая Якуба Франка[2], хотелось бы, наконец, увидеть его, но нет никого, кто был бы на него похож.

Посредине, на возвышении — сам Генеральный администратор Львовского Архиепископства ксендз Стефан Микульский, взволнованный и вспотевший, в чудесных фиолетовых одеждах, а также коронные сановники, среди них ординат Замойский, маркграф Велёпольский, графы Ланцкоронский и Оструг — все в щегольских сюртуках в пышные складки, подпоясаны турецкими кушаками; разрезные рукава, откинутые назад, открывают столь же разноцветные шелковые кафтаны.

Йента смотрит на них из-под свода, видит море голов, головок, шляп, шапок и тюрбанов, это напоминает ей грибную поляну с растущими колониями и похожими друг на друга опятами, лисичками под затейливыми шляпками и прочно вросшими в землю своими крепкими ножками одинокими боровиками. Потом Йента совершает быстрое движение, ее взгляд спускается вниз, к распятому на кресте наполовину обнаженному Иисусу — и теперь Йента смотрит сквозь глаза его деревянного лица.

И видит мужчин, старающихся сохранять серьезный вид и спокойствие, хотя, конечно, они неспокойны. Может, только тот, что сидит в середине, в самых ярких одеждах, тот думает о женщине, что осталась в постели, точнее, о ее теле, а еще точнее — об одном уголке ее тела, благоухающем и влажном. Да и у тех двоих, что рядом с ним, — мысли тоже не в соборе. Один думает об ульях с пчелами: выроились они у него, а новый рой осел на липе, удастся ли его снять? Другой какие-то счета в уме пробегает, путается в столбиках, то и знай возвращается в самое начало. На всех сарматские шапки с павлиньим пером, сколотые булавкой с драгоценным камнем, цвета одежды сочные, веселые, как у попугаев, видимо, из-за этого все трое морщат лоб, сурово стягивают брови, чтобы уравновесить распоясавшиеся цвета платья строгостью лица. Эти — тут самые знатные.

Дискутанты, те, что слева, — рыжики, так они похожи на них своими шапками. Рыжики охотнее всего унесли бы отсюда ноги. Здесь им грозит тюрьма или штраф. Это дело для них заранее проиграно, их аргументы собравшиеся не поймут и не выслушают до конца. Зато те, что справа, — это опята, держатся дружно, их одежда бурая и бедная, стоят, прижавшись друг к другу, их группка колышется, ежеминутно кто-то из нее выходит, а потом протискивается с бумагами в руке; от них исходит ожесточение и злость, но надеются они на победу. Йенте они не нравятся, хотя среди них она узнает своих родственников, впрочем, теперь это не имеет никакого значения. Ведь если бы Йента смотрела на родство с ними таким вот образом, она бы увидела, что, собственно, и тут, и там, за стенами собора и во всем городе, и в маленьких деревеньках, что выросли вокруг города, — повсюду какие-то ее родственники.

[2] Яков Франк (Якуб бен Иехуда Лейб) (1726–1791) — польско-еврейский религиозный деятель, создатель еврейской мессианской группы сторонников Саббатая Цви. В Оттоманской империи принял ислам. В Польше организовал секту, которая была в остром конфликте с ортодоксальными еврейскими общинами. К спору с раввинами привлек католического епископа, а потом всей сектой принял католичество. Вел переговоры и с русским духовенством о принятии всей его общиной православия.

Paulina Zielona

После приветствий и по прочтении длинного списка титулов диспут открывает его хозяин — ксендз Микульский. Начинает он, слегка нервничая, но его выручает цитата из Евангелия, которая помогает встать на якорь в этом море слов, и, уже оставив позади Священное Писание, ксендз говорит уверенно, не заикаясь, и даже красноречиво. Он представляет контраталмудистов как этаких заблудших овечек, что после долгих скитаний нашли своего пастыря, пожелавшего обратить на них внимание.

Потом на середину выходит Антоний Молидва-Коссаковский, шляхтич, так его представляет секретарь, он — поверенный контраталмудистов. Лысеющий мужчина, статный, с небольшим брюшком и водянистыми глазами производит, пожалуй, не самое лучшее впечатление, но когда начинает свою речь, все внимание сосредотачивается на нем, воцаряется полнейшая тишина. Голос громкий, звучный, теплый, и модулирует он его так изящно, что мелодия находит у людей путь к сердцу. Говорит красиво, хотя и вычурно, зато с большим убеждением, а люди скорее доверяют мелодии речи, нежели словам. И сразу же обращается ко всем евреям с призывом обратиться в христианскую веру. После каждой фразы делает паузу, дабы мысль подольше парила под сводом. И впрямь, каждая, будто тополиный пух, зависает в огромном пространстве костела.

— Не из мести, обиды или желания злом за зло отомстить стоим мы тут, духом разбуженные, напротив лиц ваших, и не по сим причинам молили мы Бога, Создателя сердец разумных, дабы здесь вас собрать. Не потому стоим мы тут, дабы воззвать к суду Божьему, суду справедливому, но для того, чтобы смягчил Он сердца ваши каменные и к признанию законов Божьих вас привел...

И такова вся его речь — пафосная, напыщенная. Толпа под впечатлением. Йента видит, как присутствующие ежеминутно прикладывают к глазам носовые платочки, она знает, что это за эмоции. Ведь, чего греха таить, контраталмудисты, что сидят у стены, кажутся какими-то жалкими и бедными рядом с раввинами, одетыми, несмотря на лето, в длиннополые шубы и меховые шапки. Они кажутся детьми, изгнанными из собственного дома, заблудшими овечками, чужими странниками, уставшими и мизерными, что стучатся в дверь. Вроде бы и евреи, но ведь преследуются своими же братьями, прокляты ими, повсюду отчуждаемы. И в этом своем притеснении их души темные, словно ростки, проросшие в подполе, инстинктом своим ищут свет и тянутся к нему, бедные. Как же не принять их на лоно христианское, лоно обширное, католическое, свойское?

Выглядят людьми порядочными: Иерухим из Езежан, Иегуда из Надворной по прозвищу Крыса, Моше Давидович из Подгаец. Они будут держать речь. Потом Хирш из Ланцкоруня, зять Элиши Шорра, муж Хаи, что стоит у стены, а в конце — сам Элиша Шорр из Рогатина с сыновьями, среди которых особо выделяется Шломо — своей кучерявой шевелюрой и ярким плащом. Чуть дальше: одетый по-турецки Нуссен Аронович Львовчик и Шиля из Ланцкоруня — они что-то вроде секретариата. Перед ними горы бумаг, чернильница и всякие приборы для письма. На самом конце, за отдельным столиком, сидит Нахман из Буска и Молидва — это переводчики. Нахман одет по-турецки, в неярких тонах, скромно. Маленький, он нервно потирает руки. Молидва потеет в элегантном темном платье.

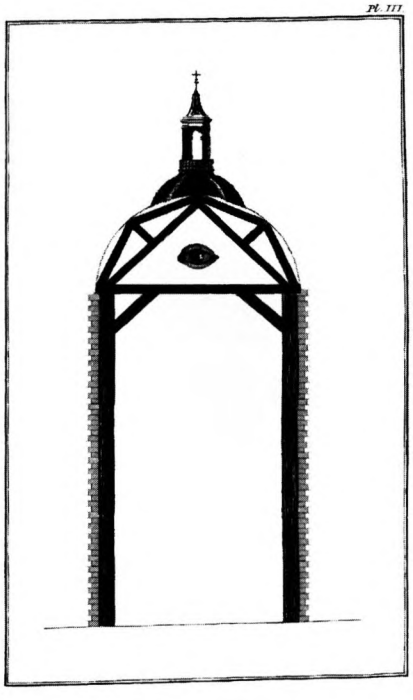
За ними клубится толпа, разноцветная, вспотевшая — жены, сестры, матери и братья, все стоят скученно, оробевшие.

С правой стороны, там, где скамьи талмудистов, уже не так кучно. Там сидит дюжина хорошо одетых, знатных старых раввинов почти не отличающихся друг от друга, разве что длиной и окладистостью бороды. Но глаз Йенты распознает раввина Рапапорта из Львова, Менделя — сатановского раввина, мендзыборского раввина Лейбу и Берека — язловецкого раввина. Йос Кшеменецкий, раввин из Могилева, сидит на самом конце скамьи и раскачивается взад-вперед с закрытыми глазами, отсутствующий духом.

Начинается чтение пункт за пунктом манифеста, который по сему случаю был отпечатан. А когда дело доходит до дискуссии по первому пункту, чернь сразу понимает, что не получит того, чего бы ей хотелось. Возникают какие-то сложности, да и слушать мудреные речи раввинов трудно — говорят они с переводчиком, отчего все тянется довольно долго, к тому же и переводчик плох. Только Рапапорт решается говорить по-польски, но тогда речь его звучит как-то несерьезно — у него еврейское завывание, забавное, будто он на ярмарке яйцами торгует — это не прибавляет ему авторитета. Поэтому собравшиеся начинают шуметь, крутиться, и не только те, что в соборе стоят, но и господа, что сидят в рядах, шепчутся меж собой или блуждают взглядом по своду, откуда на них смотрит Йента.

Спустя несколько часов ксендз Микульский решает переложить диспут на следующий день и тогда закончить дискуссию о том, пришел ли уже Мессия, во что верят христиане, или ему еще предстоит прийти, как хотели бы евреи.

Седьмой пункт диспута



Понедельник 10 сентября 1759 года, 5519 год по еврейскому календарю, 18 числа месяца элул. Люди собираются не спеша, еще стоят у входа в собор, снова будет жара. Мужики продают мелкие сладкие венгерские сливы и грецкие орехи. Можно также купить четвертушку арбуза на большом зеленом листе.

Участники диспута входят через боковые двери и занимают свои места. Сегодня народу больше, даже контраталмудисты пришли немалой группой и, как пчелы матку, облепили своего Франка, соблаговолившего появиться. Прибыли и раввины из окольных гмин, и знаменитые еврейские ученые, и сам равви Рапапорт — сгорбленный, как водится, в длинном плаще, ему в нем, наверно, будет очень жарко. Одновременно в собор пускают и любопытных, тех, что купил билеты, но вскорости и для них не хватит места. Опоздавшие уже стоят в сенях и немногое слышат из того, что происходит внутри.

Во втором часу ксендз администратор Микульский открывает собрание и просит контраталмудистов привести доказательства седьмого пункта. Он нервничает, раскладывает перед собой бумаги, и видно, как трясутся у него руки. Бросая взгляд на написанный текст, он начинает свою речь, поначалу довольно топорно, заикаясь и повторяясь, но потом голос набирает силу:

— Употребление талмудистами христианской крови не только в Королевстве Польском, но и в чужих землях, не вызывает сомнений, ибо в истории как иноземных государств, так и в Польше и Литве неоднократно случалось, что талмудисты бесчеловечно проливали невинную кровь христианскую, и за сей безбожный проступок приговоры судов осуждали их на смерть. Однако, постоянно запираясь, они хотели оправдаться перед всем светом, утверждая, будто христиане обвиняют их незаслуженно.

Голос его от волнения срывается, приходится выпить глоток воды, и он продолжает:

— Однако, призвавши во свидетели Всеведущего Бога, грядущего судить живых и мертвых, не из враждебности или мести, а из любви к вере святой объявляем мы миру о проступке оных талмудистов и ныне разрешить сей спор беремся.

По скученной толпе расходится шумок, она колышется. Теперь на древнееврейском то же самое повторяет Крыса — на сей раз волнуется группка раввинов. Один из них, похоже, раввин из Сатанова, встает и бросает оскорбление другой стороне, но его одергивают, и он умолкает.

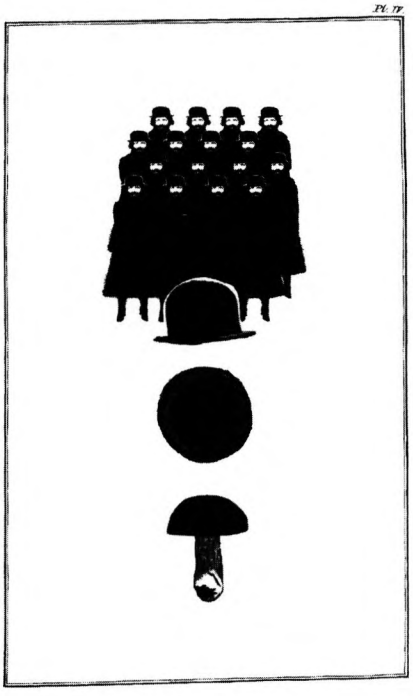
Далее происходит так: сначала говорит Крыса, а потом Молидва читает с листа перевод и объясняет сказанное, хотя от этого ничего не становится ясным:

— Талмудическая книга «Aurechaim Megine Erec»[3], то есть «Путь живых. Защитник земли», автором которой является раввин Давид, говорит: «Мицве лахзеур ахер яйн удым, зейхер лейдам», что означает: «Прикажи (раввин) стараться о красном вине, памятка крови». А сразу после этого тот же самый автор добавляет: «Од реймез леудым зейхер лейдам шеохойю паре шойхет бенай Исруэль», то есть: «Еще тебе моргаю, для чего воспоминание о красной крови, ибо фараон убивал детей израэлитов». Зато ниже идет такое предложение: «Вайхюдне нимнеу милайиках яин удым мипней элилойс шейкурым», то есть: «А ныне употребление красного вина оставлено вследствие ложных обвинений».

И снова встает раввин из Сатанова и что-то возбужденно говорит, но его никто не переводит, а потому люди его не слушают. Ксендз Микульский усмиряет его:

— Для защиты еще придет время. Сейчас надо выслушать аргументы одной стороны.

И теперь Крыса, которого перелагает Молидва, замысловато доказывает, что Талмуд требует употребления христианской крови, поскольку слова «яин удым» раввины переводят как «красное вино», но в то же время в древнееврейских письменах теми же самыми буквами («алеф», «далет», «вав», «мем») пишется как слово «удым», то есть «красный», так и слово «эдым» то есть «христианин». Оба слова отличаются тем, что внизу первой буквы, «алеф», в одном случае стоят точки, называемые «сегол» и «камац», и слово читается как «эдым», а в другом случае этих точек нет, и слово читается как «удым».



— Надобно знать, — продолжает Крыса, а Молидва прекрасно его переводит, — что в книге «Aurechaim Megine Erec», где содержится предписание для раввинов, чтоб старались о красном вине на Пасху, два этих древнееврейских слова написаны без точек, из-за чего слова эти двусмысленны. Поэтому народу раввины могут объяснять их как «яин удым», то есть «красное вино», а про себя понимать, что это «яин эдым», то есть «кровь христианская» под видом вина, — переводит Молидва, а на самом деле неизвестно, переводит ли или от себя говорит. Уткнулся глазами в листок бумаги и где-то растерял все свое красноречие и обаяние.

— Что вы делаете?! — кричит кто-то из толпы по-польски, а потом повторяет то же самое на древнееврейском: — Что вы делаете?!

А Крыса и далее доказывает, что якобы это «красное вино» должно быть «памяткой крови».

— Так пусть талмудисты нам объяснят, какой же крови это памятка?! — выкрикивает Крыса и метит указательным пальцем в сидящих напротив раввинов.

— И причем здесь «моргаю»! К чему здесь моргание! — гремит он, обращаясь к ним, лицо его становится багровым. В соборе гробовая тишина. Крыса глубоко вдыхает воздух и говорит уже тихо, с наслаждением:

— Видно, важно было, чтоб секрет остался у раввинов, а народ понимал, что речь идет всего лишь о красном вине.

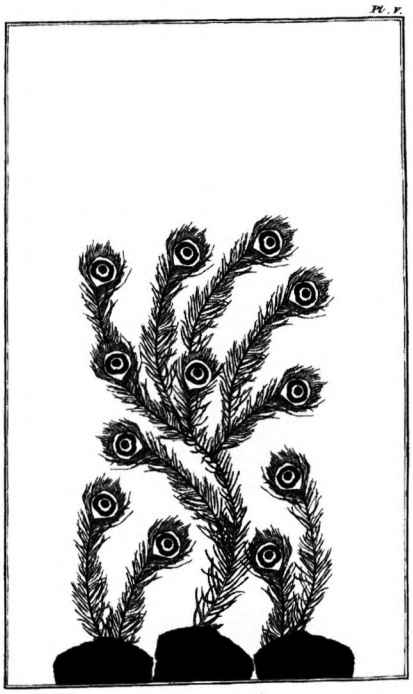
Теперь, подталкиваемый сотоварищами, встает Моше из Подгаец. У него дрожат руки:

— На пасхальные праздники, то есть на Песах, Талмуд придумал церемонию, которую обязаны соблюдать все. В первый вечер праздника на стол ставится стаканчик вина, и каждый сидящий за этим столом обмакивает в него мизинец правой руки, после чего стряхивает спадающие с пальца капли на землю и вспоминает десять казней египетских: первая казнь: «дам» — то есть кровь, вторая: «сефардая» — то есть лягушки, третья: «киним» — то есть

[3] Книга об обрядах на праздниках всего года.

мошкара, четвертая: «уроив» — то есть мухи, пятая: «дыйвер» — то есть поветрие, шестая: «шехин» — то есть язва, седьмая: «бурод» — то есть град, восьмая: «арбы» — то есть саранча, девятая: «хойшех» — то есть мрак, десятая: «бейхойрос» — то есть убиение египетских первенцев. Церемония сия изложена в книге, автор которой, раввин Иуда, для обозначения этих десяти казней составил из начальных букв в названии каждой казни три древнееврейских слова — «дейцах», «эйдаш», «беяхав». Перед простаками раввины делают вид, что эти десять букв означают всего лишь десять казней. Но мы в сиих начальных словах открыли секрет, который они — и он вновь тычет пальцем в раввинов — приберегли для себя, скрывая его от народа, а мы показываем, что когда под эти первые буквы подложить другие слова, то выйдет совсем иное: «Дам церухин килуни ал дыйрех шыюси бэойсой иш хахумым быйрушулаим», что означает: «Кровь употребляют все, и (добывают ее) по образу того, как поступали с одним мудрым человеком в Иерусалиме».

Воцаряется тишина, люди смотрят друг на друга — становится ясно, что ничего из этого понять невозможно. Начинается перешептывание, обсуждение вполголоса, шарканье выходящих, поскольку некоторые, самые нетерпеливые и разочарованные, выходят на улицу, где — несмотря на жару — воздух лучше, чем в соборе. Нисколько не смущаясь, Моше из Подгаец продолжает:



— Скажу вам больше: в книге «Aurechaim», стих 460, о выпечке мацы на первую ночь пасхальных праздников написано: «Айн люшоин мацес мицве вайлоэ оисин оисо ал идей аким ваилоэ ал идей хейреш шойте вейкутен», что означает: «Возбраняется месить тесто на мацу и возбраняется печь ее при чужом, глухом, глупом и малолетнем». В другие же дни, как в той же книге написано, месить тесто можно при каждом человеке. Так пусть нам скажут талмудисты, почему той первой мацы нельзя замешивать и выпекать при чужом, глухом, глупом и малолетнем? Мы знаем, что они ответят! Чтобы тесто не скисло. А мы их тогда спросим, с какой это стати оно должно скиснуть? А они нам ответят, что его бы заквасили эти люди. Или что нельзя было бы его уберечь. Но как они могли бы его испортить?! А все дело в том, что в мацу на Пасху добавляют христианскую кровь, поэтому свидетелей при замесе теста быть не должно.

Моше успокаивается, последние слова он чуть ли не прокричал. Раввин Язловецкий, что сидит по противоположную сторону, хватается за голову и принимается раскачиваться. Пинкас, слушая речь Моше, начинает крутиться, кровь приливает к его лицу, он встает, протискивается вперед, те же, кто хочет его остановить, хватают его за полы плаща и рукава.

— Моше, что ты делаешь? Ты гадишь в свое гнездо?! Моше, мы ведь знаем друг друга, мы же учились в той же самой иешиве. Моше, опомнись!

Однако к Пинкасу уже бросается гарнизонная стража, лица их суровы, и Пинкас отступает. А Моше ведет себя так, будто всего этого не видел. Он продолжает:

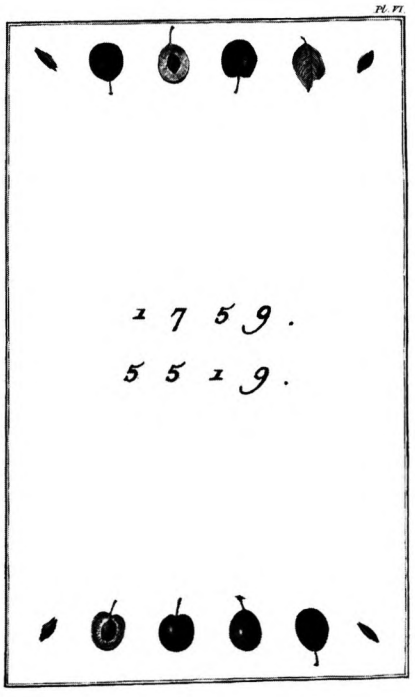
— И еще третий пункт. В Ветхом завете кровь и зверей, и птицы строго возбраняется, употреблять ее для еды или питья евреям не к лицу. Однако книга Рамбама, часть вторая, глава шестая, говорит: «Дам хоудым айн хаювын улов», что означает, что «всякая кровь нам запрещена, но человеческая — позволена». А еще в книге «Masehet Ketubot», т. 60, пишется: «Кровь тех, что ходят на двух ногах, чиста». Так пусть нам ответят, чья это кровь чиста? Ведь не птицы же? И таких случаев множество, неясно выраженных, чтобы только скрыть истинное намерение. А мы открыли сущую правду. Об остальном же можно догадаться из частых убийств невинных детей.

Когда Моше заканчивает свою речь, в соборе поднимается галдеж, а поскольку уже стемнело, ксендз Микульский заканчивает собрание и велит раввинам приготовится к ответам через три дня. И призывает всех присутствующих соблюдать спокойствие. Прибывает стража, но люди расходятся в меру тихо. Неизвестно только, как и когда собор покидают раввины.

Загадочный знак пальцем и таинственное подмигивание

13 сентября 1759 года, 5519 года по еврейскому календарю, 21 числа месяца элул, при столь же большом, как и в предыдущий раз, скоплении любопытствующих, встает львовский раввин Хаим Коэн Рапапорт и от имени своих единоверцев в пространной речи называет нападки контраталмудистов актом злости, мщения и обычным наговором. Причем сами обвинения не имеют, по его мнению, оснований и противоречат законам природы. По крыше собора стучат тяжелые капли дождя — наконец-то он хлынул, его давно ждали.

Рапапорт говорит по-польски, медленно, старательно выговаривая слова, будто выучил текст наизусть. Он ссылается на свидетельства Священного Писания и мнение о евреях, высказанное Гуго Гроцием[4] и христианскими учеными. Низким, спокойным голосом заверяет, что Талмуд не велит делать ничего дурного против христиан, и заканчивает речь, красноречиво взывая к милости и протекции ксендза администратора Микульского, дабы тот с полнейшей серьезностью разума соблаговолил признать обвинения контраталмудистов, касающиеся христианской крови, как их злонравное и полное враждебных намерений объяснение. Теперь его секретарь Ян Бяловольский подает ему стопку бумаг, и раввин Рапапорт начинает читать по-древнееврейски. По прочтении нескольких фраз Бяловольский читает перевод на польский. Там говорится о красном вине: на пасхальные праздники Талмуд предписывает евреям выпить четыре стаканчика вина, а коль скоро в Священном Писании красное вино считается лучшим, значит, и употреблять надо его. Однако, если бы лучшим оказалось белое вино, то можно пить и белое. А делается так в память о той крови, которую из детей израильских источал фараон, ибо хоть в Священном Писании об этом ясно не сказано, в традиции такой обряд существует. Делается это также в память о крови агнца, закланного в жертву на Пасху в Египте. Когда двери были ею обмазаны, ангел смерти, убивающий первородных, сторонился домов израэлитов. Слова «моргаю» в Талмуде вообще нет, видно, контраталмудисты плохо учили древнееврейский. Также они неверно заменяют слово «edom» на слово «edym», которое означает не «христианин», а «египтянин».



Объяснение, что якобы три слова — «дейцах», «эйдаш», «беяхав» — состоящие из первых букв в названии десяти египетских казней, должны означать то, что говорят контраталмудисты, — лишено оснований. Слова эти составлены только для того, чтобы лучше запомнить десять казней, а не для того, чтобы указать ими на употребление христианской крови. Называется это мнемотехника, то есть наука о том, как лучше запоминать. А к маце, выпекаемой на Пасху, мы относимся с особой бережностью по той простой причине, чтобы она из-за чьей-то неосторожности не скисла, поскольку Священное Писание запрещает употреблять в это время кислый хлеб. Что касается книги «Aurechaim», то она не запрещает при чужих, глухих, глупых и малых замешивать и выпекать мацу, но запрещает использовать при этом чужих, глухих, глупых и малых. И это место в Талмуде контраталмудисты тоже объясняют

[4] Гуго Гроций (1583–1645) — голландский юрист и государственный деятель, философ, христианский апологет, драматург и поэт. Заложил основы международного права, основываясь на естественном праве.

неверно, говоря, что дело тут в христианской крови. Что же касается обвинения, что книга Рамбама «разрешает использовать кровь человеческую», то это неправда, поскольку книга эта говорит о чем-то совершенно противоположном, и этим контраталмудистам пригодились бы уроки древнееврейского.

Но поскольку в соборе сгущается темнота, которую едва пронизывает свет, исходящий от свечей, ксендз Микульский велит прервать спор и откладывает разбирательство, на котором предстоит вынести приговор.

Катажина Коссаковская пишет письмо епископу Кайетану Солтыку

...Носом чувствую, а меня он редко подводит, что Ваше Преосвященство теряет интерес к нашему делу, поскольку у Вашего Преосвященства теперь поважнее дела в новой епископской столице. Однако я упряма и позволю себе побеспокоить Ваше Преосвященство по делу сему, ибо лежит оно у меня на сердце. Тут во мне говорят сантименты как материнские, ибо эти наши пуритане[5] напоминают сироток, так и отцовские, ибо сколько же добра можно было бы сотворить, отойди они от веры своей ложной и перейди на лоно нашей Церкви польской!

Как когда-то наши пуритане, раввины тоже представили в консисторию в свою защиту ответ на письме. Но при всем том он на кардиналов не произвел такого впечатления, как обвинение. Кардиналы сочли его слабым, указавши на то, что в нем не содержится ни ясного смысла, ни должного ответа. Особое внимание обратили они на то, что раввины отстаивали Талмуд либо с помощью цитат из Священного Писания, либо полностью отрицая обвинения. А ведь в конечном счете речь пошла о каких-то мелочах, например, подмигнул ли какой-то там раввин Давид в своем Талмуде и сделал ли также тайный знак пальцем. Или почему талмудисты должны употреблять красное вино. Но полно, не будем уже об этом. Никто этого не слушал. А правда такова, что все мы, там собравшиеся, уже имели свое суждение. А потому получили большую сатисфакцию от приговора. Ксендз-администратор Микульский объявил собравшимся: касательно первых шести пунктов считается, что наши пуритане переубедили нас и побили талмудистов. А касательно седьмого пункта, о христианской крови, то, с письменного согласия нунция Сери, консисторский суд оставил его себе для дальнейшего подробнейшего изыскания. И окончательного решения ксендз-администратор не принял. Я считаю, что он поступил верно. Дело само по себе весьма деликатное, страсти разыгрались нешуточные, а посему приговор духовной власти, признающий справедливость обвинений наших подопечных, а тем самым верность многовековых подозрений, может грозить евреям наихудшими последствиями. Несмотря на некоторого рода разочарования публики в этом смысле, присутствующие спокойно приняли приговор к сведению и разошлись по домам.

А посему уведомляю Ваше Преосвященство, что вопрос крещения предрешен, и уже назначена дата для самого Якуба Франка, что меня порадовало до чрезвычайности.

Что он может нам предложить? Совсем не так мало! Говорит — а я это знаю со слов кузена своего, Молидвы-Коссаковского — что, если б у него были приличные условия в Речь Посполитой, за ним бы пошли десятки тысяч людей и не только из Польши и Литвы, но и Валахии, Молдавии, Венгрии и даже Турции. Неглупо рассуждает он и о том, что весь этот народ, не зная наших польских

[5] Пуританизм, пуритане — общественно-религиозное движение за «очищение» англиканской Церкви от католицизма. Возникло в Англии в XVI в. На польских землях ввиду сильного сопротивления католической Церкви оно превратилось в слабое общественной движение.

обычаев, не следует разделять, точно овец, ибо тогда он без своих зачахнет и погибнет, а значит, надо его селить вместе.

Я, Ваше Преосвященство, на коленях умоляю, чтобы Вы, Ваше Преосвященство, подготовили почву под эти крещения и дело наше своим авторитетом поддержали.

Я же здесь, на месте, постараюсь о содействии влиятельных лиц и жителей Львова. Речь идет о денежной или любой другой материальной поддержке того огромного множества еврейской бедноты, которое кочует на улицах. Уверяю Ваше Преосвященство, что напоминает оно становища цыганских таборов, и со временем город ничего не сможет сделать с этим уличным кочевьем. К сожалению, кроме отсутствия питания, существуют куда менее приятные телесные отправления, и это помалу становится хлопотным. Уже трудно пройти по Галицийскому Предместью, не зажимая носа, к тому же стоит жара, из-за чего вся эта вонь становится еще более докучливой. И несмотря на то, что саббатианцы кажутся хорошо организованными, я подумываю, а не следует ли выделить им место пребывания где-нибудь за городом, с чем обращаюсь к Тебе и Его Преосвещенству епископу Залусскому. Письмо по сему делу отнесу и к нашему примасу. Сама же я намереваюсь временно уступить семье Франка и его ближайшим сподвижникам свою усадьбу в Войславицах, пока не найдется для них какое-нибудь постоянное место. Но там у меня надо поначалу починить крышу и провести массу удобств ...

О терзаниях ксендза Хмелёвского[6]

Год кометы для ксендза полон невзгод. Он-то думал, что на старость укроется в своем приходском жилище среди мальв и горицвета (который помогает ему на суставы), а тут все какая-то возня, столпотворение какое-то. Теперь еще этот беглец и неприязнь к нему Рошко. Ксендз держит у себя мужика, сбежавшего от хозяина, лицо такое страшное, изувеченное, но властям его сдавать не намерен. Хотя должен. Это добрый человек, мягкий и такой несчастный, что даже от вида его у ксендза щемит сердце и велит глубоко задуматься о божьем милосердии и доброте. А Рошко на того беглеца зол, и ксендз опасается, как бы он кому не проболтался. Знает, что Рошко ревнует, а потому пришлось стать для него милее и дать на один грош более, нежели давал до этого, а тот все равно ходит надутый. Теперь же, когда он эти несколько дней пребывает во Львове, опасается, как бы один другому не выцарапал глаза. Однако, в письме к пани Дружбацкой он об этом не вспоминает, хотя, будь она рядом, может, и посоветовала бы что-нибудь дельное. Письма к пани Дружбацкой, которые он пишет время от времени, доставляют ему немало удовольствия, поскольку у него складывается впечатление, что кто-то, наконец, его слушает, и не в ученой материи, а в человеческой. Иногда он составляет их по целым дням, как, скажем, сейчас, когда заспанный сидит на утренней службе у монахов бернардинцев. Вместо того, чтобы молиться, обдумывает, что написать. Может, так: «...Дело мое с паном Яблоновским окажется в суде. Я буду сам себя защищать, а посему пишу сейчас речь, в которой постараюсь доказать, что книжки и знание, в них содержащееся, являются всеобщим достоянием. Ибо они никому не принадлежат, а вместе с тем, принадлежат всем, как небо, воздух, аромат цветов и красота радуги. Разве можно у кого-то украсть знание, которое он приобрел из других книг?»

[6] Ксендз Бенедикт Хмелёвский известен как автор первой польской энциклопедии «Новые Афины» (1745–1746), содержащей сведения из книг более ста авторов. Произведение это весьма курьезное, и уже во второй половине XVIII века его подвергли разгромной критике за несуразность формулировок.

Теперь, будучи во Львове, он оказался в самом средоточии диспута; епископ занят, весь город с нетерпеньем ждет приговора, кому интересно дело ксендза Бенедикта Хмелёвского?! Вот и остановился он у монахов бернардинцев, ходит на каждый диспут, делает записи для себя и понемногу переносит их в письмо к пани Дружбацкой. «...Ты меня спрашиваешь, видел ли я все своими глазами, тогда я тебя, почтеннейшая сударыня, любезно спрошу, смогла бы ли ты выстоять на ногах, да что там выстоять?! усидеть на одном месте столько времени, сколько я усидел? Будь уверена: диспут был скучен, все интересовались только одним: употребляют ли евреи христианскую кровь или нет?»

Ксендз Гауденты Пикульский, ученый из львовских бернардинцев, профессор теологии и прекрасно обученный древнееврейскому языку, провел огромную работу. Совместно с ксендзом Константы Аведыком записали они весь львовский диспут и прибавили к сему знание всего того, что на сегодняшний день мы почерпнули из книг и всяческих пересказов. И вопрос ритуального убийства сей ученый бернардинец с большой эрудицией подверг подробнейшему разысканию.

Полностью поддерживая обвинение, предъявленное антиталмудистами, он старался подкрепить их доказательства новыми аргументами, взятыми, в частности, из рукописи некого Сарафиновича, раввина Брест-Литовского, который принял крещение в Жолкви в 1710 году и который признался публично, что и сам дважды совершил в Литве ритуальное убийство, описал все кощунственные и богохульные вещи, какие евреи совершают в течение всего года в соответствии с традицией своих праздников. Сии секреты талмудистов от того же Сарафиновича уже пошли в печать, но евреи, выкупивши книги, сожгли их. Початок мученичеству христианских детей и добыванию крови начался спустя несколько десятков лет после смерти Христовой по причине, которую тебе, сударыня, привожу тут цитатою из ксендзов Пикульского и Аведыка, дабы не подумала ты, что все это я сочинил сам:

«Когда после распространения святой веры христианской христиане начали набирать силу и осуждать евреев, евреи стали советоваться меж собой, как можно смягчить сердца христиан и расположить их к себе. И тогда отправились они к старейшему талмудисту, раввину Иерусалимскому по имени Раваше. Тот же, изучивши всяческие естественные и противные природе способы для успокоения рьяности и ожесточения христиан против евреев, ни к чему не пришел, и под конец обратился к известнейшей среди еврейских ученых книге Рамбама. И в ней прочел, что никакая зловредная вещь не может быть уничтожена иначе, как чрез сочувственное приложение другой вещи того же рода. Что осененный раввин истолковал так: огонь христианского ожесточения против евреев не может быть погашен иначе, как только кровью, испущенной из самих же христиан. с тех пор евреи стали красть детей христианских и жестоко их убивать, дабы их кровью заставить христиан быть к ним милосердными. И сочли это за правило, как сие ясно и пространно описывает Талмуд в их книге Зевхелев».

Меня сей вопрос сильно встревожил и, если б я этих письменных источников не видел собственными глазами, ум мой противился бы принятию такой правды. Все это, уверяют нас, написано в их книгах, но поскольку всё у них — как говорит ксендз Пикульский — пишется с точками, то есть с акцентами, коих в древнееврейском девять штук, а Талмуды печатают без оных точек, то в Талмудах сиих есть множество многозначных слов, которые раввины понимают по-своему, а иначе могут объяснять простакам, если надобно что-то держать в секрете.

Сие устрашает меня сильнее, чем ты себе, ясновельможная сударыня, можешь представить. В страхе вернусь я к себе в Фирлеев, ведь если на свете происходят такие вещи, то как может наш разум с этим справиться? Чай ученые книги лгать не могут! Не перестаю думать, кто бы в этих обстоятельствах

поверил талмудистам, если они в простых вещах грешат против истины и обманывают католиков. Что же тогда говорить о вопросе так существенном? и что эта потребность в христианской крови держится у раввинов в большом секрете. Простым и неученым евреям она неизвестна; однако ж, она правдива, потому что столько раз и столькими свидетельствами была доказана и приговором сурово наказана...

От переводчика

Прошло более четверти тысячелетия, а аргументы контраталмудистов, записанные ксендзом Микульским, и откровения бывшего раввина Сарафиновича до сих пор повторяются антисемитами. Взять хотя бы записи на сайте диакона Андрея Кураева, на странице, посвященной межрелигиозному диспуту. Вообще говоря, ничего заслуживающего нашего внимания там нет, кроме коммента одного из оппонентов кураевских френдов. Не вдаваясь в спор, он сопоставляет даты, которыми оперирует ксендз Гауденты Пикульский: известнейший вавилонский талмудист Раваше (Рав Аши) жил в конце IV — начале V веков. Рамбам (сокращение от имени Раби Моше бен Маймон) — не менее известный раввин, написавший Талмуд Рамбама, жил в XII в. Выходит, что спустя несколько десятилетий после распятия Христа евреи обратились к талмудисту, которому предстояло родиться через 300 лет, а тот в свою очередь проконсультировался с другим раввином, который должен был родится еще через 700 лет. Видимо, уже в начале новой эры евреи успешно пользовались машиной времени, иначе этой истории никак не объяснишь.

Юзеф Лободовский

Перевод Сергея Морейно

НЕОКОНЧЕННАЯ ПОЭМА

Дома говорили исключительно по-польски, и родители, мать в особенности, тщательно заботились, чтобы влияние среды и впоследствии школы на детей не сказалось чересчур сильно. Что ж это означало? Заученные наизусть стишки Яховича или Белзы, с бессмертным «Кто ты естесь? Поляк малы!», чуть позже простейшие тексты Конопницкой, «Возвращение отца» из Мицкевича, «Исторические думы», наивные повестушки Деотимы… Однако уже Сенкевича мы трое — я с сестрами — читали в русском переводе: достать оригиналы «Трилогии» и «Крестоносцев» не представлялось возможным. Из раскрытой хрестоматии поднимался бронзовый пушкинский гул «Брожу ли я вдоль улиц шумных…», трагический Демон взывал со склонов Кавказа, пленял мелодией не слишком внятных слов Бальмонт: «Я — прозрачный ручей, я — для всех и ничей… Вечно юный, как сон, сильный тем, что влюблен и в себя и в других, я — изысканный стих». Куда там добряку Яховичу тягаться с такими обаянием, такими чарами!

Так уж вышло, что первые лирические эмоции в жизни пришли вместе с чтением русских поэтов, первое смутное предчувствие будущего поэтического призвания навеяло волной певучего русского языка. А когда годы спустя я подружился с «Вячеславом Великолепным» Ивановым, с молящимся о смерти под африканским сикомором Гумилевым, с язычески-византийским мифотворцем Есениным — но прежде всего с величайшим и трагичнейшим из них, с Александром Блоком, — мне было не вырваться из заколдованного круга, из магических объятий этого языка и этой поэзии.

Ай да Ладонька, вещунья-ворожея,
что у темных у истоков тебе снится?
По дубравам зеленым, по свеям,
по печорам, ой по ладогам тенистым
журчит, плачет и лопочет, и жалеет,
шепот, топот, костровые-кострища;
горькой копотью потянет вдруг от елей,
серый дым трясинами зарыщет
и в бурьянах разойдется, пригорюнится,
навьими чарами восплещет;
эх калиновые там люли-люли,
сказы темные, были предвечные;
как пойдет плясать молодка-голубейка,
рукавом махнет, передернет,
соболиная с плеч скользнет шубейка,
бровь надломит-то, а носик-от вздернет,
станом-грудью обудит и пропойцу,
ты-ль умеешь любить, сокол ясный?

Ах, не пойте же вы, струны, ах, не пойте ж,
головы мне не кружите понапрасну!

Смятение и бунт

Начатой еще перед войной большой поэмы, которая должна была называться «Словом о языке русском», я не закончил; она осталась лишь в набросках и разрозненных фрагментах. Я писал ее в то

время, когда после долгого — слишком долгого — контакта с историей и литературой России все эти лирические дива Блока и Гумилева, Волошина и Есенина предстали мне в совершенно ином свете, нежели прежде. Ах, конечно же, божественные прометеевские порывы, классический строй и философская глубина, несравненная тонкость ощущения природы плюс метафизическая тревожность в рамках суровой формальной дисциплины: Пушкин и Лермонтов, Тютчев и Блок; но как совместить эти волшебные книги вдохновенных пиитов с явлением, имя которому — Россия? Едва лишь великий русский поэт обращает взор к облику своей отчизны и прикладывает к ее сердцу дрожащую ладонь, как на него обрушивается ночной кошмар, панический страх, безнадежное отчаяние. Общий знаменатель для всего вышеназванного — у ж а с .

Ты все ждешь во мгле спозаранку
то разбойника, то королевича?
Золотистая смуглянка-цыганка,
разметал танец волосы и плечи;
губы темные от горечи и дремы,
как в студеный поток отпущены,
думу думая в тереме-хоромах,
не сбирается ли буря насущная?

Али Снежкой в серебряном узоре
на сугроб уселась, как на сани,
чтобы гаснущими промчаться зорями
аж до самой лунной Рязани.

И летишь ты в даль окаянную,
как пожара степного дым,
загуляло облако пьяное
над покоем порошистых зим;
будто травы, в ладонях растертые,
звуки песенок о веснах и сне,
с самогоном смешана гармоника
и аукает тебя все грустней.

Соловьем выщелкиваешь песню
о скитальцах, о небогах, рукосуях,
заводя безумным псалмопевцем
толпам тугоухим: «Аллилуйя!» –
звоном резким обгладываешь струны,
что клинка харалужного укусами,
ожидаючи грозного Перуна
да из Суздаля чернявого Иисуса,
пусть идут воротами царскими,
серебра и парчи подпустят,
и от бремени печали хазарской
разрешаются кленовые гусли.

Вот, произнес — ужас. Из ужаса родится бунт. Не восстание, продуманное и организованное, не переворот, производимый под тем или иным флагом, в рамках той или иной идеологии, но именно бунт. Слепой, яростной, упоенный собственной удалью. Словно стихия неудержимый и, как стихия, внезапно стихающий, сбивающий «золотые маковки с церкви на пропой голытьбе кабацкой», сгиба-

ющийся под бременем собственной бесконтрольной силы, тот бунт, что, как писал Волошин, не разбирает, «кто хлопы, кто попы, кто паны», идеализируемый Сергеем Есениным в «Москве кабацкой»: «И уж удалью точится новой крепко спрятанный нож в сапоге. Нет! таких не подмять, не рассеять. Бесшабашность им гнилью дана. Ты, Рассея моя…. Рас… сея… Азиатская сторона!»

Другой полюс — религиозный мистицизм. Ему опять-таки присущ недостаток той божественной меры, что повелевает стремящимся в небо соборам Запада столь же мощно укореняться в земле и служить мостом, связующим жизнь людскую с горними сферами, а не убежищем от жизни. Сотни святых дала Россия, но напрасно искать среди них Блаженного Августина, Фому Аквинского или Святую Терезу Авильскую. «Наше духовенство не учит, — писал Самарин баронессе Раден, — оно занято только совершением таинств». И чуть раньше в том же письме: «Какая тайна религиозная жизнь народа, невежественного и предоставленного себе самому, такого как наш!» Прекраснейшие представители российского затворнического уклада — а их доставало даже в XIX веке, когда в крупных богатых монастырях все чаще предавались распутству и пьянству, нежели труду и молитве, — по большей части уходили на юг, в пу́стынь, чтобы в глуши и одиночестве практиковать аскезу, «религиозный подвиг». В аскетически-мистических песнопениях, снискавших в народе огромную популярность, речь шла обыкновенно о бегстве, о «матери-пу́стыни».

Типичная российская религиозность — это некритичное, стихийное восхищение православием. В еще большей степени — как говорят сами русские — «очарование, очарованность», растворение без остатка в стихии, самозабвение, восторг в том смысле, в каком употребляется это понятие польской средой; теологию отложим на потом. Основным выразителем такой позиции стал Достоевский, но не только — многие другие, поэты в том числе; на каждом шагу празднует она свой триумф. Когда Достоевский или Гоголь падают пред золоченой иконой на колени, их вновь и вновь подхватывает волна «безымянного, имперсонального, псевдохристианского элемента». Обратим внимание: обе стихии — бешеного бунта и православной отрешенности, — уже терминологически тяготеют друг к другу. «Рваный», «Голяк» — излюбленные клички предводителей крестьянских восстаний; «сирый», «нищий», «смиренный» — почетнейшие именования русских угодников и пустынников. Отождествив народную стихию с духом Евангелия, Достоевский расставляет последние точки над «i», когда, перефразируя знаменитое стихотворение Тютчева о «бедных селеньях», экзальтированно присягает: «Пока народ наш хоть только носитель Христа, на него одного и надеется… Пусть наша земля нищая, но эту нищую землю «в рабском виде исходил благословляя» Христос». Сорок лет спустя Блок ставит фигуру Христа в главе красного большевистского патруля, символически соединяя мистику бунта с православным мистицизмом. Роковой круг замкнулся богохульным видением великого поэта, его — да и всей русской поэзии — духовным самоубийством. Вскоре после этого от пули карательного взвода пал Гумилев — главный, наряду с Пушкиным, европеец, с чеканным, мужественным профилем, самый, надо сказать, средиземноморский среди русских поэтов: обязательная к принесению символическая жертва.

Все остальное: белая горячка Есенина, оборвавшаяся веревкой, остановленная револьверной пулей бравада Маяковского, медленная агония Пастернака с Ахматовой — суть остаточные явления процесса ликвидации. Что может быть ужаснее примера поэтессы, вдовы расстрелянного в ЧК, матери измученного сибирскими и алтайскими лагерями мальчика, сочиняющей хвалебные оды Сталину, который «видит сердце человека, что стало светлым, как кристалл. Своих трудов, своих деяний он видит спелые плоды, громады величавых зданий, мосты, заводы и сады…» Российская поэзия не только не могла справиться со слепой стихией, угрожающей ее земной отчизне, но и — испуганная, поддавшаяся панике, мечущаяся от сатанинской гордости к кощунственно безысходному отчаянию — сама же ее и призывала. И кончила, как и целый народ, на аркане у тирана, в услужении у преступников, ползая перед дыбой. «Гнилой интеллигент», «саботажник» и «агент» из романа Эренбурга «День второй» лапидарно подвел ее исторический итог: «Она началась с двух трупов [Пушкина и Лермонтова] и двумя трупами [самоубийц Есенина и Маяковского] кончилась. Скучно…» К сожалению, физическое самоубийство мог себе позволить не каждый.

Татарское наследие

Пока писался первый фрагмент неоконченной поэмы, в ушах у меня звучали горькие слова Блока: «Знала ли что? Или в бога ты верила? Что там услышишь из песен твоих? Чудь начудила, да Меря намерила гатей, дорог да столбов верстовых…»

Космы гари степной на помине легки,
к деревням татем крадучись тайным,
песнь, что соколом диким прянет с руки
и зальет половодьем гортань;
ах, еще безнадежный невольничий стыд,
да в кустах забубенный разбойный свист,
в плоть и кровь твою крепко вошли и вросли
чудь и меря, мордва, черемис.
И напрасно заблудшая, чистая Сапфо
ступит быстрой ногой в строй камланий опричных;
по лугам растоптанных вешних метафор
от погони хмельной удирая, закричит;
как бежать душегубств сможет бедная лань,
как спастись ей в туманных урочищах –
косу желтую схватит железная длань
и к седлу коня приторочит.

Глас Литвы не пройдет за кордоны Москвы,
не пролезет проклятая ересь латинская,
задушили подземных монахов мольбы
перекличку червонную Киева с Минском;
самозваной метелью новый век закружа,
лже-царевичей сонм нахлынет алым потоком,
лишь столпом негасимым встает из кружал
грандиозная тень протопопа.

Расплывешься в слезах как в фиалках ночных,
рассмеешься в черемухе — в плач бросит снова.
С чудным запахом трав, в расписных черевичках
набегут хороводом ритмичные строфы,
не шепнешь, не откроешь ты подруге своей
правды злой об арканах и ловушках,
будешь чары творить над пенной струей
ведьма смуглая, шалая вдовушка.

Там тебя и разыщут, там лесные крыла
разорвут, не стыдясь лебединого тела,
и в приказ: — приворотный отвар с кем пила
ты, чьим ядом князей опоила?
А на казнь уведут под светилом слепым,
искры прыг к волосам твоим с воем,
вновь железный воздвигнется жезл из толпы
что висел над твоей головою.

В двух последних строках эхом отозвалось одно из самых, быть может, драматичных стихотворений Александра Блока: «Он занесен — сей жезл железный — над нашей головой…». Сквозь творчество всех значимых поэтов XIX века — исключительность поэзии Фета подтверждает правило, — черной нитью проходит глухое предчувствие неминуемой катастрофы, в произведениях, непосредственно предшествующих войне и революции, набравшее полной уверенности. «Настанет год, России черный год, когда царей корона упадет…» — предвещал юный Лермонтов, едва ему исполнилось семнадцать. С пугающим реализмом Пушкина рисовал жестокость и пьяную ярость русского крестьянина; ему вторил Некрасов: «У каждого крестьянина душа что туча черная — гневна, грозна…» В часто цитируемом стихотворении Брюсова у народа отобрана даже надежда на перемены к лучшему. К декабрю же семнадцатого темные пророчества приобретают под пером Волошина мрачную форму.

«И как вынес я муку кровавую», — заявляет дух Стеньки Разина, заточенный «в прибрежный шихан» на берегу «Хвалынского моря», –

...Да не выдал казацкую Русь,
Так за то на расправу на правую
Сам судьей на Москву ворочусь.
И за мною не токмо что драная
Голытьба, а казной расшибусь —
Вся великая, темная, пьяная,
Окаянная двинется Русь.
Мы устроим в стране благолепье вам, —
Как, восставши из мертвых с мечом, —
Три угодника — с Гришкой Отрепьевым,
Да с Емелькой придем Пугачем.
(М. Волошин, «Стенькин суд»)

Столько и столькие писали о нигилизме русской литературы, как правило, сочетая его с политическими и социальными процессами, которые должны были привести к закату «петербургской» эры и новому расцвету московско-азиатской традиции. Никогда не помешает лишний раз подчеркнуть решающую роль, какую сыграло в становлении русского народа татарское иго, пришедшее на почву тем более податливую, что в ней колонизаторский славянский элемент был смешан с финно-угорским. И опять вспоминается гениальный Блок: «За море Черное, за море Белое в черные ночи и в белые дни дико глядится лицо онемелое, очи татарские мечут огни…» Политический бунт, программный атеизм, разрушение всяческих авторитетов находили в бессмысленных эстетических доктринах свое теоретическое обоснование, а в подсознательных лирических интенциях — эмоциональное одобрение. Итак, с одной стороны «базаровщина», находящая выход в таких конструктивных чувствах, как презрение и ненависть, возведенных в ранг программных; Добролюбов, тараном страстных слов бьющий в «темное царство», но не имеющий ни малейшего понятия, чем его заменить; эпилептические конвульсии Достоевского, вещающего, что коммунизм вскоре затопит все Европу, кроме… России; а с другой — Лев Толстой, по примеру Чернышевского отдающий Рафаэля за пару сапог; Писарев, садистски издевающийся над любым искусством, которое не служит утилитарным целям; Маяковский, предлагающий «бросить Пушкина с парохода современности». Арабы вместо креста ставили полумесяц и рядом с церквями строили мечети; Батый, Чингисхан ничего не перестраивали и не создавали заново — уничтожали. Нигилизм — неважно какой: литературный, революционный, царский, клерикальный — идет по прямой линии от инстинктов кочевой Азии, всегда присутствующих в великой русской литературе.

Можно было жить в «барских хоромах» и не высовывать носа за пределы Мясницкой или Большой Пресни, носить пенсне и шапокляк, но на самом деле бессознательно, стихийно тосковать по

«бесшабашной удали» и «молодецкому раздолью». Крестьянский «авось», солдатское «жизнь — копейка, судьба — индейка», пьяное «море по колено», «шапками закидаем», «трын-трава», «где наша не пропадала» — как это типично для людей, которых сосет магнетически притягательный вампир пространства, не позволяя выстроить иерархию оседлой жизни. Горький, дитя Поволжья, этого выдающегося университета жизни, *officina gentium* в бунтарской, кочевнической России, видел в резком территориальном росте империи факт спонтанного треска по всем швам, а вовсе не способность к государственному строительству. Вот будто навалился «Иван навалился тяжким пузом на землю и не пущает».

Порою кочевой инстинкт дает знать о себе в виде мягкой, меланхоличной ностальгии, как у Чехова, что на склоне своей жизни признавался Бунину: «Стать бы бродягой, странником, ходить по святым местам, поселиться в монастыре среди леса, у озера, сидеть летним вечером на лавочке возле монастырских ворот». А случается, кочевническая стихия хлестнет могучей волной и понесет наугад прекрасные есенинские строфы:

Устал я жить в родном краю
В тоске по гречневым просторам,
Покину хижину мою,
Уйду бродягою и вором.

Толстой, резко отвергший приглашение участвовать в открытии памятника Пушкину, так была угнетена его психика («вся заслуга его только в том, что он писал стихи о любви, часто очень неприличные»); Толстой, обвинявший Шекспира и мастеров итальянского Возрождения, а для Бетховена и его слушателей требовавший полицейского надзора («когда я видал разряженную даму в бальном платье [..] хочется крикнуть полицейского»), закончил уходом из дома, от семьи, чтобы умереть как бродяга, вызванный в бесконечность пространства инстинктом кочевника. В то же время видные русские художники считали, что посещение Лувра и Ватиканских музеев — это пустая трата времени. Перов, получив от Академии изящных искусств стипендию на посещение Парижа, за год до срока попросился обратно. Репин категорически объявлял Стасову, что в Риме «галерей множество, но набиты такой дрянью, что не хватит никакого терпенья докапываться до хороших вещей». А Тютчев, который как мало кто из русских поэтов той эпохи знал Западную Европу, сменив виды швейцарских озер и замков на хмурую невскую столицу «непривычной» ему России, пишет свою знаменитую апологию крестьянской нужды и темноты: «Не поймет и не заметит гордый взор иноплеменный, что сквозит и тайно светит в наготе твоей смиренной»... Для народников Рим — попросту «зло, тысячекратно коронованное».

Такова была реакция детей российского Аполлона, высунувшихся в окно, прорубленное в устье Невы властительной рукой Петра I.

▮ Окно в Европу

Санкт-Петербург! Когда из финских болот, на костях тысяч согнанных со всего царства рабов вырастала имперская столица, российская лирика находилась в зачаточном состоянии. Но уже в то время на холодных, псевдо-классической рукой вычерченных проспектах, закоулками трудовой бедности, в мрачных трущобах чухонской Охты повадились шалить призраки, избегнуть встречи с которыми не удалось ни одному петербургскому поэту. «Лиловое петербургское небо, — писал, кажется, Блок, — всегда предвещало кровь и восстание...» В «Миазме» Якова Полонского тень крестьянина, погибшего при строительстве города, пугает обитателей роскошного особняка. «Медный всадник» Пушкин начинается с восхвалений города и его создателя, но заканчивается пугающим видением безумного Евгения, паническим бегством спасающегося от конной статуи тирана. Блоку же, по-настоящему одержимому Санкт-Петербургом, Петр является в ночи на палубе «головного» фрегата, медленно скользящего вдоль Невы.

Мундир зеленый, рост саженный,
Ужасен выкаченный взгляд;
Одной зарей окровавленны
И царь, и город, и фрегат...
Царь! Ты опять встаешь из гроба
Рубить нам новое окно?
И страшно: белой ночью — оба –
Мертвец и город — заодно...
(А. Блок, наброски к «Возмездию»)

До самого конца XIX века поэты выезжали из России за границу лишь в порядке исключения. Пушкин, Лермонтов — пускай и величайшие — вообще не бывали на Западе. Внезапно почти всех охватывает чемоданное настроение. Одни, которым позволяют личные средства, едут в Париж, Флоренцию, в Рим, другие предпринимают воображаемые путешествия посредством переводческой деятельности. Блоку приснится «больной» сон у подножья «львиного столба», он будет восторгаться башнями Сиены, впадать в экстатический транс перед картинами Фра Анджелико, слышать шаги Данте на тихих улицах Равенны. Экзотические маршруты проложит Бальмонт, в эллинистической Александрии влюбится Кузмин, загадочная Африка сделается целью гумилевских скитаний. Что же из этих щедрых на поэтические дары поездок повезут они в свою мрачную, то проклинаемую, то обожествляемую попеременно отчизну? Вновь их путей коснется тень подпоручика Мировича, головой заплатившего за попытку освободить Ивана VI, двухмесячным ребенком взятого под стражу и заточенного в конце концов в Шлиссельбургскую крепость; вновь их беспомощное отчаяние окажется под бронзовыми копытами вздыбленного коня Фальконе; вновь, едва — уносимые парой рысаков на Елагин остров — они оглянутся, то во мгле белой ночи «из зловонного кадила» ударит их «ризой городская гарь», зловонный столичный чад, чад догорающего века — и не найти им на него иной управы, кроме соблазна звуков, лирических рыданий, забранных в красивейшие слова истерии ненужного человека.

Некоторые вперят свой «напряженный взор» — как прежде Тютчев, Добролюбов, Достоевский, — в деревню, в народ, «носителя Христа», будущего «обновителя» России и всего мира. Однако оттуда вместе с первыми залпами «Авроры» единственно долетят пьяные звуки рязанской гармошки и бессознательная икота гениально юродствующего «Сереги»:

Оттого-то в сентябрьскую склень
На сухой и холодный суглинок,
Головой размозжась о плетень,
Облилась кровью ягод рябина.
Оттого-то вросла тужиль
В переборы тальянки звонкой.
И соломой пропахший мужик
Захлебнулся лихой самогонкой.
(С. Есенин, «Сорокоуст»)

Птенец эфиопских кровей

Изначально, однако, ничто не предвещало, что благие намерения отведут прямиком в ад. Первые робкие шаги русская литература делала под руководством людей, созревших в совершенно чуждом ей культурном кругу. Исход Полтавской битвы и ужесточение курса по отношению к Украине привели к интенсивной эмиграции украинских писателей, интеллектуалов и духовенства в Санкт-Петербург, а их культурная формация, склонность к миру латинскому, уходящая корнями к Киево-Могилянской академии, обусловили характер их деятельности. Достаточно вспомнить таких персонажей как Прокопович и епископ Яворский, а также князя Кантемира, валашского аристократа, с течением времени

обжившегося в России под опекой Петра I. Кантемир, этот энциклопедический ум, очевидно тяготеющий к западной культуре писатель, философ, богослов, историк, археолог, географ, музыковед, ориенталист, которого часто цитирует Вольтер, предшественник эволюционных концепций Монтескье, стал — наряду с украинцами — одним из «оксидентальных отцов» русской литературы.

Читая торжественные, сочетающие в себе искренность религиозного опыта с великолепной неоклассической формой оды Державина трудно было предвидеть грядущие катастрофы. Жуковский, придворный и воспитатель престолонаследника, а в первую очередь превосходный компилятор и переводчик, прекрасно чувствовал себя в литературном сюртуке немецкого романтического покроя. Но вдруг поэзия русская совершает ошеломительный прыжок, одним махом покоряя высоты литературной Европы: Пушкин!

Наследник абиссинского прадеда, от которого унаследовал смуглый цвет лица, вьющиеся волосы и страстный характер, представляет не только наивысший в доблоковской России уровень лирического искусства, но и, пожалуй, единственный — расстрелянный большевиками Гумилев станет вторым исключением — период гармоничного баланса. Прав, мне кажется, Тхоржевский, лаконично обозначивший суть явления: «Пушкин — это краткий миг р о с с и й с к о г о р а в н о в е с и я, гармонии между русским и европейцем». Напрашивается существенное дополнение: н р а в с т в е н н о й и э с т е т и ч е с к о й и е р а р х и и в том числе.

Какой удивительный парадокс! Идеал классической ясности и гармонии, органичное восприятие красоты мира, максимальная мощь художественных порядков и иерархий, сознательное противление обоим демонам — дикого бунта и хаотической, не отстроенной в богословском смысле мистике православия, — достигнут русским, в чьих жилах течет страстная африканская кровь. В то же время удивительное понимание и точное выражение русской жизни — ее добра и зла — у человека, который в детстве не знал порядком русского языка, получившего типично космополитическое воспитание, и которого уже в зрелом возрасте Чаадаев в одном из писем умолял избегать любого контакта с французским языком, дабы не затруднять себе использование родной речи.

Классическая чистота и мужское хладнокровие, по сравнению с которыми блестящие произведения, скажем, Блока, напоминают спазмы отчаявшейся женщины, ввели в заблуждение российских комментаторов Пушкина. Привыкшие к надрывному трагизму подавляющего большинства русских писателей, они проглядели иную трагичность, зачастую выражавшуюся в форме героического пессимизма, — одну из основных струн пушкинской лиры; возможно, что и самую звучную. Он писал Надежде Осиповой: «Я — атеист счастья; я не верю в него», — однако его стихи дышат мимолетным счастьем. Пускай и неуловимое, это счастье художника, любящего красоту мира, умеющего ее заворожить, придав ей несокрушимую форму. Именно Пушкин, органически неспособный к «утилитарному» письму, является автором стихотворения о божественном призвании поэта, о его воспитательной и, стало быть, морально-социальной роли.

Как труп в пустыне я лежал,
И Бога глас ко мне воззвал:
«Восстань, пророк, и виждь, и внемли,
Исполнись волею Моей,
И, обходя моря и земли,
Глаголом жги сердца людей».

Но именно этого поэта русский народ отторгнул. Кого-нибудь — кто хорошо знает Россию, учился в русской школе — наверняка смутит и возмутит подобное заявление. Как это?! Ведь Пушкин принадлежал к числу любимых авторов, его знали на память, цитировали при любом удобном случае. Эй, да не хватил ли автор через край?!

Существуют различные формы отторжения великих писателей. Бывает, как это было до взаимных чар [sic!] Мириама* и Норвида, что творчество писателя тонет в абсолютном молчании, как если

* Мириам: псевдоним открывшего заново Ц. Норвида автора поэтического сборника «Из чар молодости» Зенона

бы не существовало вовсе. В других случаях популярность — это лишь видимость, поскольку осваивается наименее существенная его часть: поверхностно знают все, глубин не постигает никто. Это, собственно, и произошло с Пушкином.

Игнорировать стихи Пушкина затеяли еще современники. Вообще-то — как же может поляк этого не помнить! — один Мицкевич точно осознал масштаб пушкинского творчества. Русские критики и писатели в течение долгого времени отрицали его духовную ценность, признавая исключительно формальное мастерство. Булгарин отказывал ему во всяческой мысли и эмоции; Надеждин сочинял глупости на тему «роскошной мозаической тафты» и «фигурных баляс»; Григорьев с Достоевским чтили поэта, немилосердно его извращая, ибо восхищались своими собственными миражами, не имеющими с Пушкиным ничего общего; даже Чаадаев и Белинский, ближайшие сподвижники при жизни, принижали его величие: один называл его гений «грациозным», другой, наиболее целостный в оценках, испортил дело абсурдным в данном случае социологическим подходом. До настоящей облавы дошло при уже народниках. Успенский издевался над пушкинским универсализмом, Лев Толстой назвал пушкинские торжества 1880 года комедией. Константин Леонтьев углядел в поэте лишь «чувственного язычника». «Наш маленький и миленький Пушкин», «бряцатель», «рифмоплет», «кретин» — таков критический взгляд Писарева.

«Пушкин — писал этот идол «прогрессивной» молодежи — так красиво описывает мелкие чувства, дрянные мысли и пошлые поступки; Пушкин пользуется своею художественною виртуозностью, как средством посвятить всю читающую Россию в печальные тайны своей внутренней пустоты, своей духовной нищеты и своего умственного бессилия». Когда на похоронах Некрасова Достоевский поставил умершего рядом с Пушкиным и Лермонтовым, раздались протесты: «Некрасов был выше Пушкина и Лермонтова, те были всего только «байронисты»!» Лев Толстой сообщал Страхову с чувством глубокого удовлетворения: «Пушкинский период умер совсем, сошел на нет…» Впрочем, над «покойником» продолжали глумиться на все лады. Для адвоката Спасовича у Пушкина слишком «мелкий ум»; Розанов для разнообразия утверждал, что «Пушкин больше ум, чем поэтический гений». Затем появились марксисты и объявили Пушкина ведущим атеистом, хотя и до них некоторые достойные церковники отказывались служить панихиду по поэту в годовщину его смерти.

Лягушка Писарева

Перелом случился, но слишком поздно. Вернулась к Пушкину, чтобы найти в нем самые высшие художественные и духовные ценности, уже послереволюционная эмиграция. В России — толкаемой в пропасть слепыми бунтовщиками, исполненными достоевщины, нигилизма и безумного мистицизма — подлинный Пушкин зиял пустотой.

Неужто случайность? «Тут-то именно, в самой лягушке, и заключается спасение и обновление русского народа», — заявлял «не шутя и не потешая парадоксами» Дмитрий Иванович Писарев, тот самый Писарев, что считал Пушкина развратником и обзывал идиотом Онегина. Пошло, значит, от «распластанной лягушки», а пришло к официальной религии материализма, навязанной темному крестьянину с «душой что туча черной». Тот в свою очередь — согласно завету «Русского человека» — вырыл топор и отправился, по призыву Герцена, «обобществлять землю».

Фокусники, по хорошо известным им причинам желающие отделить старую Русь от большевизма, поскольку марксизм, дескать, явился с Запада, должны лицом к лицу сойтись с писаревской лягушкой. Да, правда, Бюхнер, Молешотт, Фейербах сделали прямыми пути русскому марксизму. Западные влияния не подлежат сомнению. Но откуда же та невероятная податливость, с которой была принята доктрина материализма и «распластанная лягушка» возложена на алтарь? «В один прекрасный день, — вспоминал студенческие годы Леонид Пантелеев, — настоящей бомбой влетела к нам «Сила и материя». Все перечитали ее с большим увлечением, и у всех… разом порвались остатки традиционных верований…» Трагические века тираний, дышащих среднеазиатской степью, подготовили почву, на которой вдохновение западного материализма моментально дало пышный урожай. Оттого спиритуальная, уравновешенная, обретшая в героическом пессимизме эквивалент чувственно переживаемой красоты поэзия Пушкина не нашла понимания и не имела последователей. А уж того

«краткого мига гармонии между русским и европейцем» никак не могли повторить его увязшие в противоречиях наследники, то и дело падающие на колени и тут же жгущие иконы, которым поклонялись минуту назад.

Их убило отсутствие воздуха

Говоря о Пушкине, я не раз упоминал Гумилева. Феномен этот для русской поэзии поистине уникален. Тип средневекового барда, заплутавшего среди декадентских витий, посыпанных византийской золотой пыльцой язычества Клюевых и Есениных, между желтых кофт футуристов. Та же ясность и гармония, что и у Пушкина, та же четкая моральная позиция и то же чувство меры и пропорции. Охотник и авантюрист, хаживавший сам-третей на льва, для которого слово «родина» и «честь» сливались в единое понятие, искатель кратчайших путей к истине. Отвага, бескомпромиссность, рыцарские отношение к людям, простым в религиозности, честная религиозность, мужественное приятие смерти.

Дай за это дорогу мне торную,
Там где нету пути человеку,
Дай назвать моим именем черную,
До сих пор неоткрытую реку.

И последняя милость, с которою
Отойду я в селенья святые,
Дай скончаться под той сикоморою,
Где с Христом отдыхала Мария.
(Н. Гумилев, «Шатер. Вступление»)

Характерная деталь: из известных русских писателей в 1914 году отправились на фронт добровольцами всего двое — и Гумилев был одним из них*. Дважды георгиевский кавалер, он писал позже с гордостью солдата: «Но Святой Георгий тронул дважды пулею не тронутую грудь…» Лишь пули большевиков положили конец ему и его поэзии. Гумилев возвратился в Петербург, оставшись глухим к просьбам и предупреждениям друзей: «Я дрался с немцами три года, львов тоже стрелял. А вот большевиков я никогда не видел. Не поехать ли мне в Россию? Вряд ли это опаснее джунглей». На литературном вечере, организованном у балтфлотцев, «особенно громко и отчетливо» поэт скандировал стихотворение из африканского цикла, в котором он описал свое посещение Аддис-Абебы и визит к абиссинскому негусу: «Я бельгийский ему подарил пистолет и портрет моего государя». Эффект брошенной в красную толпу перчатки оказался столь сильным, что зал взорвался аплодисментами. Гумилева не арестовали на месте — Петроградская ЧК расстреляла его полтора года спустя.

Обстоятельства смерти Пушкина отличны от гумилевских, но смысл ее тот же самый. Доказательств того, что Наталья Пушкина, как утверждают некоторые советские историки литературы, была любовницей Николая I, нет. Тем не менее, позиция императора до и после поединка с Дантесом, который по этой версии призван был сыграть роль ширмы, ничуть не снимает с самодержца моральной ответственности. В любом случае, атмосфера Санкт-Петербурга уже давно осудила поэта на гибель. «И Пушкина — написал Блок о «назначении поэта», — тоже убила вовсе не пуля Дантеса. Его убило отсутствие воздуха. С ним умирала его культура. «Пора, мой друг, пора! покоя сердце просит»».

Что ж, вот они, две гибели — для любителей символики. Инстинкт толпы изгоняет представителей иного цивилизационного климата, осознанно противостоящих вихрям Евразии. Круг тьмы и мглы сомкнулся вновь над несчастным народом.

Русскую литературу убивал недостаток исторического самосознания. В его отсутствие литературе было суждено метаться по бездорожью. Самая суровая самокритика — ее-то русским писателям, как

* Бенедикт Лившиц — другим. — Прим. пер.

правило, хватало — не заменит собой конструктивных ценностей. Ну что с того, что Блок, Брюсов, Волошин решились швырнуть в лицо отчизне оскорбительные слова, рядом с которыми меркнет польское: «Но, Польша, для любителей безделиц ты — редкий попугай или павлин»*, если не оказались они готовы к такой остроте морального видения и самосознания, какую являли нам Мицкевич, Словацкий, Красинский, Норвид, Выспянский или Жеромский… И — вместо ярко пылающих «огненных столбов» на перекрестках народной истории единственно горсть выдранных из страдающего сердца стихотворений, бьющихся мотыльками о решетки тюрьмы, единственно связка иммортелей, брошенная на гроб того, что могло бы стать великой цивилизацией, но стало убранным в ложные знамена серым, смердящим кровью эшафотом Ивана Грозного!

Такими я видел эти вещи, когда писал «Слово о языке русском», которого уже определенно никогда не издам. Поэтому еще только пара тех неотделанных строф, небезразличных для человека, чья ранняя юность прошла под могучим обаянием поэзии народа, одаренного всеми способности и талантами, но — увы — признающего один лишь стоический героизм: рабства!

Что ж, вашей речи, вашей песне гимны,
долг старый возвращая, спел здесь я.
Так ночью лунной да дорогой длинной
бредет письмо «Московия — друзьям»;
как слово польское, дитя свободы,
и вашей вольности взыскует, други,
так грозный вихрь ярым сумасбродом
свой дух вбивает в эти мрачные лачуги.

Когда ж я вашей музыки орудья
к младенческим прикладывал устам,
то мертвые шептали: «Сыном будь нам!» —
но на сердце уже ковалась смута
святых даров, зато сегодня, смело
вкусив дары судьбы, впустив сухой их жар
в дыхание свое, к другим пределам
я уношусь, как по весне школяр
бросает мэтра, так вот я, весенний,
топчу тропинки, вам неведомые, ибо
вся ваша песнь — испуганный Евгений,
дающий стрекача пред Конным Игом.

Мне, выросшему из шинели жалоб,
дичайших, пусть и вдохновенных криков,
жаль, что горячих струн витые жала
к руке невольника невольно липнут…

«Ведомости», № 49 (9 декабря 1951)

* Юлиуш Словацкий в переводе Бориса Пастернака. — Прим. пер.

Антоний Вжосек

ВОСПОМИНАНИЕ О КАЕ

В историю польской литературы XX века Казимеж Анджей Яворский (1897–1973) вошел прежде всего как основатель и многолетний редактор журнала «Камена». У истоков «Камены» вместе с ним стоял график, а первоначально администратор и казначей, Зенон Васьневский. Вальдемар Михальский, поэт, критик и журналист, житель Люблина (хотя и некоренной), в котором с 1949 года издавалась «Камена», посвятил жизни и творчеству Яворского небольшую монографию.

«Камена» появилась как ежемесячник в сентябре 1933 года; с перерывами, с большим или меньшим успехом преодолевая финансовые трудности — не будем забывать о приостановке издания журнала в годы войны и оккупации, — она продержалась на журнальном рынке 55 лет, ее последний номер (под редакцией Марка Адама Яворского, сына основателя издания) вышел в декабре 1988 года. Именно в межвоенный период «Камена» благодаря редакторской инициативе и широким связям К.А. Яворского в писательской среде сумела привлечь к сотрудничеству лучших мастеров слова. Кроме Вальдемара Михальского, назовем здесь хотя бы Юзефа Чеховича, Чеслава Милоша, Юлиана Пшибося, Казимежа Вежинского, Бруно Шульца, Владислава Броневского, Артура Сандауэра. Казимеж Яворский заботился о том, чтобы уровень его журнала оставался на высоте, и лично обращался к известным писателям с просьбами дать свои произведения в журнал. В межвоенный период «Камена» была гордостью и сокровищем литературной жизни Хелма, где журнал выходил до 1939 года, с 1949 года редакция перебралась в Люблин.

Кай — таким псевдонимом подписывался Казимеж Анджей Яворский — был не только создателем и редактором «Камены», у него были и собственные литературные амбиции: в 1924 году он дебютировал поэтическим сборником «Красной и белой любовнице», в последующие годы опубликовал среди прочего сборники «Лунный мустанг» и «В середине пути». Он увлекался поэзией Леопольда Стаффа и творчеством группы «Скамандр»; в его стихах отчетливо видно влияние мэтров, талантом

с которыми он, однако, равняться не мог. Его ценили, но энтузиазма как поэт он не вызывал. Со временем росло литературное мастерство Яворского, его стиль и техника становились все более совершенными. Во вступительном слове, предваряющем «Сочинения» (1971), Ярослав Ивашкевич писал: «Стихи Яворского прекрасны. <…> Версификаторские способности и умение подбирать слова ставят его в один ряд с выдающимися «классиками» польской поэзии последних 50-ти лет». В. Михальский справедливо пишет, что «поэзия Кая ни в ранний, ни в поздний период не поражает оригинальностью лирических структур <…>. Круг ее тем определяют ключевые мотивы: красота, природа, любовь». Точек соприкосновения с этим тематическим кругом в творчестве всеми любимых мастеров двадцатилетия было достаточно.

Отдельной и важной частью творчества Кая были переводы. Еще будучи студентом Харьковского медицинского университета, он перевел стихотворение Игоря Северянина на польский язык. Как замечает В. Михальский, переводческая работа Яворского «по количеству талантливейших переводов значительно превосходит его оригинальное творчество. В двенадцатитомном издании его «Сочинений» лишь один том составляют его собственные стихи, шесть остальных томов занимают переводы поэзии, главным образом со славянских языков». Безусловно, такое количество впечатляет, а часть текстов, представленных в этой книге, — это лишь скромный образец мастерства и чуткости Яворского как кропотливого переводчика. Мы найдем среди его переводов произведения Ярослава Сейферта, Максима Рыльского, Валерия Брюсова, Александра Блока, Осипа Мандельштама. Казимеж Прус, исследовавший деятельность Кая как переводчика, так характеризует его метод: «Он стремился к тому, чтобы перевод не слишком отдалялся от исходного текста, не потерял того, что мы неточно называем художественностью оригинала, но вместе с тем был хорошо написан по-польски».

Дело жизни Казимежа Анджея Яворского — журнал «Камена» — и многочисленные переводы поэзии обеспечивают ему, по мнению Вальдемара Михальского, «прочное место в современной литературной жизни и исследованиях, посвященных достижениям в области перевода европейской поэзии». О Кае помнит Хелм (он родился в селе Седлище недалеко от Хелма), в котором по решению Городской думы была установлена носящая его имя ежегодная премия «За достижения в области художественного творчества, популяризацию и охрану культурных ценностей». Именем писателя названа одна из люблинских улиц, а Литературный музей им. Юзефа Чеховича в Люблине, в архиве которого хранится около 2 500 писем К.А. Яворского, стал главным местом, увековечившим жизнь и творчество автора «Вызова теней».

NOWE. KSIĄŻKI

Лешек Шаруга

ИЗЛУЧЕНИЕ ФОНА

Предметом моего внимания является короткий цикл стихотворений, опубликованный в 1996 году в сборнике Юлиана Корнхаузера «Камешек и тень» и называющийся «Еврейская песня». Как известно, его автор — один из наиболее ярких представителей поэтического направления, которое критики называют «новой волной» либо «поколением-68», причем в контексте моих рассуждений второе наименование более функционально — отсылка к событиям марта 1968 года здесь принципиально важна. Я не имею в виду студенческие волнения, нашедшие свое отражение в таких стихах, как «И мы правда не знали» Рышарда Крыницкого или «Варшавянка» Кшиштофа Карасека. Речь идет в первую очередь о фоне тех событий, каковым была массированная антисемитская кампания, развернувшаяся в тогдашних польских СМИ под предлогом борьбы с «сионизмом».

Нет никаких сомнений, что Холокост — а точнее, память о нем — является исключительно важной отправной точкой в разговоре о судьбе польских евреев в марте 1968 года. Дело в том, что углубленная рефлексия относительно Холокоста как пограничного опыта современности не была в то время в Польше — да и за ее пределами — такой живой и обсуждаемой темой, какой стала после 1989 года. Подобного рода подход к относительно недавнему прошлому в польской литературе проявлялся сугубо эпизодически.

То, что Казимеж Вука называет «поколенческим опытом», писателям «поколения-68», в особенности тех, кто принадлежал к «новой волне», одним из основателей которой был Корнхаузер, стало трудно описывать: если еще о студенческом бунте, протестах против цензуры или защите прав человека и гражданина можно было писать на «цензурированном» языке ПНР, пусть и всего лишь на уровне аллюзий, то для выражения потрясения и негодования, вызванных волной антисемитизма, о которых и пишет Корнхаузер, просто не было слов. Этот своеобразный языковый коллапс вообще-то не был осознаваемым — да, все чувствовали наступление некоторого кризиса, однако никто не отдавал себе отчет в том, что «еврейский вопрос» оказывается его отправной точкой, что без прямого разговора об антисемитизме в Польше невозможно до конца понять, чем же был этот самый поколенческий опыт. Только спустя годы, в открывающем цикл «Еврейская песня» заглавном стихотворении Корнхаузер попытался понять суть этого опыта:

Черный дым плывет в немую просинь —
девушку-еврейку вверх уносит (...)

нет евреев а немые соглядатаи
бьют жидов камнями в головы пархатые

Это стихотворение показывает специфику поколенческого функционирования коллективной памяти на рубеже 60-х и 70-х годов. Осознание того, чем был Холокост, являлось общераспространенным, но в то же время весьма приглушенным. Эту частичную амнезию наиболее выразительно описала Эва Липская в стихотворении «Мы», открывавшем ее дебютную книгу и оказавшемся своеобразным поэтическим манифестом того поколения:

Мы — послевоенный выпуск, распахнутый настежь (...)
Нашим рождением отдана честь убитым.

А память, от пуль дырявую,
несем уже мы.

Фундаментальной проблемой, поставленной в процессе формирования «новой волны», была проблема языка, по-разному решаемая такими поэтами, как Крыницкий и Баранчак, с одной стороны, и авторами краковской группы «Тераз» («Сейчас»), к которой принадлежал Корнхаузер, с другой. В первом случае речь шла о своеобразном «просвечивании» языка, которое было связано с экспериментами краковского авангарда, во втором же — о поиске языка, выступающего в качестве свидетельства и делающего возможным «прямое высказывание».

Трудно спорить с тем, что поиск возможности «писать стихи после Освенцима» содержит в себе в первую очередь этическое измерение. Ведь опыт Освенцима в польской послевоенной литературе — по крайней мере, до середины 70-х годов XX века — если и не трактовался в общих чертах как опыт исключительно польский, то его еврейский контекст всегда оказывался где-то за скобками, отодвигался в тень, иногда в прямом смысле этого слова, если вспомнить, что книга «Читая пепел» Ежи Фицовского вышла тогда в самиздате, а «Квартирантка» Ханны Кралль и «Умшлагплац» Ярослава Марка Рымкевича — в эмигрантских издательствах. По-настоящему же Холокост стал предметом литературного дискурса в Польше только после 1989 года.

Рискну предположить, что за сделанным Корнхаузером в пору литературного дебюта принципиальным выбором стояла скрытая работа подсознания. Его важнейшее программное высказывание тех времен подтолкнуло его обратиться к традициям экспрессионизма, не слишком укорененному в польской литературе. Как верно заметил Яцек Гуторов: «Мы получили экспрессивный язык с резкой и даже буйной образной системой. (...) Существует много общего между ранним экспрессионизмом Корнхаузера и мрачными сюрреалистическими фантазиями первых сборников Крыницкого. И это, скорее всего, не случайность. В начале своего творческого пути оба поэта поставили под сомнение

возможности языка. Внимательное чтение этих стихов показывает, что это была реакция инстинктивного характера — и лишь потом наступила рефлексия, а заодно и попытка самоопределения».

Цикл «Еврейская песня», появившийся спустя четверть века после событий 1968 года, принадлежит в польской литературе к важнейшим свидетельствам того, что принято называть поколенческим опытом «новой волны», и что одновременно не поддается выражению. В каком-то смысле это тот случай, когда можно говорить об обнаружении языка, который — пусть и в небольшой степени, но все же — нарушил «тишину стыда», заглушающую важные и верные слова, о которой писал Агнеш Хеллер в эссе «Можно ли после Холокоста писать стихи?»: «Холокост породил четыре разновидности тишины: тишину отсутствия смысла, тишину ужаса, тишину стыда и тишину чувства вины». При этом стоит обратить внимание на конструкцию всего цикла: он открывается стихотворением, посвященным опыту Холокоста, затем идет текст о погроме в Кельце в 1946 году, и эти два произведения составляют что-то вроде увертюры к следующим двум, носящим автобиографический характер — «Бар-мицва» и «Плеть»; замыкает же цикл кода, которой является стихотворение «Кафка», при этом первый и последний текст написаны рифмованными, но нерегулярными, и поэтому ломающими гладкопись текста двустишиями, так что «Еврейская песня» и «Кафка» создают обрамление целого цикла.

Первое стихотворение, в котором речь идет об Освенциме, имеет двухчастную структуру. Первые пять двустиший говорят о живом присутствии убитых:

Черный дым плывет в немую просинь —
девушку-еврейку вверх уносит

вся родня ее возносится за ней
предварительно избавившись от вшей

тают медленно евреи в серых тучах
а дожди потом идут стеной летучей

и водой святой отпаивают лето
чтоб листва шумела голосами гетто

пахнет мыло детской кожей смертной мукой
пахнут локоны в матрасе майским лугом

Это, разумеется, своеобразный конденсат уже известных образов: достаточно вспомнить «Фугу смерти» Целана («мы роем могилу в воздухе») или «Невинность» Шимборской («Зачата на матрасе, набитом человеческими волосами»). Евреи, растаявшие в облаках, по-прежнему здесь, «водой святой отпаивают лето / чтоб листва шумела голосами гетто». Они живут в окружающих концлагерь деревьях и травах, как в «Воротах» Станислава Чича («Раздетая женщина широко раздвигает ноги на траве, выросшей из пепла сожженных людей»). Это прочно закрепившийся в литературе образ. Тем важнее оказывается комментарий, которым его снабжает Корнхаузер в следующих пяти двустишиях:

и живут евреи даже если нет их
дышит радостно их легкими планета

те кого сожрал огонь в печах немецких
навсегда увековечили Освенцим

нет евреев а немые соглядатаи
бьют жидов камнями в головы пархатые

но не больно им, евреям — бей хоть молнией —
ибо газом эти головы наполнены

и пусть дымом стали но вернулись, выжиги
чтобы вы из них тот газ навеки вышибли

Важным оказывается адресат, появляющийся в последней строчке. Кто они (ведь здесь не случайно используется множественное число), те, кто должны выбить из голов евреев этот газ? Может быть, пытаясь ответить на этот вопрос, стоит привести фрагмент написанной примерно в то же самое время поэмы Ружевича «Рециклинг»:

все чаще читают об этом
в постнацистских немецких газетах
в газетах американских
в польскоязычной «патриотической» прессе
читают перепечатки из иностранных газет
о том что Холокоста не было

Очередное стихотворение цикла — это «Песнь об убийстве доктора Кахане», написанная в подражание средневековой «Песне об убийстве Анджея Тенчинского». Доктор Северин Кахане был убит выстрелом в спину во время еврейского погрома в Кельце в 1946 году. Обращение к этому стилистическому приему представляется довольно удачным, хотя на первый взгляд оба события никак между собой не связаны.

Написанное в 1462 году анонимное произведение рассказывает о том, как разъяренная толпа убила рабштынского старосту, который ранее избил чинившего его доспехи краковского оружейника. Об этой истории известно, в частности, благодаря хронике Яна Длугоша. В стихотворении Корнхаузера речь идет о событиях 4 июля 1946 года, когда в городе Кельце, в результате распущенных кем-то слухов о похищении евреями польского мальчика и его ритуальном убийстве, был совершен погром, одной из жертв которого стал Кахане, глава местного Еврейского комитета. Как бы сейчас ни спорили относительно реальной причины тех событий (есть основания считать погром провокацией польской госбезопасности или даже советских спецслужб), очевидно, что поведение толпы свидетельствовало о реальных антисемитских настроениях, подогреваемых, в том числе, упорно распространяемыми выдумками об использовании евреями крови христианских младенцев во время своих ритуалов. После этих событий стала набирать обороты эмиграция евреев из Европы — и в первую очередь из Польши — в Израиль. Преступление в Кельце, совершенное как бы в тени Холокоста, громким эхом отозвалось в мировой прессе.

Стихотворение Корнхаузера вместе с его первоисточником образуют своего рода палимпсест — на средневековый текст

Окаянные вы люди, краковские мещане,
вы господина своего, старосту рабштынского,
убили, холопы, Анджея Тенчинского!

накладывается современный:

Окаянные вы люди, кельцкие мещане,
вы господина своего, Северина Кахане,
забили, холопы, прутьями да камнями!

В отличии от рифмованного (хотя и не везде) первоисточника, Корнхаузер в своем тексте от рифм полностью отказывается, что делает его стихотворение более строгим, лишенным поэтизмов, приближает к ритмической прозе. При этом автор последовательно архаизирует язык своего текста, как на вербальном, так и структурном уровнях — складывается впечатление, что перед нами своего рода эхо стихотворения, датированного XV веком, что оба этих взаимопроникающих текста словно просвечивают друг друга.

Те фрагменты текста, где речь идет о ходе событий во время погрома, представляют из себя как бы «переведенное» на современные реалии, довольно точное подражание стихотворению, посвященного смерти Тенчинского. Однако финал текста совсем иной. В первоисточнике речь идет о мести, более того, первоисточник поощряет месть. В стихотворении же Корнхаузера о мести нет ни слова, зато на передний план выдвигается жестокость толпы. Идея пересадить рассказ о погроме в Кельце на почву старопольского языка является как оригинальным, так и весьма символическим художественным приемом: стихотворение не только вскрывает «универсальный» механизм, управляющий действиями «послушного нелюдям» сброда, но и одновременно дает возможность дистанцироваться от желания мстить «по горячим следам». При этом данный прием позволяет если не выработать, то по крайней мере приблизиться к «универсальному» языку, к такой универсальной польской речи, когда укорененное в языке свидетельство сможет пережить все сиюминутное.

У третьего стихотворения цикла — «Бар-мицва» — существует прозаическая прелюдия, прозвучавшая в повести Корнхаузера «Дом, сон и детские игры»: «В тот сентябрьский день, когда мальчику исполнилось тринадцать, его с самого утра позвал отец: «Одевайся, да понаряднее, мы пойдем гулять!». (...) Отец, одетый в выходной костюм, шел рядом с сыном и почему-то выглядел скованным. Когда они оказались на улице Дольных Валов, напротив исторического музея, отец воскликнул: «Сюда!» Они вошли в темный широкий флигель, а затем взобрались по извилистой деревянной лестнице на третий этаж, где остановились перед обшарпанной деревянной дверью, на которой виднелась табличка с надписями на двух языках: польском и иврите. Мальчик прочел: «Дом Закона Моисеева». Хотя кто знает, возможна там была и другая, хотя и похожая надпись. (...) Молитвенный дом размещался в относительно небольшом зале. За продолговатыми лавками стояли накрывшиеся талитами пожилые евреи. Они приветствовали Ю. громким сердечным смехом. (...) У Ю. перехватило дыхание, на лбу выступили капли пота. Как он испугался! Почему отец ничего ему не сказал? Почему обхитрил? Он никогда раньше не был в храме, ведь детям запрещается участвовать в молитвенных собраниях. (...) Собравшиеся евреи приветствовали отца и похлопывали его по спине. Один из них — может, это был раввин? — нараспев читал текст из свитка Торы. Последнее благословение должен был произнести мальчик, но за него это сделал отец. Ю. лишь машинально повторял за ним непонятные, будто исковерканные слова. Кто-то надел ему филактерии — две коробочки с написанными на пергаменте молитвами и изречениями, одну на лоб, другую на левую руку. Все происходило словно во сне. (...) Ю. потихоньку приходил в себя. Он поднял на отца удивленный взгляд. «Почему?» — беззвучно спрашивал он. «Вот ты уже и взрослый», — отец поцеловал его в лоб».

Эта история рассказывается в третьем лице. В стихотворении же происходит принципиальная замена: «он» из «Дома, сна и детских игр» заменяется на «ты». Так что здесь мы вновь имеем дело с отстранением от собственного авторского «я». Одновременно текст произведения может выступать как своеобразное дополнение к сделанному ранее описанию торжества, как предсказание того, что должно произойти. Все это проговаривается одним развернутым предложением: «Монотонно, беззвучно, однажды и навсегда, как повелось веками, ведомый отцом, по всем правилам ты жертвуешь свое тело, еще не совсем пригодное для работы праха и дыма, для стружек седых облаков, а потом незаметно, для многих сознательно, день за днем ты прощаешься с бурей отчаянья, зажмуренным взглядом и кривотолками пламени, чтобы очистившимся, лишенным памяти, недостойным приветствовать братьев, вернуться к искусственной зелени лип, скользкой брусчатке, диким кладбищенским розам, с верой в последнее новолуние, последнее, но не худшее подношение надежды на знак чего-то далекого, но так знакомо пахнущего прохладой домашнего погреба, и с нескрываемой завистью, и с нескрываемой завистью к тем, кто с горделивой осанкой следит за полетом смертоносных стрел, пока ты задумчиво смотришь на уютный пятачок первой любви, возвышенной жертвы и грезы, так

и не обретшей никаких очертаний, очевидных и неизбежных, единых и окончательных».

В этом предложении, разбитом на стихотворные строчки, ритмизированном переносами, совершается попытка уловить смысл того опыта — смысл по самой сути своей неуловимый, не позволяющий ничего сказать прямо, но отраженный в потоке сплетенных между собой и взаимопроникающих значений. Это высказывание, направленное и в адрес себя самого, и в адрес читателя «стихотворения», высказывание, отдающее отчет в личном, интимном характере не до конца понятного переживания. Отдельные метафоры, такие, как «пересуды огня» или «уютный пяточок первой любви», только провоцируют и вводят в заблуждение своей многозначностью. Сам текст производит впечатление исключительно динамичного автоматического письма, почти сюрреалистического потока ассоциаций, подчиненного лишь принципу связности грамматической конструкции предложения. Не возникает сомнения, что произошло какое-то важное, переломное событие, что перед нами ситуация дара, момент жертвоприношения, причем не только телесного, совершаемого во имя невыразимой мечты, вызванной «чем-то далеким» и одновременно до боли знакомым, словно «прохлада домашнего погреба». Если бы не название стихотворения, трудно было бы догадаться, что речь идет о еврейском религиозном ритуале. Единственное, что косвенно указывает на еврейский обряд — это фрагмент, в котором говорится о «последнем новолунии», то есть праздничном дне жертвоприношений, знаменующем, согласно еврейскому календарю, начало месяца.

Четвертое стихотворение цикла, «Плеть», предваряемое эпиграфом «Сионисты — на Сион!», охарактеризованном как «партийный лозунг в марте 1968 года»), в отличии от всех других текстов, входящих в «Еврейскую песню», написано от первого лица и рассказывает о последствиях событий 1968 года. Здесь говорится не о студенческом бунте, как в других «мартовских» стихах, а в первую очередь об «исходе» польских евреев:

Те, кто покидал нас навсегда, видели не больше,
чем мы, склонившие наши головы.
Возможно, свистевший за спинами кнут казался
эхом поминального плача, но никто не хотел быть
умнее времени, которого так не хватало всем.

Уехавшие живут, «наполовину пропитанные ностальгией», в более комфортном мире, в то время как судьба лирического героя стихотворения становится намного сложнее:

я брал уроки
заметания следов, ничего не умея назвать на ходу (...)
оглушаемый ревом дежурных интеллигентов,
я вставал у окна, не повзрослевший еще, не знающий чувства стыда,
но в ожидании нового выхода.

Ощущению дезориентации и потерянности сопутствует невозможность впрямую назвать то, что видишь и чувствуешь. Именно в этом стихотворении Корнхаузера появляется столь распространенное ныне чувство не столько онеменения, сколько отсутствия языка, способного выразить угрожающий абсурд реальности, в которой герой живет, «задевая плечом стукачей, завернутых в трескучие газеты» (ничего удивительного, что тексту предпослан абсурдистский эпиграф).

Очень важно здесь и постоянное, пусть и несколько размытое присутствие тех, кто уехал, и чьи «далекие голоса, полные невыразимой печали / и бесконечных вопросов», хотя и напоминают «деловитый гул муравейника», все равно составляют непременный фон бытия:

Я смотрел на забытый шарфик и прядь черных волос,
как на предметы из мира иного, а может, как раз из этого,
но обращенного в прах силой одной –
не знаю – проповеди? нотации? а может быть, оговорки?

Реконструировать «этот мир», превращенный в пепел, само по себе непросто, одно очевидно — это мир, существовавший «до» событий 1968 года. Современность же — это жизнь на его пепелище. Открытым остается вопрос о причинах пожара, уничтожившего этот мир. Одной лишь «оговорки» могло оказаться достаточно. Быть может, слова Владислава Гомулки, произнесенные им 17 июня 1967 года, или статья в газете «Слово повшехне», издаваемой обществом светских католиков «Пакс», дали сигнал для проведения оголтелой антисемитской кампании. В любом случае, результат «оговорки» был ужасен. Герой-рассказчик этого наиболее личного стихотворения из цикла «Еврейская песня» признается в том, что можно назвать специфическим чувством вины:

Я хотел обернуться кругом, незамеченный,
падающий в бездну со всеми возможными объяснениями,
но чувствовал на себе взгляды тех, кого я покинул.

Можно по-разному интерпретировать слово «покинул»: с одной стороны, как отказ принимать участие в судьбе изгнанников, с другой, как неспособность к рациональной фиксации хода событий и их оценке. Этот второй вариант касается не только Корнхаузера, но и всех литераторов «поколения-68», которые не смогли сделать объектом своей рефлексии проблему антисемитизма, находившуюся, безусловно, в центре их исходного поколенческого опыта. Поэтому так важно сосредоточиться на финале этого произведения:

Взлетающий над моими плечами кнут на деле был призрачен,
как и вековая мечта о не знающем равных месте,
но его злая ухмылка все сильнее вбивала меня в землю,
и я слышал одно лишь невнятное,
хоть и известное мне заклинание:
да, да – нет, нет! да, да, нет, нет!

Особое значение имеет здесь последняя строка, в которой библейское противопоставление «да — нет» подвергается существенной корректировке. Герой на самом деле не знает, каким клятвам он должен хранить верность, поскольку во время ритуала «бар-мицвы» всего лишь «машинально повторял (...) непонятные, будто исковерканные слова». Поэтому и «невнятное заклинание», хотя и на первый взгляд хорошо известное, превращает противопоставление «да, да — нет, нет» в лишенную отчетливой цезуры цепочку слов «да, да, нет, нет», любое из которых ничем не выделяется. Реальное смешивается с нереальным — плеть существует, и в то же время ее нет. Прощание и похороны становятся одним и тем же, поскольку те, кто в первой строке «покидали нас навсегда» — это не только изгнанники, но и умершие.

Цикл Корнхаузера «Еврейская песня», без всякого сомнения, представляет собой художественно состоявшееся и наиболее содержательное в интеллектуальном плане выражение этого опыта. Завершающее цикл стихотворение «Кафка» — это портрет пророка. В финале стихотворения читаем:

но не сгорит все равно ни слова
не умер автор в венце терновом

В этом можно увидеть аллюзию на знаменитые слова Воланда из «Мастера и Маргариты» («Рукописи не горят»), однако это, кажется, была бы уже сверхинтерпретация. Зато появление образа Кафки в конце стихотворного цикла является до такой степени символическим, что отсылает одновременно и к эстетике экспрессионизма, и ко времени, предшествующему Холокосту — событию, открывающему цикл. Обращение к творчеству автора рассказа «В исправительной колонии» переводит ситуацию во вневременной регистр, а самому циклу придает характер притчи, причем настолько универсальной, насколько универсальной может быть мелодия «Еврейской песни»: тишина, становящаяся опорой молчания.

Юлиан Корнхаузер

Перевод Игор Белов

ЕВРЕЙСКАЯ ПЕСНЯ

Еврейская песня
Черный дым плывет в немую просинь –
девушку-еврейку вверх уносит

вся родня ее возносится за ней
предварительно избавившись от вшей

тают медленно евреи в серых тучах
а дожди потом идут стеной летучей

и водой святой отпаивают лето
чтоб листва шумела голосами гетто

пахнет мыло детской кожей смертной мукой
пахнут локоны в матрасе майским лугом

и живут евреи даже если нет их
дышит радостно их легкими планета

те кого сожрал огонь в печах немецких
навсегда увековечили Освенцим

нет евреев а немые соглядатаи
бьют жидов камнями в головы пархатые

но не больно им, евреям – бей хоть молнией –
ибо газом эти головы наполнены

и пусть дымом стали но вернулись, выжиги
чтобы вы из них тот газ навеки вышибли

Песнь об убийстве доктора Кахане

Окаянные вы люди, кельцкие мещане,
вы господина своего, Северина Кахане,
забили, холопы, прутьями да камнями!
Боже, сжалься над ним, над сыновьями Давида,
что страшную приняли смерть, поелику другим неровня.
Верой и правдой хотел он и братья его королю служить,
свою хоругвь носить, да солдаты отдали его на погибель.
Солдаты, милиционеры, отцы семейств, горожане
святости не познали, безоружных детей убили!
А убив, потащили по улицам, «Бей жидов!» восклицая,
поляки, кельчане, лживые псы-убийцы.
Запах смерти почуяли, охальников злых послушали,
кровушку братскую пролили на мостовую каменную.
Польский Бог сидит в лагере, от страха дрожит в бараке,
пока молодцы удалые, заломив картузы с орлами,
добивают дочерей еврейских арматурой, наотмашь.

Бар-мицва

Монотонно, беззвучно, раз и навсегда, как повелось
веками, ведомый отцом, по всем правилам
ты жертвуешь свое тело, еще не совсем пригодное
для работы праха и дыма, для стружек седых облаков,
а потом незаметно, для многих сознательно,
день за днем ты прощаешься с бурей отчаянья,
зажмуренным взглядом и кривотолками пламени,
чтобы очистившимся, лишенным памяти, недостойным
приветствовать братьев, вернуться к искусственной зелени лип,
скользкой брусчатке, диким кладбищенским розам,
с верой в последнее новолуние, последнее,
но не худшее подношение надежды
на знак чего-то далекого, но так знакомо
пахнущего прохладой домашнего погреба,
и с нескрываемой завистью, что это другие
с горделивой осанкой следят за полетом смертоносных стрел,
а не ты, засмотревшийся на уютный пятачок
первой любви, возвышенной жертвы и грезы,
так и не обретшей никаких очертаний,
очевидных и неизбежных, единых и окончательных.

Кнут
«Сионисты – на Сион!»
(партийный лозунг в марте 1968 г.)

Те, кто покидал нас навсегда, видели не больше,
чем мы, склонившие наши головы.
Возможно, свистевший за спинами кнут казался
эхом поминального плача, но никто не хотел быть
умнее времени, которого так не хватало всем.
Когда они, уже наполовину пропитанные ностальгией,
привечали ветер пустыни или купались, наслаждаясь прохладой,
в уютных бассейнах, принятые сдержанно,
но с интересом, остававшимся неутоленным даже после
тяжелых рассказов о безоглядной погоне, я брал уроки
заметания следов, ничего не умея назвать на ходу,
все сильней загоняемый одышкой бурных аплодисментов
в неведомое. Задевая плечом стукачей, завернутых в трескучие газеты,
оглушаемый ревом дежурных интеллигентов,
я вставал у окна, не повзрослевший еще, не знающий чувства стыда,
но в ожидании нового выхода.
И позже, когда далекие голоса, полные невыразимой печали
и бесконечных вопросов, уже напоминали
деловитый гул муравейника, я не закрывал окно,
поправляя опрокинутый цветочный горшок.
Я смотрел на забытый шарфик и прядь черных волос,
как на предметы из мира иного, а может, как раз из этого,
но обращенного в прах силой одной –
не знаю – проповеди? нотации? а может быть, оговорки?
Я хотел обернуться кругом, незамеченный,
падающий в бездну со всеми возможными объяснениями,
но чувствовал на себе взгляды тех, кого я покинул.
Взлетающий над моими плечами кнут на деле был призрачен,
как и извечные мечты о местах, которых ничто не заменит,
но его злая ухмылка все сильнее вбивала меня в землю,
и я слышал одно лишь невнятное,
хоть и известное мне заклинание:
да, да – нет, нет! да, да, нет, нет!

Кафка
в доме цвета неба родился он
плывет по улице колокольный звон

колокол бьет у святого Вита
судачит о Франце квартал именитый

в старой синагоге в Йозефове
головы склоняют пражские панове

смотрит Франц как течение Влтавы
скорби свои несет величаво

а солнце поет на струне золоченой
думает Кафка о гробе точеном

кости его как немые клавиши
завтра он их отнесет на кладбище

смотрят с укором раввин и вся Прага
что же ты сделал с собой бедняга

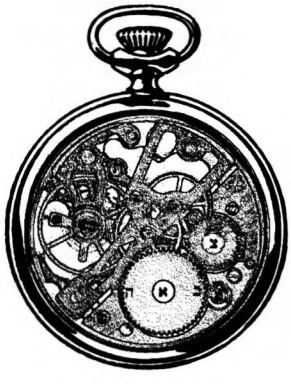
время дать рукописям свободу
нынче настало для Макса Брода

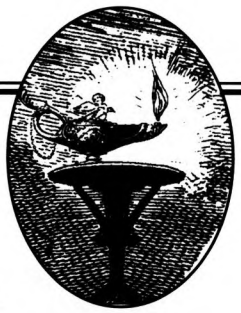
тихо смыкает он звенья процесса
замок из кубиков строит у леса

в Праге среди толчеи Вацлавака
Кафке никто не подаст даже знака

но не сгорит все равно ни слова
не умер автор в венце терновом

Прага, 1992





Эльжбета Савицкая

КУЛЬТУРНАЯ ХРОНИКА

» Каждые пять лет поклонники музыки Фредерика Шопена переживают большой эмоциональный подъем во время Шопеновского конкурса — одного из главных и старейших в мире музыкальных мероприятий такого типа. Так было и в нынешнем году. В начале октября в состязание вступили 78 пианистов из 20 стран, в том числе 14 представителей Польши. Среди выступавших в финале 10 пианистов из 8 стран был лишь один поляк — Шимон Неринг. Выступления финалистов оценивало международное жюри из 17 музыкантов под председательством профессора Катажины Поповой-Зыдронь. Имена лауреатов мы узнали в ночь с 20 на 21 октября в варшавской Национальной филармонии. Победителем XVII Международного конкурса пианистов имени Фредерика Шопена стал представитель Южной Кореи Сенг Джин Чо. Вторая премия присуждена канадскому пианисту Шарлю Ришар-Амелину, третья — американке Кейт Лью, четвертая — также представителю США Эрику Лу. Пятое место занял канадец Ике (Тони) Янг, а шестое — российский пианист Дмитрий Шишкин. Представитель Польши остался без премии.

Победитель, 21-летний Сенг Джин Чо, признался на пресс-конференции, что мечтал выступить на конкурсе Шопена с детства, а его кумиром был Рафал Блехач.

Шопеновский конкурс (в нем участвуют пианисты в возрасте от 17 до 28 лет) проводится каждые пять лет. Первый проходил в Варшаве в Национальной филармонии в 1927 году. Его инициатором был выдающийся польский музыкант и педагог Ежи Журавлев. Первым победителем конкурса стал советский пианист Лев Оборин (напомним, что и предыдущий конкурс, 2010 года, выиграла представительница России Юлианна Авдеева). За победу в конкурсе состязались такие представители мировой пианистической элиты, как, например, Марта Аргерих, Гаррик Олссон, Станислав Бунин, среди поляков — Станислав Шпинальский, Витольд Малцужинский, Петр Палечный, Кшиштоф Яблонский. Поляки четырежды добивались первой премии конкурса: Халина Черны-Стефанская в 1949 году (ex aequo с Беллой Давидович, СССР), Адам Харасевич в 1955-м, Кристиан Циммерман в 1975-м и Рафал Блехач в 2005 году. Более всего победителей взрастила Московская консерватория, а в Польше — Краковская музыкальная академия.

» Литературная премия «Нике» нынешнего года присуждена Ольге Токарчук за почти тысячестраничный роман «Якубовы книги». Герой романа — Якуб Франк (1726–1791), самозваный Мессия XVIII века из Подолья, создатель иудейской секты франкистов, купец, цадик, философ, пророк и алхимик, родившийся подольским евреем, а умерший польским аристократом. О «Якубовых книгах» писали, что это новое слово в области исторического романа, апология ереси и анти-Сенкевич. Ольга Токарчук получает премию «Нике» во второй раз (в 2008 году был отмечен ее роман «Бегуны»). В финале же конкурса ее книги оказывались шесть раз, пятикратно побеждая при этом в голосовании читателей (как, впрочем, и в этом году).

4 октября во время церемонии награждения в библиотеке Варшавского университета Ольга Токарчук сказала:

— Действие романа происходит 250 лет назад, но он рассказывает о современном мире. Хотя я писала книгу семь лет, она стала сегодня исключительно актуальной. Можно ее прочесть как метафору того, что происходит сейчас у ворот Европы. Она напоминает, сколь труден процесс ассимиляции, смешения. Но говорит также и о том, что нет этнически чистых обществ, нет народов с обособленными генами, а то, что объединяет, — это культура, общность и солидарность.

На следующий день лауреат дала интервью общественному телевидению. В программе «TVP Info» Токарчук сказала:

— Мы сочинили историю Польши как необычайно толерантной, открытой страны, которая не запятнала себя ничем плохим по отношению к меньшинствам (…). Надо будет встать лицом

к лицу со своей историей и попробовать написать ее заново, не замалчивая те страшные вещи, которые мы делали как колонизаторы, как национальное большинство, притесняющее меньшинство, как владельцы рабов и убийцы евреев…

Это высказывание вызвало огромную волну ненависти в интернете и угрозы со стороны «истинных патриотов» в адрес лауреата «Нике» нынешнего года. Однако немало было также жестов солидарности и поддержки. После интернет-линчевания писательницы министр юстиции и уполномоченный по правам человека объявили о проведении «круглого стола» по проблеме борьбы с засильем агрессивного троллинга. Ольга Токарчук не отказалась от своих слов, а заявила: «Я за всю жизнь не столкнулась с таким потоком ненависти, как за последние три дня. Я глубоко сочувствую всем, подвергшимся травле в интернете».

» Лауреатом литературной премии Центральной Европы «Ангелус» стал Сергей Жадан (р. 1974), выдающийся современный украинский поэт и прозаик. Он награжден за роман «Месопотамия» в польском переводе Михала Петрыка и Адама Поморского. Сергей Жадан, участник Майдана, часто высказывался по проблемам Украины. Украинцы, говорил он в своих интервью, уже не согласны жить по принципам, утвердившимся в период распада СССР, им надоела эксплуатация. Однако отмеченный премией роман — это не политическая книга, а баллада о любви и сложных судьбах жителей Харькова.

— «Месопотамия» объединяет поэзию и прозу, рассказы о Харькове находят свой контрапункт в поэме в конце книги, — говорит Юстина Соболевская. — Жадан с каждой новой книгой совершенствует свое мастерство, он пишет о Харькове так, что эти люди — у нас перед глазами, а о любви так — словно бы не было тысячи книг на эту тему.

Лауреатом читательской премии имени Натальи Горбаневской, председателя жюри «Ангелуса» в 2006–2013 годах, стал румынский писатель Лучан Дан Теодорович (р. 1975), автор романа «Матей Брунул» о создающем марионетки итальянско-румынском мастере, который вместе со своей куклой, в результате абсурдного стечения обстоятельств, стал жертвой сталинских репрессий.

Премии вручались 17 октября во вроцлавском театре «Капитоль».

» С 14 по 19 октября во Вроцлаве проходил «Бруно Шульц Фестиваль». В рамках фестиваля проводился Салон «Ангелуса» — цикл фестивальных встреч с авторами, которые в предыдущие годы были номинированы на премию «Ангелус» или получили ее. Среди них были Юрий Андрухович, Малгожата Шейнерт, Мариуш Щигел. Гостями фестиваля были выдающиеся писатели из Израиля — Цруя Шалев и Давид Гросманн.

» Уже в седьмой раз съехались в Краков писатели на фестиваль Конрада (19–25 октября). Это важнейшее в настоящий момент литературное событие в Польше не посвящено творчеству Джозефа Конрада — автор «Лорда Джима» лишь даровал свое имя фестивалю. Фестиваль нынешнего года прошел под девизом «Против течения». Организаторов на этот раз привлекли «белые пятна на карте мировой литературы, не очень распространенные языки, еще не полностью воспринятые идеи». Читатели встретились, в частности, с американским прозаиком и эссеистом Джонатаном Франзеном, с писателем и переводчиком польской литературы на венгерский Дьёрдем Шпиро, с литовским поэтом и переводчиком Томасом Венцловой. Немало было и польских писателей, во главе с Веславом Мысливским и Ханной Кралль.

» Специальным гостем фестиваля Конрада была Светлана Алексиевич. Лауреат Нобелевской премии по литературе нынешнего года встретилась с польскими читателями в переполненной до краев «Auditorium Maximum» — самой большой аудитории Ягеллонского университета. Во время встречи писательница говорила о двух своих запланированных книгах — о любви и старости, а также о следах СССР, которые по-прежнему присутствуют в ментальности русских и белорусов. Алексиевич, по ее признанию, надеялась, как и многие интеллигенты постсоветских стран, что после падения коммунизма наступит свобода, и что так называемый советский человек (homo sovieticus) сразу исчезнет. «Оказалось же, что мы, интеллектуалы, восседающие и рассуждающие на кухнях, не понимали обычных людей. Чем была для них свобода? Не означала ли она попросту жить получше, купить колбасу, мясорубку, машину? Сегодня российские

интеллигенты растерянны, бессильны — народ их не слушает. Мы потерпели поражение», — заявила нобелевский лауреат.

» **«Силезский литературный лавр» 2014 года читатели Силезской библиотеки присудили книге «Бексинские. Двойной портрет» Магдалены Гжебалковской. На первое место книгу поставила почти половина участников опроса. Далее следуют «Драх» Щепана Твардоха и «Восток» Анджея Стасюка.**

» Первым лауреатом премии «Полин» стал Томаш Петрасевич — руководитель Центра «Городские ворота — Театр NN» в Люблине. Премия присуждается отдельным лицам или организациям, которые своей деятельностью служат миссии варшавского Музея истории польских евреев «Полин» — сохранению памяти истории польских евреев и достижению взаимопонимания между поляками и евреями, между разными нациями Европы и мира. В своих программах люблинский центр апеллирует к символическому и историческому значению своей резиденции — Городским воротам, которые также называются Еврейскими воротами. Когда-то они вели из христианской в еврейскую — ныне не существующую — часть города. «Театр NN — это место, в котором бережно хранится память о совместном польско-еврейском прошлом города», — сказал в приветственной речи Мариан Турский, председатель капитула премии, на торжественной церемонии с участием министра культуры и национального наследия Малгожаты Омиляновской, состоявшейся 8 октября, в первую годовщину открытия постоянной экспозиции музея «Полин».

» **Веслав Мысливский принял 11 октября на торжественном собрании в Катовице титул «Великий посол польского языка». Писатель был отмечен «за выдающиеся заслуги в распространении прекрасной, правильной и этичной польской речи». Среди других награжденных — сатирик и поэт Анджей Понедзельский (титул «Посол польского языка в устной речи») и писатель Анджей Стасюк (титул «Посол польского языка в письменной речи»). Такие титулы, по инициативе вице-маршала Сената Кристины Бохенек, учредил президиум Совета польского языка (г-жа Бохенек погибла в авиакатастрофе под Смоленском в 2010 году).**

» Одно из наиболее почтенных издательств в Польше — существующий с 1946 года «Государственный издательский институт» (PIW) — спасено! В 2012 году издательство было поставлено в положение ликвидации по причине безнадежной финансовой ситуации. В защиту Института был создан Общественный комитет спасения PIW, который развернул в интернете акцию «Спасай PIW, спасай книгу!» Под обращением в министерство финансов подписались несколько тысяч человек. В октябре текущего года министр финансов принял решение о списании задолженности издательства. Институт будет преобразован в национальное культурное учреждение, находящееся в ведении министерства культуры. Этот процесс может завершиться до 31 марта 2016 года, «благодаря чему, — сказал министр финансов Анджей Червинский, — издательство сможет и далее выпускать классику польской и мировой литературы, а в следующем году отпраздновать 70-летие своей деятельности».

» **На экраны кинотеатров вышел «Демон» Мартина Вроны, один из наиболее интересных польских фильмов, показанных на 40-м Кинофестивале в Гдыне. После трагической смерти режиссера, случившейся 19 сентября как раз во время фестиваля, было неясно, какова дальнейшая судьба фильма. Однако последний фильм Мартина Вроны вышел в прокат в соответствии с планом, 16 октября.**

«Это первая за много лет отечественная попытка, вдобавок успешная, снять фильм ужасов, — написал Гжегож Клос, рецензент веб-портала «Виртуальная Польша». — Однако — хотя и исключительно добротный в профессиональном смысле — «Демон» не совсем вписывается в жанр. Используя стиль «паранормального триллера», режиссер затрагивает тематику общей памяти, национальных фобий, проблематику вины и греха, рассказывая при этом историю польско-еврейских отношений». Здислав Петрасик отмечает в «Политике»: «Третий, последний фильм Мартина Вроны похож на два предыдущих: вновь, как в «Моей крови» и «Крещении», все сюжетные линии сходятся во время семейного ритуала, а главные герои должны сделать важный жизненный выбор. Но и иной, более погруженный в литературную традицию. С одной стороны, архипольская «Свадьба» Выспянского, с другой — хасидский «Дибук» Ан-ского». В конце

рецензент отмечает: «Когда смотришь фильм сегодня, спустя лишь месяц после трагической смерти режиссера, картина приобретает совершенно новые смыслы».

» 13 октября в театре «Польский» в Варшаве прошел предпремьерный показ документального фильма о Славомире Мрожеке «Жизнь сто́ит жизни». Лента Павла Хары, фотографа и секретаря писателя его последних лет, разрушает стереотип представления о Мрожеке как о замкнутом, желчном молчуне. Автор «Танго» рассказывает о себе неожиданно много. «Мрожек в разговоре с Харой, — пишет Яцек Цесляк в газете «Жечпосполита», — не боится говорить о своих слабостях. Он затрагивает многие темы-табу своего прошлого — семейные, любовные, идеологические. Как из высказываний друзей, так и со слов самого писателя, мы узнаем о комплексе, связанном с крестьянским происхождением. О своем месте в социальной иерархии он вообще говорит: я вышел из-под пола». Рассказывает также о сложных отношениях с отцом, о своих идейных исканиях, то есть о юношеской увлеченности коммунизмом. Наконец, о гармонии, которую внесла в его жизнь жена Сусанна. Затрагивается в фильме молчание Мрожека, о котором говорят актеры Ежи Штур и Анджей Северин. По их мнению, в молчании писателя выражались его великое спокойствие, внимательность, но также и радость жизни.

» Параллельно в Лодзи, в «Мануфактуре», 20 октября открылась выставка «Мрожек. Жизнь сто́ит жизни», на которой представлено 38 крупноформатных фотографий работы Павла Хары. Снимки документируют два последних года жизни Славомира Мрожека. Фотографии уже демонстрировались в Риме и Рейкьявике, а вскоре отправятся на Балканы, затем в Париж и Берлин. В Лодзи выставка пробудет до 10 ноября.

» «Девушка с канарейкой» Леопольда Лефлера (1827–1898), очаровательная жанровая сценка с девушкой, которая дает птичке какое-то лакомство, — полотно, считавшееся утраченным в результате военных действий, вернулось в Силезский музей в городе Катовице. Оказалось, что картина кисти польского живописца, учителя Тетмайера, Вейса, Выспянского, никогда не покидала Верхней Силезии. Она пребывала в частных собраниях. Польские военные потери в области культурного наследия колоссальны. Департамент культуры до сих пор разыскивает около 7 тысяч картин польских художников, в том числе 47 работ Александра Герымского, 36 — Яна Матейко, 59 — Яцека Мальчевского, 29 — Станислава Выспянского, а также 7,5 тыс. произведений зарубежного искусства, среди которых значатся картины Рубенса, Рембрандта, Дюрера.

Прощания

» 3 октября в возрасте 94 лет в Гдыне скончался Францишек Валицкий, которого называли крестным отцом польского джаза и рока, создатель термина «биг-бит», первых польских ансамблей рок-н-ролла — «Rhythm and Blues», «Червоно-Чарни» и «Небеско-Чарни». Францишек Валицкий был организатором первых джазовых фестивалей в Сопоте (1956–1957), открывал молодые музыкальные таланты, создал первый польский рок-журнал «Musicorama». Под псевдонимом Яцек Грань писал тексты песен — например, «Помнишь ли еще меня?» и «Воскресенье будет нашим» ансамбля «Небеско-Чарни», «Пустые конверты» Петра Щепаника, «Играй в прятки» Чеслава Немена, «Если бы любил, эй!» группы «Breakout». Францишек Валицкий был одним из самых значительных деятелей культуры в послевоенной Польше.

» 14 октября в Варшаве умер Конрад Пустола — автор интересных фоторепортажей и проектов, многолетний деятель журнала «Критика политична» и сотрудник варшавского театра «Новый». В 2009 году осуществил проект «Darkrooms», демонстрирующий фотографии клубных помещений, где гости могут заниматься случайным сексом. В 2011–2013 годах им была создана серия снимков «Перед глазами власти», запечатлевших виды из окон кабинетов влиятельных лиц в Кракове, Варшаве, Зеленой-Гуре, Гданьске. Например, виды из окон отца Адама Бонецкого, кардинала Станислава Дзивиша, малопольского воеводы Станислава Крацика, президента Кракова Яцека Майхровского, президента Польского национального банка Марека Бельки, но также виды из окон Вислявы Шимборской, Анджея Вайды, Кристины Янды, поп-звезды Доды, главного редактора «Газеты выборчей» Адама Михника. Конраду Пустоле было 39 лет.

Дмитрий Легкий

ПОЛЯКИ В ССЫЛКЕ

Как поляки — «административно-высланные семьи репрессированных» в Кустанайской области КазССР — стали «польскими беженцами и союзниками» в 1941 году

В год 70-летия со дня окончания Великой Отечественной войны и Второй мировой войны мы не должны забывать горькие уроки прошлого. Казахстан, в том числе и жителей Костанайской области, которая была создана в 1936 г., в то время затронули трагические события, связанные с депортацией поляков в 1936 г. и с началом Второй мировой войны, начавшейся 1 сентября 1939 г. с агрессии гитлеровской Германии против Польши. После того как в 1939 г. Западная Украина и Западная Белоруссия вошли в состав СССР, прошла вторая волна депортации поляков: с февраля 1940 г. по июнь 1941 г., по изысканиям казахстанских ученых, на территорию КазССР было депортировано от 60 тыс. до 102 тыс. именно польских граждан (среди которых было немало украинцев и евреев) [2, с. 96]. На территории Кустанайской области на 24 декабря 1941 г. официально числилось 5 232 польских граждан [5, с. 162], в том числе членов семей, чьи отцы и братья стали солдатами Польской армии в СССР под командованием генерала Андерса. Следует отметить, что многие архивные материалы за 1939–1959 гг. были недоступны исследователям вплоть до последнего времени. К ним относились документы с грифом «Особая папка». Доступ к этим данным для историков стал возможен лишь после работы специальной государственной комиссии, снявшей режим секретности с этих документов в октябре 2007 г. В Государственном архиве Костанайской области (ГАКО) только сейчас по нашему запросу решается вопрос о рассекречивании «Особой папки» за 1941 г.

Долгое время военной тайной был факт формирования в нашей области польской армии генерала Андерса. Оказывается, уже 10 ноября 1941 г. командование Польской армии в СССР удостоверяло (это было заверено «государственным нотариусом Айдосовой»), что «капитан Романьский Мечислав Францевич назначен представителем командования Польской армии и заведующим регистрационным пунктом в городе Кустанае» [1, л. 21; ср.: 4, с. 125].

Документ 1

Кроме этого, в письме выражалась просьба «о оказании представителю содействия и помощи со стороны всех местных Властей» (стиль документа сохранён – Д.Л.), что и было сделано. В декабре 1941 г. опять же под грифом «Совершенно Секретно» было разослано письмо с указаниями всем председателям исполнительных комитетов районных Советов депутатов трудящихся. В начале документа обращалось внимание, что «Исполком областного Совета депутатов трудящихся имеет данные, что отдельные руководители колхозов, МТС, совхозов и других организаций грубо и невнимательно относятся к польским гражданам, проживающим на территории нашей области (…) польским гражданам несвоевременно выплачивают зарплату, не предоставляют квартир, не обеспечивают продуктами питания и т. д.». Исполком областного Совета посчитал такое положение «абсолютно неправильным и в дальнейшем нетерпимым» и предложил председателям исполкомов райсоветов депутатов трудящихся следующее:

1. Немедленно дать указания председателям исполкомов сельских, аульных, поселковых Советов, директорам совхозов, МТС и руководителям других организаций о создании необходимых условий проживающим польским гражданам проживающим на территории Вашего района в предоставлении квартир, работы и обеспечении продуктами питания, оказывая помощь транспортом при их выезде из района по требованию Кустанайского представительства командования польской армии.

2. Предупредите руководителей колхозов, совхозов, МТС и других хозяйственных организаций области, что они несут персональную ответственность за устройство и создание необходимых условий проживающим у них польским гражданам и что виновные в грубом и невнимательном отношении к польским гражданам будут привлекаться к суровой ответственности.
3. О принятых Вами мерах по данному распоряжению сообщите исполкому облсовета депутатов трудящихся к 15 декабря с.г. [1, л. 162].

О трудностях того времени говорит ещё один, казалось бы, простой документ, но он показывает конкретные цифры трудодней, полученных за это количество хлеба, подсолнечного масла, денег, одним словом, суровые будни далекого 1941 г. [см.: 1, л. 174].

СВЕДЕНИЯ
о количестве продуктов, полученных в 1941 году польскими гражданами от колхоза «20 лет Октября» Федоровского района /на трудодни/

Фамилия, имя	**Заработано т/дней**	**Получено хлеба /к гр./**	**Подсолн /кгр./**	**Деньги за продукты**
Кита Розалия	105,91	379	20	73,76
Конрад Мария	261,38	611	26	171,16
Поснак Т.М.	61	328	25	114,61
Филлиповская Розалия	23,76	-	-	-
Белявская Ольга П.	91,85	357	13,5	117,66

Отметим, что такие решения подвергались тщательному контролю и власти добивались их строгого исполнения. Это было связано с выполнением вышестоящих указаний. Об этом говорит грозное письмо председателя СНК КазССР Нуртаса Ундасынова от 4 декабря 1941 г. (публикуется впервые) [См.: 1, л.5; коп. л. 107].

Документ 2
24 декабря 1941 г. председатель исполкома областного Совета Д. Керимбаев (под грифом «Совершенно Секретно») пишет письмо председателю СНК КазССР Н. Ундасынову, что «на территории Кустанайской области в данное время проживает 5 232 человека польских граждан, большинство из которых размещены и работают в колхозах, совхозах и МТС области». Исполнительный комитет областного Совета депутатов трудящихся до этого 7 декабря 1941 г. специально обсудил на заседании исполкома облсовета «вопрос о положении польских граждан, проживающих на территории области и обязал исполкомы райсоветов депутатов трудящихся, председателей колхозов, директоров совхозов, МТС и руководителей других организаций создать проживающим в нашей области польским гражданам необходимые условия, как в предоставлении квартир, работы, обеспечении продуктами питания и транспортом при их выезде по требованию представителей командования польской армии» [4, с. 134; ср. 5, с. 162-163].

Таким образом, политический статус граждан Польши в Казахстане развивался поэтапно: от административно-высланных в 1940 г. к амнистированным гражданам Польши в 1941 г., а затем к «польским беженцам» и даже «польским патриотам» после 22 июня 1941 г. В связи с амнистией польских граждан по специальному Указу Президиума Верховного Совета СССР от 12 августа 1941 г.

депортированные в 1940-1941 гг. из западных областей поляки были освобождены из спецпоселения. На их основе на территории СССР были сформированы две польские армии. Как видим, статус и судьба депортированных граждан Польши будут предопределены вектором отношений между правительством Польши в эмиграции и руководством СССР.

Во многих случаях жизнь поляков, прибывших в Казахстан, зависела от принимавших их местных жителей. Несмотря на изменение в отношении властей (в зависимости от политической ситуации), простые жители относились к высланным полякам с состраданием, теплотой и заботой, делились с ними последним, несмотря на изменения их «политического статуса». Так, заместитель заведующего сельхозотделом ЦК ВКП (б) Ицков с тревогой сообщал секретарю ЦК Андрееву о том, что в одном из колхозов Кустанайской области Казахской ССР «ссыльным устроили такую радушную встречу, что отдали им дневной удой молока с фермы, так что даже дети колхозников в детплощадке остались без молока» [цит. по: 3]. Примечательно, что данный факт приводит Чрезвычайный и Полномочный посол Казахстана в Польше Алексей Волков. Действительно, как близких людей приняли жители Казахстана в свою семью эвакуированных польских граждан («польских беженцев») в годы Великой Отечественной войны.

В качестве примера и лирического отступления добавлю одну нашу семейную легенду «о кружке молока». В 1941 г. тринадцатилетний польский подросток, Яжевский Збигнев Иванович (р. 1928) раскрыл когда-то своему ровеснику, моему тестю, Титаренко Григорию Дмитриевичу (ему уже 82 года) страшную «военную тайну», что в поселках Приозерном и Смирновке Пешковского (ныне Карабалыкского) района находились жены и дети расстрелянных польских офицеров (объединённых страшным словом — Катынь). После войны, вернувшись в Польшу, Збигнев присылал в Смирновку продукты и вещи (мыло, сладости, крепкие новые ботинки) в знак благодарности за кружку молока в голодные дни 1941 г., которую каждый день вечером давала всем членам семьи польских беженцев (мать, её сестра и сын) сердобольная украинская женщина (бабушка моей жены), у которой было своих пятеро (!) детей. Украинцы делились с братьями-поляками пищей, не различая своих и польских детей, — такое трудно забыть. В «период перестройки» на рубеже 80-х и 90-х годов, из Польши приходили посылки с уже другими дефицитными в то время товарами: мылом, стиральным порошком, европейскими духами. Посылки шли на старый адрес, но на них были перечислены все члены семьи Титаренко. Они приходили одна за другой, долго блуждая, так как Пешковского района уже не было, а Титаренко были в каждом районном поселке. Может, Збигнев Иванович или его дети (две дочери, врач и артистка) прочтут эти строки, пусть знают, мы, дети ветеранов тыла, будем хранить память, эту романтическую историю о дружбе поляков и украинцев на далекой казахской земле. Ведь именно это и подвигнуло меня целый год работать над подготовкой книги о депортированных поляках в наш край в годы войны, включающей списки всех сосланных и в Пешковский, и в Введенский, и в Мендыгаринский районы (все, что мне удалось обнаружить). Если откликнется кто-то из рода Яжевских (они тоже есть в списках), я с удовольствием подарю ему свою книгу.

Список использованных источников

ГАКО. Ф. 268. Оп.11. Д.57. Переписка облисполкома с управлением НКВД и Народным комиссариатом иностранных дел по вопросам работы среди польских граждан, расселённых на территории Кустанайской области. 10 ноября 1941 г. – 11 декабря 1942 г.».

Алтаев А.Ш., Жангуттин Б.О. Краткие очерки истории Казахстана. Алматы, 2008.

Волков А. Поляки в Казахстане // Новая Польша. 2006. № 4.

Из истории поляков в Казахстане (1936-1956 гг.). Сборник документов: Архив Президента Республики Казахстан. / Отв. ред. Л.Д. Дегитаева. Алматы, 2000.

Костанайская область: страницы истории. 1936-2006. Сборник документов. /Под ред. С.А. Медведева. Костанай, 2006.

Дмитрий Легкий — доктор исторических наук, профессор Кустанайского государственного университета им. А. Байтурсынова. Автор данной статьи подготовил к печати сборник документов «Польские граждане в Кустанайской области в годы Второй мировой войны» (более 200 документов) с посвящением: «Подвигу братского польского народа посвящается».

Элиза Вольская

МОЛОДЕЖЬ ПЕРЕД ЛИЦОМ ИСТОРИИ

«Молодежь перед историей» — так называется публикация под редакцией Януша Кобрыня, в которую вошли материалы, собранные в 2008–2014 гг. во время исследовательских экспедиций учащихся, работавших на территории Республики Коми и в архангельской области Российской Федерации, а также на территории воеводства Нижняя Силезия Республики Польша.

Эта небольшая книжка, изданная на польском и русском языках, которая, как пишет в предисловии Генеральный консул РП в Петербурге Петр Марциняк: «(…) документирует путешествие польской и российской молодежи в наше общее прошлое, в прошлое, которое требует, прежде всего, правды. (...) Очень хотелось бы надеяться, что в тайге русского Севера и на кладбищах солдат Красной Армии в Польше молодые европейцы — россияне и поляки — найдут общий язык для диалога, общее увлечение в поиске правды и предании ее огласке. Таким образом, лучше всего можно будет отдать долг жертвам тоталитаризма».

Школьники из Польши и России принимали участие в исследовательских экспедициях, организованных к спецпосёлкам, в которых находились депортированные во время Второй мировой войны польские граждане, а также раскулаченные в СССР крестьяне, которых ссылали туда в 30-е и 40-е годы XX века. Благодаря этим поискам удалось собрать документацию и определить местонахождение поселений и лесных поселков, о которых нет сведений в архивных документах. Эти поселения и лесные поселки строили сами ссыльные, но после того, как лесоповал на данном участке леса был завершен, поселки ликвидировались. Очень важно, что учащимся удалось установить местонахождения кладбищ, на которых хоронили ссыльных.

Вячеслав Масальцев, учитель истории в средней школе села Летка в Прилузском районе, вел исторический кружок и вместе с учениками занимался изучением истории политических репрессий в сталинский период. Темой «польской ссылки» он заинтересовался в 2007 году во время экспедиции, отправившейся в несуществующий теперь посёлок Чейсол: «Недалеко от поселения было найдено польское захоронение, на одной из могил обнаружен крест с табличкой (...) Среди всех районов Коми, ставших объектами польской ссылки, Прилузский район принял на себя наибольшее количество спецпереселенцев бывшего Польского государства. В плане отношения местных властей к польским переселенцам и их проблемам, связанным с размещением, трудоустройством, жилищно-бытовыми вопросами этот район был самым неблагополучным».

Молодые исследователи не раз отправлялись в глубь леса, чтобы отыскать заброшенные поселения поляков. Таким образом, в течение нескольких лет юным исследователям и тем, кто приходил им на смену, удалось обнаружить и исследовать местонахождение десяти спецпоселений. Кроме того, были найдены шесть мест захоронения депортированных польских граждан.

В публикации также описаны результаты экспедиций, исследовавших Сыктывдинский район Республики Коми в 2012–2014 гг. и побывавших в лесном поселке Альвож, в местности Джепт, Шойна-Яг, в поселке Карнанаёль, на сельском кладбище в Нювчиме. Подробные описания дополняют воспоминания живущих там жителей окрестных деревень, еще помнивших польских ссыльных, среди которых было, например, такое высказывание: «Я помню мальчика по имени Владис, его мы звали Володей. Он жил с бабушкой, потом она умерла..(...) Володя работал с нами на сенокосе. Помню, как нам велели запрячь много подвод, чтобы увезти поляков в местечко Дав, недалеко от Кемьяра. Сколько их было — не помню. Куда затем перевели Володю, тоже не помню. Иногда думаю — может написать на передачу «Жди меня»? Если он еще жив, может, откликнется».

С польской стороны исследовательские работы, связанные с историей и сохранением памяти, проводились в Объединении общеобразовательных школ города Быстшица-Клодзка. В этих работах

используются научные материалы институтов и организаций с учетом специфики Нижней Силезии, которая, как известно, находится на стыке трех культур: польской, немецкой и чешской. Школа сотрудничает с местным кружком Союза сибиряков (поляков, прошедших сибирскую ссылку), а также с петербургским «Мемориалом» и библиотекой в Яренске. В 2013 году начал свою работу польско-российский проект обмена, проходящий под девизом «Местные герои», а благодаря встречам в Польше и России стал возможен обмен опытом учителей-методистов из обеих стран. В Польше проходили мастер-классы, экскурсии по местам памяти, состоялась городская игра, участники вели дневники работ, знакомились с историческими источниками, фотографировали и записывали интервью; в России сотрудники «Мемориала» рассказывали о методике работы на местах, в рамках которой устанавливаются памятные знаки в бывших спецпоселениях Ленского района. Опытные исследователи делились опытом, касающимся сбора воспоминаний репрессированных. Важную роль во время пребывания в России играли также Дни Памяти.

Молодежь из России, не только знакомилась с городом Быстшица-Клодзска, но и принимала участие во встречах с «сибиряками» (репрессированными поляками), узнавала о боевых действиях Красной Армии в Нижней Силезии, посетила концлагерь Гросс-Розен и мемориальное кладбище офицеров Красной Армии во Вроцлаве. Во время подведения итогов проекта молодые люди приняли участие в дискуссии, пытаясь ответить на вопрос, что для них значит понятие «местные герои».

Надо отметить, что деятельность, о которой идет здесь речь, является неотъемлемым элементом педагогической и воспитательной работы в школе города Бысшица-Клодзка. Проект входит в школьную программу, направленную на развитие интересов и талантов учащихся, внесен в планы обучения, в реализации которых принимают участие преподаватели многих специальностей, а собранные материалы используются для работы с молодежью на занятиях, посвященных истории репрессий в XX веке.

МЫ ЗНАЛИ И МОЛЧАЛИ

С Натаном Эйдельманом, советским историком и писателем, беседует Божена Марковская

— Много лет вы занимаетесь историей польско-российских отношений в XVIII и XIX веках и прослеживаете ее влияние на наши нынешние взаимоотношения. Всегда в соответствии с идеями вашего исторического героя Александра Герцена, вопреки антипольской линии Михаила Каткова. Как можно сегодня жить страстями споров времен январского восстания?

— Мы погружены в историю. Хотим мы того или нет, она все равно влияет на нас. А значит, и отношение к Польше и полякам тянется с тех времен через поколения, именно, будто двумя нитями — той катковской, реакционной, и герценовской, прогрессивной. Во всяком случае, я всегда помню слова Герцена, который во время январского восстания, поддерживая поляков, так писал на страницах издаваемого им в Лондоне журнала «Колокол»: если в России останется лишь двое людей, так относящихся к полякам, как я и Огарев (он говорил о своем ближайшем соратнике) — то и тогда внуки скажут нам спасибо за спасение чести русской демократии.

— И вы как раз и есть такой поздний внук, или, скорее, наследник этой идеи?

— Благодаря Герцену я понял, что большинство не всегда право. Хотя нас так учили годами. Порой меньшинство разумных, благородных и достойных людей выражает именно те, самые правильные, мысли, а только потом весь народ начинает их понимать.

— Как случилось, что вы, интересуясь историей двух наших народов и так дружелюбно относясь к Польше, впервые приехали сюда лишь теперь, к тому же, по приглашению Союза польских кинематографистов?

— По правде говоря, во времена застоя я практически нигде не бывал, только раз в ГДР и Венгрии. Я не увлекаюсь туристическими поездками, а на международные конгрессы и конференции, хоть и получал приглашения, меня не выпускали. Два года тому назад, в ноябре, я впервые выехал в Италию и Францию, и, наконец, сейчас, поездка в Польшу. В Италии меня спрашивали, какую личную выгоду принесла мне перестройка — я ответил: то, что я здесь. Теперь в Польше я повторяю это еще раз.

— Итак, вы здесь и сейчас являетесь живым примером перестройки?

— Если сказать нескромно, таким цветочком, который вдруг зацвел.

— Теперь я понимаю, что как человек непокорный и неудобный во времена застоя, вы связались с кинематографистами — теми, кто был в авангарде перемен?

— На самом деле, когда в Москве проходила польско-советская встреча кинематографистов, Ирина Урбанова — председатель Союза советских кинематографистов, предложила говорить не только о кино, так как этого недостаточно, но затронуть и другие польско-советские дела. Поговорить об истории. Поэтому пригласили меня.

— Темой следующей варшавской встречи была десталинизация в кино. Впрочем, тогда у нас, зрителей, была возможность посмотреть несколько фильмов, снятых в разные периоды, зато создающих одинаково лживый образ Польши и поляков…

— Искусство, возникающее в атмосфере лжи и страха, вынуждено создавать лживые и наполненные страхом произведения, либо должно говорить эзоповым языком, приспосабливаться, скрывать свои мысли.

— Искажение истории наших взаимоотношений началось еще в XVIII веке…

— Это было начало. Хотя ход событий неодинаков, в истории на протяжении веков происходят похожие вещи. Например, еще во времена разделов Польши существовали идеологические проблемы. В России всегда были сторонники подавления Польши и извлечения из этого выгоды. Поддержанные в XIX веке теорией Каткова о «польской интриге», задуманной ради ослабления великодержавной России, они как будто проникли в современность. Сторонники Каткова существуют, они живы. Это все те, кто

хотел бы не только подавить Польшу, но также, при случае, задушить перестройку в Советском Союзе. Это будто бы постоянно одни и те же люди, их потомки, наследники тех идей, взращенных в XVIII и XIX веках.

— Может быть, противники появились из-за страха перед этим нашим польским бунтарством и реформами, которые несет с собой любая революция. В своем докладе во время варшавских встреч вы говорили, что при Александре II Польша была тем местом царской империи, где должны были начаться реформы. Видите ли вы в настоящее время связь между реформами в Польше и в Советском Союзе?

— Есть такая старая поговорка, что революция в России начинается с Польши. А потом наоборот: из России она приходит в Польшу. Может быть, сейчас происходит именно это. Западный и восточный варианты удивительно связаны между собой.

— Известно, что революции лучше всего удаются, когда вспыхивают в нескольких странах одновременно…

— Всегда так бывает, что один начинает, а другой присоединяется. На встрече кинематографистов, если еще раз к ней вернуться, кто-то сказал деликатно, но верно: когда в Польше начинается какое-то движение, в Советском Союзе сразу же появляются две точки зрения. Одна, что это хорошо и что нужно проводить реформы, а другая — что это плохо и нужно все это задушить. Но когда в Советском Союзе начинаются реформы, никому в Польше не хочется им мешать.

— Наблюдение, которое, кажется, точно отражает суть наших взаимоотношений. Нам всегда хочется извлечь для себя как можно больше. Но вернемся к истории, на этот раз современной. В польско-российских и польско-советских отношениях по-прежнему остается много болезненных мест, не до конца проясненных, как хотя бы пакт Риббентропа—Молотова, как уничтожение польских офицеров в Катыни и других лагерях Советского Союза. В Польше эти факты уже много лет не только известны, но и являются частью общественного сознания, хотя публично о них начали говорить недавно. Всего месяц тому назад на страницах журнала «Одродзене» был опубликован отчет польской комиссии Красного Креста, созданной немцами для изучения преступлений, совершенных в Катыни. Знают ли в Советском Союзе что-нибудь об этих занозах в наших взаимоотношениях?

— Здесь все очень неоднозначно. Конечно, о пакте Риббентропа—Молотова знают больше, поскольку эти факты были раскрыты, хотя многие по-прежнему не понимают, как такое могло случиться. Ведь в течение многих лет писали, что это было хорошо и правильно. А потом наступил момент, когда Валентин Фалин* написал, что это всё же не так, потому что Гитлер, в конце концов, напал на Советский Союз, и ход войны был таким, как был.

— Но фалинские оценки событий сентября 1939 года тоже вызывают возражения в Польше.

— Однако даже Фалин резко осудил те страшные, оскорбительные слова, которые позже произнес Молотов в адрес Польши, а второй договор с Германией от сентября 1939 года, относительно границ, оценил как гнусный и скандальный. При этом он защищает августовский пакт о ненападении, подвергая сомнению существование секретного дополнительного протокола, мотивируя это тем, что в Советском Союзе недоступен оригинал договора Риббентропа—Молотова. И здесь я с ним не соглашусь, так как оригинал ведь существует на Западе, а доступные у нас копии авторитетно подтверждают позорный характер этого документа.

— К счастью, для историка косвенные документы также бывают достоверными.

— Я уже не раз говорил о том, что, если бы нам приходилось пользоваться только полными документами и оригиналами, то многие события следовало бы вообще вычеркнуть из мировой истории. Ведь нет оригинальных документов, касающихся не только истории Древнего Рима, но и более позднего времени, например, Люблинской унии. Значит ли это, что, к примеру, Люблинской унии не было?

— Значит, аргументы Валентина Фалина не являются решающими для историка?

— Вот именно. Нужно верить в достоверность копий, даже если правда, которую они открывают, будет неприятной или просто позорной. Вы спрашивали, знают ли что-нибудь в Советском Союзе о преступлении, совершенном в отношении польских офицеров. Да, о Катыни кое-что знают, так как

---

* Валентин Михайлович Фалин (р. 1926) — дипломат, политический и общественный деятель, референт А.А. Громыко и Н.С. Хрущева. Народный депутат СССР (1989–1991) — Прим. пер.

еще во время войны в Советском Союзе была создана специальная комиссия, в отчете которой вина за совершённые преступления возлагалась на немцев. Люди, действительно, в это поверили, они же не знали, что творили Сталин, Берия и прочие.

— Но ведь они знали о массовых казнях в Белоруссии?

— Те, что жили поблизости от мест преступления, чувствовали, что что-то происходит, но не знали до конца, что именно. Ведь это делалось в глубокой тайне. А народ был в гипнотическом состоянии. Авторитет Сталина во время войны был огромен, а преступления Гитлера, с другой стороны, общеизвестны. Кто же мог поверить Геббельсу, когда тот отрицал, что польских офицеров уничтожили немцы? Я тогда тоже ему не поверил.

— В 1956 году была возможность прояснить, наконец, этот вопрос…

— В общем да, но тогда еще царил огромный страх перед разоблачением сталинских преступлений. Ведь Сталин и Берия были не одни. В 1956 году были живы многие, кто сам расстреливал и не был заинтересован в обнародовании этих фактов. В книге Анатолия Рыбакова «Дети Арбата», за которой недавно все гонялись в Москве, говорится о зверствах, творившихся в то время, но ведь, в сущности, мы делали это сами. Убийство польских офицеров — это стыд и позор, но не менее постыдно убивать собственных генералов. Так что, нужно говорить открыто и об одном, и о другом. Некоторые разделяют эти вопросы — ужасное различие! Думаю, однако, что нам захочется добраться до истины и, наконец, рассказать о ней. Я и мои друзья-единомышленники хотим это прояснить. Я сам собираюсь вскоре опубликовать кое-что на эту тему. Не для того, чтобы кого-то эпатировать, а чтобы вызвать чувство стыда.

— Вы часто возвращаетесь к очистительным свойствам стыда. По вашему мнению, у советского народа было недостаточно поводов, чтобы ощутить его?

— Еще слишком мало. Очень поучителен фильм Тенгиза Абуладзе «Покаяние». Столько лет людям твердили, что они прекрасны, преданы стране, что они лучшие в мире. И хотя доходили сведения об убийствах, но ведь тех, кто погибал, называли предателями. В сознании простых людей все путалось. Многие и сейчас не могут понять, как это раньше о Сталине говорили хорошо, а теперь плохо. Другие твердят: нас это не касается, мы люди маленькие. Это, конечно, неправда, ведь это касается всех. Все голосовали за казни, все были за пакт Риббентропа—Молотова. Никто не спрашивал — толпа на митингах поднимала руки.

— Можете ли вы как историк объяснить, откуда это молчаливое, но все же добровольное согласие? Откуда это бездумное подчинение?

— Такие примеры массового одурманивания известны. В мире множество этих примеров. Фашизм в Германии, хунвейбины в Китае, Хомейни в Иране. Когда народ оказывается в критической ситуации — когда вспыхивает революция или происходит государственный переворот, выражением стремлений масс становятся броские лозунги. Личность растворяется в толпе. В толпе мы становимся другими. Кто-то кричит — кричим и мы. Убегает — мы убегаем или хотим это сделать. В коллективной психике сильно укоренен страх.

— А с ним и молчание…

— При Сталине царил страх, но и великая вера в вождя. В загипнотизированном народе цинизма было немного. Только потом люди начали понимать то, что произошло, но уже вскоре удобней стало забыть. Так родился цинизм времен Брежнева. При Сталине убивали тело, цинизм убивал душу. На самом деле, неизвестно, что хуже. Так что, излечить все это может только стыд.

— Но как можно вызвать такое всеобщее чувство?

— Говоря прямо и повсеместно о расстрелах в Белоруссии, убийстве в Катыни, показывая такие фильмы, как «Покаяние» и издавая книги Солженицына.

— Обычный человек, как правило, вместо трагических историй предпочитает приятную, бесконфликтную сказку.

— То, что сделано интересно, все же доходит до массового зрителя. На одной из встреч в Варшаве Анджей Вайда доказывал, что это неправда, будто бы народ ничего не хочет. Он хочет интересных, даже увлекательных произведений. Если есть такая потребность, можно делать детективы, наполненные глубокими мыслями. «Братья Карамазовы» Достоевского — это история убийства, то есть детектив, но глубоко философский. Вот и на тему «белых пятен» могут и должны появляться произведения высокого уровня.

— Когда все белые пятна в истории уже будут устранены, чем тогда заниматься историкам, и что делать нам, чем увлекаться?

— Выведение пятен — это еще очень долгая история. Впрочем, мне кажется, что вскоре после устранения одних появятся другие. В истории было, есть и будет много тайн. А еще, всегда существует срок, в течение которого не обнародуются документы. Пройдет, например, еще много времени, прежде чем станут доступными документы, касающиеся перестройки и влияния на нее тех же событий в Польше 1980-81 годов.

— Итак, чем вы будете заниматься в ближайшее время?

— Я пишу работу о декабристах, а также об ученых, которые в наше время разделили их судьбы. Заключенные в тюрьмы, они на собственной шкуре испытали участь героев своих исследований. В частности, я занимаюсь судьбами декабриста Раевского и Анатолия Жигулина, автора книги о нем. Жигулин после войны участвовал в тайном обществе против Сталина. Выданного вместе с другими, его жестоко пытали на следствии, а затем отправили в Магадан. Так что Жигулин по-настоящему унаследовал судьбу декабристов. Еще я готовлю публикацию, относящуюся к временам Екатерины II. Отсюда тянутся корни отношения российской власти и интеллигенции к Польше и полякам. Наши конфликты зародились тогда и продолжаются по сей день.

— Вы всегда смотрите на современность через призму истории — разве это не обманчивая перспектива?

— Иногда друзья приходят и спрашивают, что я вижу с перспективы XIX века? Можно увидеть немало. Хотя бы то, что реформы при Александре II подобны переменам, происходящим в наше время. Тогда консерваторы тоже противились этим реформам. Я вижу проводимую сверху, направляемую властями революцию и реформы, предписанные верхами.

— Для Герцена история была игрой слепых случайностей и великой импровизацией, а вы, похоже, считаете, что она все-таки повторяется?

— Не дословно, но по спирали — конечно. Повторяются определенные формы. В истории России всегда было два варианта деспотизма. Один экономический, когда не было свободного рынка — как при Иване Грозном и Сталине. Второй вариант — это меньше деспотизма, больше демократии и свободный рынок.

— Но всегда деспотизм?

— Самовластие Александра II было смягчено установлением законов, созданием институтов суда присяжных и земского самоуправления. Большим достижением было также расширение свободы печати и предоставление автономии университетам.

В настоящее время мы тоже имеем дело с ведущей ролью государства. По-прежнему государство вмешивается во все сферы жизни, все еще существует однопартийная система.

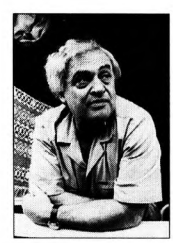
Дай Бог, чтобы следующим этапом перемен была демократизация, которая должна гарантировать реформы. Да, в истории России бывали мрачные периоды, но случаются и времена надежд.

С перспективы XIX века *per analogiam*** можно делать не только пессимистические, но и оптимистические выводы.

— Вы цитировали Герцена — каждый может говорить, что хочет, ибо кто хочет, может не слушать.

— Это условие свободы.

Odrodzenie

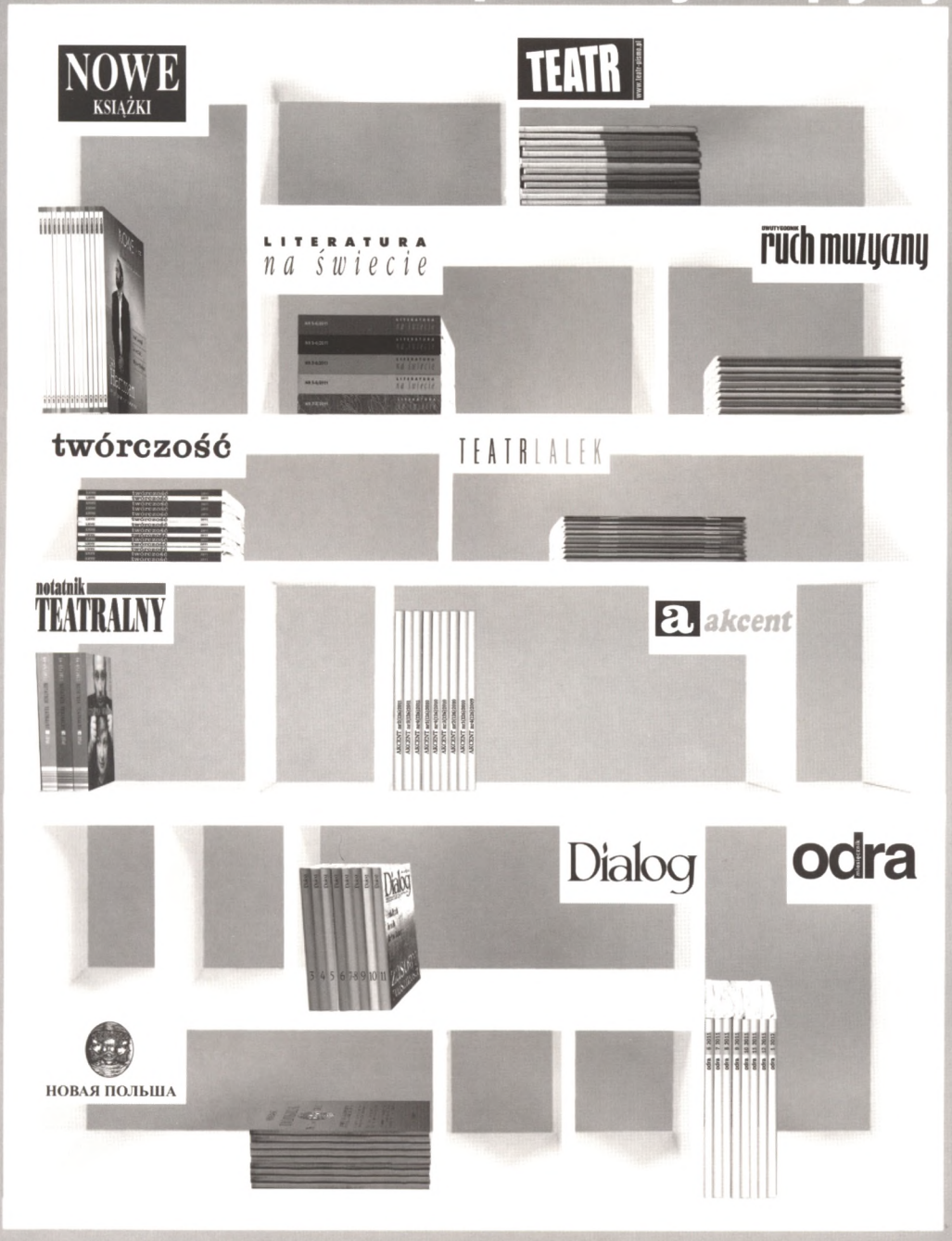


Натан Яковлевич Эйдельман (1930–1989) — советский историк и писатель, пушкинист. Специалист по творчеству Герцена, автор многих книг о декабристах (Сергее Муравьёве-Апостоле, Михаиле Лунине, Иване Пущине, Владимире Раевском), об историке Н.М. Карамзине.

** По аналогии (лат.) – Прим. пер.

INSTYTUT KSIĄŻKI
©POLAND

Достаточно протянуть руку



Instytut Książki Dział Wydawnictw
al. Niepodległości 213, 02-086 Warszawa, tel. +48226082374, tel./fax +48226082488
e-mail: czasopisma@instytutksiazki.pl
www.instytutksiazki.pl

Cena 8 zł. w tym 5% VAT
ISSN 1508-5589